

Один
из тех авторов
современной НФ,
кто пишет
и увлекательно,
и легко.
Джо Хилл

ДЖОН СКАЛЬЦИ

В КЛЕТКЕ

•

ВИРУС

•

НАПРОЛОМ

Звёзды новой фантастики

Джон Скальци

В клетке. Вирус. Напролом

«Азбука-Аттикус»

2014, 2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Скальци Д.

В клетке. Вирус. Напролом / Д. Скальци — «Азбука-Аттикус»,
2014, 2018 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-18831-0

По земному шару распространяется очень странный вирус. У большинства людей болезнь протекает как легкий грипп, но у тех, кому не повезло, у одного процента заразившихся – а это пять миллионов только в США, – развивается синдром клетки. Жертва вируса остается в сознании, все видит и чувствует, но не способна шевельнуться, не отвечает на внешние стимулы. Мир, чтобы спастись, был вынужден полностью измениться. Агент-ветеран Лесли Ванн получает в напарники только что начавшего службу в ФБР Криса Шейна. Им поручено расследовать убийство, связанное с хаденами – жертвами синдрома клетки. Главный подозреваемый – интегратор, человек, способный предоставлять свое тело в пользование хаденам. Если интегратор совершает убийство, когда несет в себе чужое сознание, крайне сложно выйти на настоящего преступника... Но в данном случае и следователи не так уж просты, ведь Лесли Ванн сама бывший интегратор, ну а Крис Шейн – хаден-инвалид, уже много лет прикованный к постели и способный перемещаться только в искусственных телах... Блестящая трилогия от звезды научной фантастики, написанная в лучших традициях Айзека Азимова, – впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18831-0

© Скальци Д., 2014, 2018

© Азбука-Аттикус, 2014, 2018

Содержание

В клетке	7
Синдром Хаден	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	73
Глава 12	79
Глава 13	85
Глава 14	90
Глава 15	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Джон Скальци

В клетке. Вирус. Напролом

John Scalzi

LOCK IN

Copyright © John Scalzi, 2014

UNLOCKED

Copyright © John Scalzi, 2014

HEAD ON

Copyright © Copyright © John Scalzi, 2018

All rights reserved Публикуется с разрешения автора и Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Д. С. Могилевцев, перевод, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

В клетке Роман

Джо Хиллу, которому я сказал, что сделаю это, и Дэниэлу Майнцу, моему очень дорогому другу

Синдром Хаден

Синдромом Хаден, или синдромом клетки, была названа совокупность физических и умственных заболеваний и отклонений, изначально вызванных «Великой инфлюэнцей», гриппоподобной глобальной пандемией, приведшей к смерти более четырехсот миллионов человек по всему миру. Люди умирали и на первой стадии болезни, когда проявлялись лишь симптомы обычного гриппа, и на второй, которой были свойственны характерные для менингита воспаления оболочек головного и спинного мозга, а также на третьей, когда осложнения вызывали полный паралич соматической нервной системы, в результате чего жертвы оказывались запертыми в своем собственном теле, как в клетке. Синдром Хаден получил свое название после того, как вирус порастил первую леди США Маргарет Хаден, ставшую самой известной жертвой этой страшной болезни.

До сих пор не установлено, где именно возникла «Великая инфлюэнца», но впервые она была диагностирована в Лондоне, и почти сразу же подобные случаи зафиксировали в Нью-Йорке, Амстердаме, Торонто, Токио и Пекине. Долгий инкубационный период до проявления видимых признаков позволил вирусу широко распространиться до его обнаружения. В результате более 2,75 миллиарда человек были заражены во время первой волны заболевания.

Развитие болезни проходило совершенно по-разному в каждом отдельном случае и зависело от состояния здоровья, возраста, наследственности и условий проживания. Наиболее опасной стала первая, гриппоподобная стадия, повлекшая за собой семьдесят пять процентов от всех смертей, вызванных синдромом Хаден. Однако у такого же процента пораженных болезнь и ограничивалась лишь первой стадией. У всех остальных развивалась вторая стадия, которая на первый взгляд напоминала вирусный менингит, но, плюс ко всему, вызывала у некоторых заболевших глубокие и необратимые изменения мозговой структуры. Несмотря на то что второй стадии подвергалось меньшее число людей, процент смертности на ней был выше, чем на первой.

Большинство из тех, кто выжил на второй стадии синдрома Хаден, не получили продолжительных физических или когнитивных расстройств, однако значительное число людей – более одного процента от изначально зараженных вирусом «Великой инфлюэнцы» – перешли в состояние запертых. Еще у четверти процента произошли нарушения умственных способностей вследствие изменений в их мозговой структуре, при этом их физическая активность не пострадала. Еще меньшее число заболевших – менее ста тысяч человек по всему миру – не испытали никаких физических или ментальных отклонений, несмотря на существенные изменения их мозговой структуры. Некоторые индивидуумы из этой последней категории в дальнейшем стали «интеграторами».

В Соединенных Штатах Америки жертвами синдрома клетки стали 4,35 миллиона граждан страны и резидентов. Аналогичный процент запертых был характерен и для других развитых стран. Это подтолкнуло США и их союзников вложить три триллиона долларов в Исследовательскую программу Хадена (ИПХ), амбициозный инициативный проект, нацеленный на глубокое изучение функции мозга и скорейший выход на рынок соответствующего программ-

ного обеспечения и оборудования, которое позволило бы людям, получившим синдром клетки, несмотря на болезнь, участвовать в жизни общества. В результате за два года, прошедших после утверждения программы президентом Бенджамином Хаденом, появились такие новшества, как первые внедренные нейронные сети, транспортеры личности (ТЛ) и доступное только для хаденов интернет-пространство, получившее название «Агора».

Хотя разработки в рамках ИПХ позволили добиться значительного прогресса в изучении развития и структуры мозга и подтолкнули к созданию нескольких новых отраслей промышленности, которые обслуживали страдающих от синдрома клетки людей, со временем появилось много жалоб на то, что связанные с хаденами – так стали называть запертых – исследования приобрели излишне первостепенное значение, а сами хадены благодаря правительственным субсидиям превратились в привилегированный класс. Это привело к тому, что сенаторы США Дэвид Абрамс и Ванда Кеттеринг представили на рассмотрение билль об урезании субсидий и программ для хаденов, что означало снижение налоговой нагрузки для остальных граждан. Вначале билль Абрамса—Кеттеринг был отклонен, но после внесения изменений был представлен снова и получил одобрение обеих палат конгресса с незначительным большинством голосов.

Несмотря на серьезный прогресс в изучении вируса, вызывающего синдром Хаден, и развитие программ социальной гигиены, препятствующих его распространению, надежной вакцины от болезни до сих пор не создано. Ежегодно в мире заражается около двадцати миллионов человек, а в США от пятнадцати до сорока пяти тысяч становятся запертыми. Хотя вакцина по-прежнему не дается разработчикам, уже можно говорить о некотором прогрессе в лечении инфицированных, которое включает в себя новейшую терапию по «перепрошивке» соматической нервной системы. В текущее время эта терапия проходит испытания на животных.

Статья «Синдром Хаден» на HighSchoolCheatSheet.com.

Глава 1

Мой первый день на работе совпал с первым днем забастовки хаденов, и я не покривлю душой, если скажу, что это было не самое удачное совпадение. Репортаж о том, как я вхожу в здание ФБР, тут же попал на все хаденские новостные сайты и форумы. Для первого рабочего дня самое то.

Лишь благодаря двум обстоятельствам не вся «Агора» обрушила ярость на мою голову. Для начала – далеко не каждый хаден поддержал забастовку. В первый день в ней приняли участие единицы. «Агора» раскололась на два шумных враждующих лагеря: одни непременно хотели протестовать, другие считали это бессмысленным, потому что билль Абрамса—Кеттеринг уже принят конгрессом.

Вторым обстоятельством послужило то, что ФБР, строго говоря, стояло на страже закона, а значит, исполняло важную общественную функцию. Возможно, поэтому тех, кто называл меня штрейкбрехером и предателем, оказалось гораздо меньше, чем я ожидал.

Перепалка на «Агоре» хоть немного разбавила нестерпимую скуку первого дня. Кучу времени я проторчал в отделе кадров, заполняя разные формуляры и терпеливо выслушивая невыносимо подробные объяснения насчет моих льгот и пенсионной программы. Затем мне вручили личное оружие, последние обновления софта и значок. Зато я рано отправился домой, потому что моя новая напарница выступала свидетелем в суде и не ожидалась на работе до конца дня, а чем меня занять, никто так и не придумал. Дома я не стал загружать «Агору», а сел смотреть кино, одно за другим. Зовите меня трусом, если хотите.

Мой второй рабочий день начался большей кровью, чем мне бы хотелось.

Я заметил свою напарницу, когда шел к отелю «Уотергейт». Она стояла недалеко от входа и тянула электронную сигарету. Когда я подошел ближе, данные с чипа на ее значке полились ко мне в поле зрения. Таким способом Бюро оповещало своих агентов о том, кто перед ними. Очков на моей напарнице не было, так что ее подобный поток сведений, но уже обо мне при моем появлении не захлестнул. Хотя, с другой стороны, едва ли он ей вообще требовался. Она прекрасно вычислила меня и невооруженным глазом.

– Агент Шейн, – сказала она, протягивая руку.

– Агент Ванн, – сказал я, отвечая на рукопожатие.

И умолк в ожидании того, что она еще изречет. Всегда интересно наблюдать, что люди станут делать при встрече со мной, не только из-за того, кто я, но и из-за того, что я хаден. Обычно либо одно, либо другое вызывает комментарии.

Ванн не сказала больше ничего. Просто убрала руку и продолжила посасывать никотиновую палочку.

Ну что ж, выходило так, что разговор надо было начинать мне.

Я взглянул на машину, рядом с которой мы стояли. Из ее раскрытой крыши торчало большое кресло.

– Наше? – спросил я, кивая в сторону машины с креслом в крыше.

– Косвенным образом, – ответила она. – Вы записываете?

– Могу, если хотите. Некоторые предпочитают, чтобы я не записывал.

– Я хочу, чтобы вы записали, – сказала Ванн. – Вы на работе. И значит, должны записывать.

– Извольте, – согласился я и включил запись.

Потом стал обходить машину со всех сторон, снимая ее с различных ракурсов. Ударопрочное стекло в окнах растрескалось, несколько кусочков выпало. На машине были дипломатические номера. В десяти ярдах какой-то мужчина орал в трубку мобильного по-армянски. Меня так и подмывало перевести его крик.

Ванн молча наблюдала за мной.

Закончив съемку, я посмотрел вверх, на дыру в стене отеля на седьмом этаже.

– Это оттуда кресло прилетело? – спросил я.

– Не исключено, что догадка верная. – Ванн вынула сигарету изо рта и сунула ее в карман жакета.

– Идем наверх?

– Я ждала вас.

– Простите, – сказал я и снова задрал голову. – Столичная полиция уже здесь?

– Я перехватила звонок из их канала. Подозреваемый – интегратор, а это наша территория.

– Вы уже сообщили об этом полиции? – спросил я.

– Я ждала вас, – повторила Ванн.

– Простите, – снова сказал я, и она мотнула головой в сторону вестибюля гостиницы.

Мы зашли внутрь и доехали на лифте до седьмого этажа, откуда прилетело кресло. Ванн прицепила свой фэбээровский значок на лацкан, я вывел свой на нагрудный дисплей.

Когда двери лифта открылись, мы увидели копа в форме. Она сразу подняла руку в предостерегающем жесте, останавливая нас. Мы дружно указали на значки. Она скривилась, пропустила нас вперед и что-то прошептала в рацию, когда мы направились к толпе полицейских у входа в номер.

Мы уже прошли полпути, когда из номера высунулась какая-то женщина, повертела головой, заметила нас и, громко топая, двинулась навстречу. Мельком взглянув на Ванн, я увидел, что она нацепила на лицо улыбку.

– Детектив Тринх, – сказала моя напарница, когда женщина подошла ближе.

– Нет, – отрезала полицейская вместо приветствия. – Ни за что. Это не имеет к тебе никакого отношения, Лес.

– Я тоже рада тебя видеть. Увы, ты ошибаешься. Твой подозреваемый – интегратор. Ты понимаешь, что это значит?

– «Все предполагаемые преступления с участием транспортеров личности или интеграторов подпадают под федеральную юрисдикцию», – процитировал я из устава Бюро.

Тринх окинула меня мрачным взглядом, потом демонстративно отвернулась, обращаясь к Ванн. Я решил отложить наше личное общение на потом.

– Мне неизвестно, что мой подозреваемый – интегратор, – процедила Тринх.

– Зато мне известно, – заметила Ванн. – Когда ваш офицер позвонил с места преступления, он идентифицировал подозреваемого. Это Николас Белл, интегратор. Состоит в нашей базе данных. Зафиксирован его пинг-запрос в момент, когда ваш офицер вырубил его.

При упоминании имени я повернулся к Ванн, но она продолжала смотреть на Тринх.

– То, что у него такое же имя, еще не делает его интегратором, – буркнула та.

– Брось, Тринх. Неужели ты правда хочешь заниматься этим перед детьми?

Я не сразу понял, что она говорит обо мне и копах в униформе.

– В нашей перебранке ты точно проиграешь, – сказала Ванн. – Лучше пусти нас внутрь и дай выполнить нашу работу. Если окажется, что все замешанные были в это время в Вашингтоне, мы передадим тебе все, что накопили, и отвалим. Давай будем пайныками и решим все миром. А то я ведь могу и перестать благодушествовать. Ты же еще помнишь, что это значит.

Тринх молча развернулась и скрылась за дверью номера.

– Я кое-чего не уловил, – заметил я.

– Вы знаете все, что вам нужно, – отрезала Ванн и шагнула в номер 714; я последовал за ней.

На полу ничком лежало тело мужчины с перерезанным горлом. Кровь пропитала ковер, забрызгала стены, кровать и стул. По комнате гулял ветер: в окне, занимавшем всю стену от пола до потолка, зияла дыра, куда, судя по всему, и улетело кресло.

– Известно, кто он? – глядя на труп, спросила Ванн.

– Документов никаких, – ответила Тринх. – Пока выясняем.

Ванн оглядела комнату, словно что-то искала.

– Где Николас Белл? – спросила она у Тринх.

Та криво улыбнулась.

– В участке, – сказала она. – Первый прибывший на место преступления офицер обезвредил его, и перед вашим приходом мы отправили его в участок.

– Что за офицер?

– Тиммонс. Его здесь нет.

– Мне нужна его съемка ареста.

– Я не...

– Тринх, она нужна мне прямо сейчас! Куда выслать, ты знаешь. Передай Тиммонсу.

Тринх снова скривилась, но вытащила телефон и позвонила.

– Что-нибудь передвигали? Трогали? – спросила Ванн у полицейского в форме.

– Мы – нет, – ответил тот.

Ванн кивнула.

– Шейн! – позвала она.

– Да, – сказал я.

– Начинайте снимать картограмму. Не упускайте никаких деталей. Осторожней со стеклом.

– Уже, – сказал я.

Я заранее включил режим записи. Наложил сверху трехмерную сетку, чтобы облегчить идентификацию, когда заглядываешь под кровати и в углы, и маркировал все объекты. Обошел номер, старательно заглянул в каждый угол, опустился на колени перед кроватью, включил налобный фонарь, чтобы лучше все разглядеть. И под кроватью действительно нашлось кое-что интересное.

– Там окровавленные осколки, – объявил я, потом встал и показал на стол, где стояли стаканы и две бутылки с водой. – На полу возле стола тоже осколки. Похоже, наше оружие убийства.

– Вы закончили с картограммой? – спросила Ванн.

– Почти, – ответил я и еще несколько раз прошелся по комнате, чтобы ничего не упустить.

– Полагаю, у вас тоже есть картограмма, – обратилась Ванн к Тринх.

– Она сейчас в обработке, – ответила та. – И у нас есть записи от побывавших здесь офицеров.

– Мне нужно все, – сказала Ванн. – Картограмму Шейна я тебе тоже пришлю.

– Прекрасно, – раздраженно процедила Тринх. – Что-нибудь еще?

– Пока все.

– Тогда будьте так любезны, покиньте место преступления. Мне надо работать.

Ванн улыбнулась и двинулась к выходу из номера, я за ней.

– Столичная полиция всегда такая? – спросил я, когда мы зашли в лифт.

– Никто не любит федералов на своей делянке, – ответила она. – Они нам никогда не рады. Большинство старается не хамить. У Тринх с этим проблемы.

– Со всеми федералами или лично с вами?

Ванн снова улыбнулась. Двери лифта открылись, и мы шагнули в вестибюль отеля.

– Не против, если я закурю? – спросила Ванн.

Она вела вручную к зданию участка и шарила в карманах в поисках сигарет, на этот раз настоящих. Машина была ее, и курить внутри закон не запрещал.

– У меня иммунитет к пассивному курению, если вы об этом, – заметил я.

– Как мило.

Она наконец выудила сигарету и надавила на автомобильную зажигалку, чтобы прикурить. Я убавил обоняние.

– Зайдите в мой ящик на сервере ФБР и проверьте, пришла ли уже запись ареста, – велела она.

– И как я это сделаю? – спросил я.

– Вчера я открыла вам доступ.

– В самом деле?

– Вы же теперь мой напарник.

– Ценю ваше доверие. А если бы вы после первой нашей встречи решили, что я – недостойный доверия засранец?

Ванн пожала плечами.

– Моя прошлая напарница была недостойной доверия засранкой, – сказала она. – Мы делили один ящик на двоих.

– Что с ней случилось? – спросил я.

– Получила пулю.

– При исполнении?

– Не совсем. Была на учебных стрельбах и пальнула себе в живот. Так и осталось неясным – намеренно или случайно. Разговоры разные ходили. Потом инвалидность и отставка. Я особо не переживала.

– Ну, я-то точно обещаю не палить себе в живот.

– Две шутки про тело меньше чем за минуту, – заметила Ванн. – Кажется, вы усиленно пытаетесь на что-то намекнуть?

– Просто хочу убедиться, что вы не испытываете при мне неловкости, – сказал я. – Не все знают, как себя вести, когда встречаются хадена.

– Вы не первый хаден, с которым я познакомилась. – Зажигалка щелкнула в гнезде; Ванн вытащила ее и зажгла сигарету. – Это вполне очевидно, учитывая нашу службу. Вы нашли запись ареста?

– Секундочку. – Я зашел на свидетельский сервер Бюро и открыл ящик Ванн; файл уже лежал там. – Она здесь, – подтвердил я.

– Запускайте, – сказала Ванн.

– Хотите, чтобы я вывел ее на приборную панель?

– Я за рулем.

– Говорят, уже изобрели беспилотники.

Ванн покачала головой.

– Это машина Бюро, – сказала она. – Вряд ли стоит доверять автопилоту, купленному через тендер по самой низкой цене.

– Разумно, – согласился я и включил запись ареста – скачущую, снятую в низком разрешении.

Как и ФБР, вашингтонская полиция, наверное, тоже покупала свою аппаратуру через тендер по дешевке. Съемка велась в стереорежиме, с одной точки, – скорее всего, камера была установлена на защитных очках. Запись началась с того, что коп – Тиммонс – вышел из лифта на седьмом этаже, уже с шокером наготове. У дверей номера 714 стоял охранник «Уотергейта» в скверно подогнанной униформе горчичного цвета. Когда камера приблизилась, стало видно, что в руке у него зажат тазер. Выглядел охранник так, что вот-вот обмочится от страха.

Тиммонс обошел охранника, и в кадр вплыл сидящий на кровати человек с поднятыми руками. Его лицо и рубашка были испачканы кровью. Изображение дернулось, после чего Тиммонс долго смотрел на труп, лежащий на пропитанном кровью ковре. Потом изображение снова дрогнуло и вернулось к сидящему на кровати человеку.

– Он мертв? – послышался чей-то голос – Тиммонса, как я заключил.

Человек на кровати посмотрел на труп.

– Да, думаю, мертв, – сказал он.

– И какого хрена ты убил его? – спросил Тиммонс.

Человек на кровати перевел взгляд на него.

– Не думаю, что это я, – сказал он. – Послушайте...

В этот момент Тиммонс всадил в него разряд. Человек вздрогнул, изогнулся и свалился с кровати, неподвижно застыв на ковре, будто зеркальное отражение мертвеца.

– Интересно... – пробормотал я.

– Что? – спросила Ванн.

– Тиммонс только заглянул в комнату и почти сразу вырубил нашего подозреваемого.

– Белла, – добавила Ванн.

– Да, – ответил я. – Кстати, это имя не кажется вам знакомым?

– Белл что-нибудь сказал перед тем, как его вырубил? – проигнорировав мой вопрос, произнесла Ванн.

– Тиммонс спросил его, почему он убил того парня. Белл ответил, что так не думает.

Ванн нахмурилась.

– В чем дело? – спросил я.

Ванн снова окинула меня взглядом, и я понял, что она смотрит не на меня, а на мой ТЛ.

– Новая модель, – заключила она.

– Ну да, – сказал я. – «Зебринг-Уорнер 660XS».

– Шестисотая линейка у них недешевая.

– Недешевая, – согласился я.

– Выплаты за аренду великоваты для зарплаты стажера ФБР.

– А значит, вот так мы будем с вами дальше?

– Я просто отмечаю очевидное.

– Прекрасно, – согласился я. – Полагаю, вам кое-что рассказали обо мне, когда сделали вашим напарником.

– Рассказали.

– И, полагаю, вы немного знаете о сообществе хаденов, поскольку это ваша работа.

– Да, – подтвердила Ванн.

– Тогда давайте пропустим ту часть, где вы притворяетесь, будто не знаете, кто я, из какой я семьи и почему могу позволить себе «Зебринг-Уорнер 660».

Ванн улыбнулась, потушила сигарету в пепельнице на дверце, потом опустила стекло и выбросила окурки.

– Видела, вчера на «Агоре» вам крепко всыпали за выход на работу.

– Не случилось ничего такого, с чем бы я не сталкивался раньше, и ничего такого, с чем бы я не смог справиться. Для вас это проблема?

– То, что вы – это вы?

– Именно.

– С чего бы это должно быть проблемой для меня?

– Когда я пошел в академию, многие посчитали это капризом богатого сына. Считали, что я просто буду протирать там штаны, пока не вступлю во владение своим трастовым фондом или еще чем-нибудь.

– Ну и как? – спросила Ванн. – Я имею в виду трастовый фонд. Вступили во владение?

– Еще до того, как пошел в академию.

Ванн хихикнула.

– Нет проблем, – сказала она.

– Уверены?

– Да. И кстати, это даже хорошо, что у вас такой элитный трил, – заметила Ванн, употребив жаргонное название транспорта личности. – Значит, снятая вами картограмма будет приличного качества. Что уже обнадеживает, ведь Тринх едва ли пришлет мне что-нибудь стоящее. Запись ареста, небось, вся дерганая и нечеткая?

– Ну да.

– Это полный бред. У копов все камеры на защитных очках снабжены автоматическими стабилизаторами и пишут с разрешением повышенной четкости 4к. Наверняка Тринх велела Тиммонсу испортить запись перед тем, как послать нам. Такая уж она засранка.

– То есть вы намерены эксплуатировать мои незаурядные технические возможности? – спросил я.

– Именно так. А для вас это проблема?

– Нет. Прекрасно, когда люди замечают твои достоинства.

– Хорошо, – поворачивая на стоянку возле участка, сказала Ванн. – Потому что у меня на вас большие планы.

Глава 2

– Это еще что за «бряк»? – спросил у Ванн полицейский, встретивший нас в участке.

Моя программа распознавания лиц определила его как Джорджа Дэвидсона, капитана второго участка столичной полиции.

– Ну надо же, – не сдержался я.

– Я что-то не так сказал? – Дэвидсон посмотрел на меня. – Никогда не могу запомнить, какое из слов – «трил» или «бряк» – мне не стоит сегодня употреблять.

– Вот вам подсказка, – любезно предложил я. – Первое происходит от любимого миллионами персонажа андроида одного из самых популярных фильмов всех времен. Другое описывает звук сломанного механизма. Угадайте, какое нам нравится больше.

– Понял, – ответил Дэвидсон. – Мне казалось, все ваши сегодня бастуют.

– Господи боже, – раздраженно проворчал я.

– Какой ранимый трил, – обратился Дэвидсон к Ванн.

– Какой засранец коп, – улыбнулась ему она.

Дэвидсон улыбнулся в ответ.

– Это агент Крис Шейн, мой новый напарник, – сказала Ванн.

– Охренеть! – выдохнул Дэвидсон и снова уставился на меня.

Очевидно, имя он все-таки знал.

– Сюрприз! – сказал я.

Ванн помахала перед носом Дэвидсона рукой, чтобы привлечь его внимание:

– Эй, у тебя тут кое-кто сидит под замком. Мы хотели бы переговорить.

– Ну да, сидит. Тринх предупредила, что вы скоро заявитесь.

– Надеюсь, с тобой не будет так же трудно, как с ней.

– О, ты же знаешь – я целиком и полностью за сотрудничество между стражами порядка, – горячо заверил ее Дэвидсон. – К тому же мне ты пока на любимые мозоли не наступала. Прошу. – он махнул рукой, приглашая нас в недра участка.

Через несколько минут мы уже смотрели на Николаса Белла через стекло. Тот молча сидел в комнате для допросов в выжидательной позе.

– Не похож он на парня, способного выкинуть кого-то из окна, – с сомнением заметил Дэвидсон.

– Он никого не выкидывал, – напонила Ванн. – Труп остался в номере. Вылетело только кресло.

– И на парня, способного выкинуть кресло из окна, тоже не похож, – настаивал Дэвидсон.

– Это интегратор, – сообщила Ванн и указала на Белла. – Он проводит массу времени с другими людьми в своей голове, а у этих людей могут возникать самые разные желания. И он в лучшей форме, чем тебе кажется.

– Как скажешь, – ответил Дэвидсон. – Тебе лучше знать.

– Вы уже говорили с ним? – спросил я.

– Детектив Гонсалес пытался, – сказал Дэвидсон. – Так этот просто сидел и молчал – и так минут двадцать.

– Ну, у него же есть право хранить молчание, – заметил я.

– Пока он не объявлял о желании им воспользоваться и адвоката тоже не просил, – сказал Дэвидсон.

– Как думаешь, это может быть связано с тем, что ваш офицер Тиммонс вырубил его прямо на месте преступления, а? – спросила Ванн.

– Я еще не получил полного рапорта от Тиммонса.

– Дэвидсон, да ты у нас просто путеводная звезда безопасной конституционной практики, – усмехнулась Ванн.

– Он уже давно очухался, – пожал плечами Дэвидсон. – Если вспомнит, что у него есть права, значит вспомнит. А пока нет, можете подкатить к нему, если хотите.

Я вопросительно взглянул на Ванн.

– Пойду пописаю, – сказала она. – А потом поищу себе кофе.

– И то и другое дальше по коридору, – сообщил Дэвидсон. – Ты еще должна помнить.

Ванн кивнула и удалилась.

– Крис Шейн, надо же, – сказал мне Дэвидсон, когда она ушла.

– Это я, – подтвердил я.

– Я вас помню, когда вы были еще ребенком. Ну, в смысле, не настоящим ребенком... ну, вы меня поняли.

– Абсолютно, – кивнул я.

– Как ваш отец? Собирается баллотироваться в сенаторы или как?

– Пока не решил, – сказал я. – Но это не для протокола.

– Я раньше смотрел все его игры, – сообщил Дэвидсон.

– Непременно ему передам.

– Долго уже с ней? – Дэвидсон махнул рукой в ту сторону, куда ушла Ванн.

– Первый день как ее напарник. Второй день на работе.

– Новичок, значит?

Я кивнул.

– Да, а так и не скажешь, глядя на это... – он указал на мой трил.

– Понятно, – сказал я.

– Хороший трил.

– Спасибо.

– Извините за «бряк».

– Никаких проблем.

– Думаю, нас вы тоже между собой называете какими-нибудь малоприятными прозвищами, – предположил Дэвидсон.

– Доджеры.

– Что?

– Доджеры, – повторил я. – Это сокращенно от «доджер-доги». Хот-доги такие, их продают на стадионе «Доджер» в Лос-Анджелесе.

– Да знаю я, что такое доджер-доги. Только не понимаю, как вы их с нами-то связали.

– Двумя способами. Во-первых, все вы в основном состоите из мяса, набитого в кожу. Так же как и хот-доги. А во-вторых, хот-доги – это большей частью губы и жопы. Так же как и вы – большей частью излишне болтливы и непривлекательны.

– Мило, – выдавил Дэвидсон.

– Вы спросили – я ответил.

– Да, но почему именно доджер-доги? Я всю жизнь болею за «доджерсов»¹, имею право знать.

– А почему трилы? Почему «бряки»? Такой сленг.

– А для него есть сленг? – спросил Дэвидсон, кивая на тихо сидящего Белла.

– «Мул».

– Логично.

– Ну да.

– Когда-нибудь пользовались таким?

¹ Бейсбольная команда «Лос-Анджелес доджерс».

– Интегратором? Один раз, – ответил я. – В двенадцать лет родители взяли меня в парк развлечений «Мир Уолта Диснея». Решили, что будет лучше, если я прочувствую чудеса в человеческом теле, и наняли для меня интегратора на целый день.

– И как оно? – спросил Дэвидсон.

– Отвратительно, – сказал я. – Было жарко, через час у меня заболели ноги, и я чуть не описался, потому что понятия не имел, как вы писаете. Обо мне ведь все время заботились, а хаденом я стал совсем маленьким и уже не помнил, как это делается естественным образом. Интегратору пришлось, что называется, выйти на поверхность, чтобы помочь мне, что им, вообще-то, не полагается, когда они с кем-то в голове. Через пару часов я совсем расхныкался, мы вернулись в отель и переключили меня обратно на трила. И вот тогда я и в самом деле отлично провел время. Хотя интегратору все равно заплатили за целый день.

– И с тех пор вы больше не пробовали?

– Нет, – сказал я. – Чего ради?

Дэвидсон что-то неопределенно промычал, а потом дверь в комнату для допросов открылась, и вошла Ванн с двумя стаканчиками кофе в руках.

– А ведь она тоже. – Дэвидсон показал на нее.

– Что – тоже?

– Интегратор. Ну, или была, пока не пришла в Бюро.

– Я этого не знал, – сказал я, глядя, как Ванн садится напротив Белла.

– Вот почему она вами и занимается. Знает вас, как никто из наших. Без обид, но у нас у всех просто в голове не укладывается, как вы вообще живете.

– Понимаю.

– Да, – сказал Дэвидсон и умолк, а я уже знал, что дальше последует рассказ о родственниках-хаденах – скорее всего, дядюшке или кузине. – У моей кузины был синдром Хаден, – печально поведал Дэвидсон, и я мысленно поставил галочку в графе «гениальные прозрения». – Она заболела еще в первую волну, тогда никто вообще не понимал, что это за хрень. У вируса даже названия не было. Кузина подцепила грипп, потом вроде пошла на поправку, и тут – оп. – Он пожал плечами.

– Клетка, – подсказал я.

– Она самая. Помню, пришел в больницу навестить ее, а там целое крыло ступорных. Лежат и дышат, и все. Несколько десятков. А ведь всего пару дней назад ходили, жили нормальной жизнью.

– И что случилось с вашей кузиной?

– Не выдержала. От ступора что-то в мозгу не так пошло, психоз или вроде того.

– К сожалению, такое часто случается, – подтвердил я.

– Ну да. Пожила еще пару лет, а потом тело не выдержало.

– Сочувствую.

– Да, дерьмово, – сказал Дэвидсон. – Только эта зараза ведь никого не щадит. Вот и первая леди заболела. Даже вирус в ее честь назвали.

– Все равно хреново.

– Это точно, – согласился Дэвидсон и кивнул на Ванн. – Она же его тоже подцепила, правда? В какой-то момент. Поэтому такая и стала.

– Отчасти. Существовал лишь крошечный процент людей, у которых вирус изменил структуру мозга, но не вызвал ступора. В свою очередь, у крошечного процента уже от них мозг изменился настолько, что они смогли стать интеграторами. – На самом деле все обстояло гораздо сложнее, но едва ли Дэвидсону это было интересно. – Думаю, на всей планете интеграторов всего тысяч десять.

– Ага, – согласился Дэвидсон. – В общем, она интегратор. Или была им. Так что как-нибудь разговорит этого парня.

Он увеличил громкость колонок, чтобы мы могли слышать разговор в комнате для допросов.

– Я принесла вам кофе, – сказала Ванн, пододвигая Беллу стаканчик. – Взяла на себя смелость предположить, что вы любите с сахаром и сливками. Простите, если не угадала.

Белл посмотрел на кофе, но ничего не сказал и стаканчика не взял.

– Чизбургеры с беконом, – вдруг объявила Ванн.

Как ни странно, Белл неожиданно отреагировал на эту явную бессмыслицу.

– Что? – спросил он.

– Чизбургеры с беконом, – повторила Ванн. – Когда я работала интегратором, то съела целую прорву гребаных чизбургеров с беконом. Вы наверняка знаете почему.

– Потому что первое, чего всегда хочет запертый после интегрирования, – это чизбургер с беконом, – сказал Белл.

– Значит, не только со мной так, – улыбнулась Ванн.

– Нет, не только.

– На улице, где я жила, была бургерная, – сказала Ванн. – «Файв гайз», знаете, наверное. Как только я переступала порог, там сразу шлепали бекон на гриль. Даже не ждали, пока я закажу. Привыкли.

– Само собой, – подтвердил Белл.

– После того как я перестала интегрироваться, я два с половиной года не могла даже смотреть на чизбургер с беконом.

– Похоже на правду. Я бы по своей воле их и в рот не взял.

– Крепитесь, – сказала Ванн.

Белл схватил кофе, понюхал, отпил глоток.

– Вы не из полиции, – сказал он. – Я никогда не встречал в Вашингтоне копа-интегратора.

– Я – агент Лесли Ванн. Работаю в ФБР. Мы с моим напарником расследуем преступления, к которым причастны хадены. Разумеется, вы не хаден в строгом понимании этого слова, но вы интегратор, а значит, участие в этом какого-нибудь хадена вполне возможно. Если это так, то мы оба понимаем, что вы не отвечаете за свои действия. Но вы должны рассказать мне все, и тогда я смогу вам помочь.

– Хорошо, – согласился Белл.

– В полиции мне сказали, что раньше вы были не слишком разговорчивы.

– Догадываетесь с трех раз почему.

– Наверное, потому, что они вырубili вас, как только увидели?

– В самую точку.

– Николас, может, для вас это и не важно, но я все же хочу извиниться за поведение полиции. Я бы попыталась вести себя по-другому.

– Я просто сидел на кровати с поднятыми руками. Я ничего не делал.

– Знаю. И, как я уже сказала, прошу у вас прощения. Полицейский поторопился. С другой стороны – и это не оправдание, просто объяснение, – пока вы сидели с поднятыми руками и ничего не делали, на полу лежал труп, а его кровь была на вас, – сказала Ванн и указала пальцем. – Вообще-то говоря, она до сих пор на вас.

Белл спокойно смотрел на нее и молчал.

– Как я и сказала, это не оправдание, – после пятнадцати секунд тишины добавила Ванн.

– Я арестован? – спросил Белл.

– Николас, вас обнаружили в гостиничном номере с мертвецом, и вы были в его крови. Надеюсь, вы понимаете, что нас очень интересуют обстоятельства произошедшего. Все, что вы расскажете, может оказаться полезным. Тем более если это поможет обелить ваше имя.

– Я арестован? – повторил Белл.

– В ваших силах помочь мне, – сказала Ванн. – Я прибыла туда слишком поздно. И видела только сам номер, но вас уже увезли. Поэтому, если можете, сообщите мне, что произошло в том номере и что мне следует искать. Нам пригодится любая информация. А если вы поможете мне, то мне будет легче помочь вам.

Белл сухо улыбнулся, скрестил руки на груди и отвернулся.

– Снова играем в молчанку? – спросила Ванн.

– Если хотите, можем опять поговорить о чизбургерах с беконом.

– Вы можете хотя бы сказать, были вы интегрированы или нет?

– Вы шутите? – сказал Белл.

– Я не спрашиваю о деталях. Мне важно, работали вы в тот момент или нет. Может, собирались работать? Я знала интеграторов, работающих без контракта. Доджеры иногда хотят сделать что-нибудь, не афишируя этого. Они добывают эти полулегальные сканирующие шапки, эрзац, но для работы годится. И теперь, когда билль Абрамса—Кеттеринг принят, у вас есть причина искать халтуру на стороне. Правительственных контрактов все меньше. А вам надо думать о семье.

Потягивавший кофе Белл поставил стаканчик на стол и сглотнул.

– Вы сейчас говорите, как Кассандра, – сказал он.

– Вас никто не обвинит. Конгресс отзывает финансирование хаденов после первой стадии болезни и прохождения переходной терапии. Считается, что технология социализации хаденов развилась настолько, что их состояние больше нельзя считать инвалидностью.

– Вы в это верите? – поинтересовался Белл.

– Мой напарник – хаден, – сказала Ванн. – И я скажу вам, что для меня это преимущество, ведь трилы во многом лучше человеческого тела. Но есть немалое число хаденов, которые ускользают от внимания. Например, ваша сестра. Она ведь не делает того, чего ожидает от нее конгресс. Она не работает.

– Раз вы знаете, кто я, значит наверняка знаете, кто она, – с видимым раздражением произнес Белл. – Так вот, у нее есть работа. Если только вы не считаете, что быть одним из главных вдохновителей забастовки хаденов на этой неделе и марша протеста, который они планируют на выходных, – это лишь способ провести свободное время.

– Николас, я с вами не спорю, – сказала Ванн. – Она уж точно не делает сэндвичи в «Сабвее». Но, занимаясь тем, чем она занимается, она не получает денег.

– Деньги для нее не важны.

– Нет, но скоро станут важны. Принятие билля Абрамса—Кеттеринг означает, что уход за хаденами передается в частные руки. Кто-то должен будет покрывать расходы на содержание вашей сестры. Вы – ее единственный близкий родственник. Значит, расходы лягут на вас. Что возвращает нас к номеру в отеле и труп. А меня – к моему вопросу. Меня по-прежнему интересует, были ли вы уже интегрированы, или вас только собирались интегрировать. Я хочу это знать, чтобы помочь вам.

– Агент Ванн, я ценю ваше желание помочь, – сухо произнес Белл. – Но, полагаю, сейчас самым полезным для меня будет дождаться адвоката и поручить мои дела ему.

– Мне не сказали о том, что вы просили вызвать адвоката, – растерянно проговорила Ванн.

– Я и не просил. Я позвонил ему еще из номера, до того как полиция меня вырубил. – Белл дотронулся пальцем до виска, напоминая о том, сколько высокотехнологичной аппаратуры в его черепе. – Разумеется, эту сцену я записал, как записываю почти все и всегда. Потому что в одном мы с вами сходимся, агент Ванн. Пребывание в номере с трупом, конечно, усложняет дело. Но получение разряда еще до того, как зачитаны права, усложняет его еще больше. – Он улыбнулся и посмотрел вверх, будто прислушивался к чему-то невидимому. – А вот и сообщ-

щение от моего адвоката. Он уже здесь. Мне кажется, агент Ванн, ваша жизнь скоро станет гораздо более интересной.

– Похоже, на этом беседу можно завершить, – резюмировала Ванн.

– Похоже, – согласился Белл. – Но было приятно поговорить с вами о еде.

Глава 3

– Итак, резюмируем, – сказал Самуэль Шварц и поднял руку, чтобы отсчитывать пункты. – Мой клиент был незаконно вырублен в то время, когда он не оказывал никакого сопротивления, потом без всяких к тому оснований помещен в камеру, после чего подвергнут допросу двумя отдельными правоохранительными структурами, местной и федеральной, которые не зачитали ему его права и задавали вопросы без присутствия адвоката. Капитан? Агент Ванн, я что-нибудь пропустил?

Капитан Дэвидсон неловко поерзал в кресле. Ванн, которая стояла за его спиной, просто промолчала. Она смотрела на Шварца, а точнее, на его трил, стоящий перед столом капитана. Трил был такой же марки, как и мой, «Зебринг-Уорнер», но, к моему легкому удивлению, серии «Аякс-370». Не дешевый, конечно, но далеко не первосортный – и для «Зебринг-Уорнер», и для модели «Аякс». Обычно адвокаты предпочитали топовые импортные модели. Либо Шварц не имел понятия о статусных символах, либо ему не требовалось возвещать о своем статусе окружающим. Я решил поискать его в базе данных, чтобы понять, с каким из случаев имею дело.

– Ваш клиент не объявлял ни о своем праве хранить молчание, ни о желании позвать адвоката, – сказал Дэвидсон.

– Да, не правда ли, странно, что разряд в пятьдесят тысяч вольт мешает человеку озвучить и то и другое? – невозмутимо заметил Шварц.

– Он не сказал об этом и после того, как прибыл сюда, – напомнила Ванн.

Шварц повернул голову к ней. Стилизованная голова модели «Аякс-370» чем-то напоминала оскаровскую статуэтку, были изменены лишь области вблизи рта, глаз и ушей, чтобы, во-первых, не нарушать авторские права, а во-вторых, дать возможность разговаривающим с трилом людям на чем-то сосредоточиться. Головы трилов можно было как угодно подгонять под требования заказчика, и многие молодые хадены увлекались этим. Но для взрослых клиентов с серьезной работой это считалось дурным тоном, что заставляло сделать вывод о возможном социальном статусе Шварца.

– В том не было нужды, агент Ванн, – сказал Шварц. – Он связался со мной еще до того, как полицейские лишили его дара речи. Сам факт, что он позвонил адвокату, ясно указывает на то, что он знал свои права и намеревался воспользоваться ими. – Шварц посмотрел на Дэвидсона и добавил: – А тот факт, что ваши офицеры лишили моего клиента возможности подтвердить свои права, не означает того, что он бы отказался от них, даже если он и молчал здесь.

– С этим пунктом можно поспорить, – заметил Дэвидсон.

– Хорошо, давайте, – согласился Шварц. – Пойдем к судье прямо сейчас. Но если вы не намереваетесь идти прямо сейчас, будьте любезны отпустить моего клиента.

– Вы шутите, – выдохнула Ванн.

– Агент Ванн, вы не можете видеть, как я улыбаюсь в ответ на ваше замечание, – сказал Шварц. – Но поверьте мне на слово – я улыбаюсь.

– Ваш клиент находился в одном номере с трупом, и на нем была обнаружена кровь жертвы, – сообщила Ванн. – Это не является признаком полной невиновности.

– Как и признаком вины, – парировал Шварц. – Агент Ванн, перед вами человек, ни разу не имевший ни малейших проблем с полицией, даже за переход улицы в неподобающем месте. По роду занятий он должен отдавать контроль над своим телом посторонним людям. Как результат этого, время от времени он встречается с клиентами, незнакомыми ему лично, а те в свою очередь имеют дело с другими людьми, также незнакомыми ему лично. Как, например, тот умерший джентльмен в «Уотергейте».

– Вы утверждаете, что ваш клиент был интегрирован в момент убийства, – заметил я.

Шварц повернулся и посмотрел на меня – наверное, в первый раз за всю беседу. Как и у него, мой трил тоже был с фиксированной головой и лицом без всякого выражения. Но адвокат, без сомнения, как и я до этого, только по отношению к нему, оценил его модель и стоимость, чтобы знать, с кем он разговаривает. А также мой значок, по-прежнему выведенный на нагрудный дисплей.

– Агент Шейн, я сказал лишь то, что мой клиент был в номере «Уотергейта» по рабочей надобности, – выдержав паузу, проинформировал он.

– Ну, так скажите нам, с кем он был интегрирован, а мы уж дальше сами, – предложила Ванн.

– Вы же знаете, что я не могу.

– Ее основная работа – ловить всякую мразь с трилами, – сообщил Дэвидсон и указал на Ванн. – А закон не запрещает отслеживать человека по информации на его триле.

Я поневоле дернулся, чтобы поправить неудачное сравнение Дэвидсона, но вовремя поймал взгляд Ванн и ничего не сказал. Шварц какое-то время молчал, а потом пискнул планшет Дэвидсона, и тот взял его в руки.

– Капитан, – сказал Шварц, – я только что отправил вам всю судебную практику, касающуюся статуса интеграторов, за последние десять лет. Сделал я это потому, что интеграторы встречаются довольно редко, а следовательно, вы, в отличие от агентов Ванн и Шейна, которые только что продемонстрировали нам свое вопиющее лицемерие, просто можете пребывать в полном неведении, а не пытаетесь, как это заведено в вашем департаменте, осложнить жизнь мне и моему клиенту.

– Ну ладно, и что с того? – даже не глянув в планшет, спросил капитан.

– Может показаться, что интеграторы выполняют ту же функцию, что и транспортеры личности, – сказал Шварц. – Они так же позволяют запертым синдромом Хаден передвигаться, работать и участвовать в жизни общества. Но это, – Шварц постучал по груди своего трила, – машина. Без человека, управляющего им, трил – всего лишь груда деталей. У нее не больше прав, чем у тостера или другой собственности. А вот интеграторы – люди. Несмотря на внешнее сходство с функциями трила, то, что делают интеграторы, – это профессия, требующая способностей и долгого обучения, как это, без сомнения, вам может подтвердить агент Ванн. Кстати, агент Ванн, вы могли бы пояснить капитану, к чему я клоню.

– Он клонит к тому, что отношения «клиент – интегратор» являются частными и сугубо конфиденциальными, – сказала Ванн.

– Равно как и отношения «адвокат – клиент», «врач – пациент», «исповедник – прихожанин», – добавил Шварц и указал на планшет Дэвидсона. – Я не собираюсь доказывать вам это. С этим уже разобрался суд, неоднократно и последовательно подтверждавший частный и конфиденциальный характер отношений «интегратор – клиент».

– Но Верховный суд ни разу не подтверждал этого, – заметила Ванн.

– И это должно было кое о чем вам сказать, а именно о том, что идея конфиденциальности отношений «интегратор – клиент» очевидна и бесспорна. Никто и не думал беспокоить Верховный суд апелляцией по такому вопросу. К слову, справьтесь о решении по делу «Винтур против Грэхэма», вынесенном апелляционным судом округа Колумбия. Оно непосредственно касается нашего случая.

– В общем, вы хотите сказать, что ваш клиент никого не убивал, потому что убивал клиент вашего клиента, – сформулировал Дэвидсон. – А кто тот клиент, вы сказать не можете.

– Да, он не может вам сказать, кто его клиент, – поправил Шварц. – И мы не говорим о том, что это было убийство. Этого мы не знаем. И поскольку ни вашингтонская полиция, ни ФБР пока не соизволили официально объявить моего клиента подозреваемым в убийстве, полагаю, вы тоже не станете этого делать. По крайней мере, пока.

– Но вам-то известно, – заметила Ванн. – Белл сказал, что обычно записывает все. Значит, он записал и убийство.

– Во-первых, если вы попытаетесь использовать сказанное моим клиентом во время этого вашего незаконного допроса против моего клиента, я очень сильно осложню вам жизнь, – пообещал Шварц. – Во-вторых, если и существует запись того, что произошло в том номере, она подпадает под право неразглашения. Мой клиент не обязан предоставлять ее вам. Если хотите, попробуйте добиться разрешения на передачу. А мы будем настаивать на том, что мой клиент занимался своей работой с момента, когда переступил порог номера отеля, до момента, пока ваши головорезы, – при этих словах он для убедительности указал пальцем на Дэвидсона, – не вырубili его электрошокером и не выволокли из номера. У вас нет ничего на моего клиента. Так что либо арестуйте его и позвольте мне развеять в прах ваши обвинения, возбудив весьма и весьма прибыльный процесс о полицейском произволе, либо выпустите его из комнаты для допросов прямо сейчас и позвольте пойти домой. Агент Ванн, капитан Дэвидсон, ваш выбор.

– Как он смог воспользоваться услугами такого адвоката, как вы? – спросил я.

– Простите? – снова повернувшись ко мне, сказал Шварц.

– Мистер Шварц, вы – главный юрисконсульт «Акселерант инвестментс», – процитировал я из найденных данных. – Эта компания входит в список «Топ-100» журнала «Форчун». Вы наверняка чрезвычайно занятой человек. Мне кажется, вы вряд ли занимаетесь частной практикой на стороне, а если и занимаетесь, едва ли мистер Белл может позволить себе оплату ваших услуг. Мне крайне любопытно было бы узнать, как мистеру Беллу удалось заслужить честь вашего появления здесь.

Шварц снова замолчал, и снова пискнул планшет Дэвидсона. Тот открыл послание, затем показал экран Ванн и мне. На планшете была яркая страничка с изображением счастливых козлят и праздничных каруселей с лошадками.

– Это называется «День в парке», – пояснил Шварц. – Как вы, наверное, знаете, не все находящиеся в клетке – адвокаты и профессионалы своего дела. Часть хаденов умственно отсталые. Для них трудно или даже практически невозможно управлять транспортом личности. Они ведут весьма ограниченную жизнь. Поэтому я запустил программу, позволяющую им провести день в парке: покататься на карусели, сходить в контактный зоопарк, полакомиться сахарной ватой или еще как-нибудь раскрасить свою жизнь на пару часов. Агент Шейн, вы должны об этом знать. Ваш отец последние семь лет – один из спонсоров программы.

– Мистер Шварц, мой отец не делится со мной всеми подробностями своей благотворительности.

– Неужели? – удивился Шварц. – Как бы то ни было, мистер Белл жертвует своим временем ради этой программы, делает больше, чем любой другой интегратор в Вашингтоне. В благодарность я предложил себя на случай, если ему вдруг понадобится адвокат. И вот я здесь.

– Какая трогательная история, – откладывая планшет, прокомментировал Дэвидсон.

– Полагаю, что так, – сказал Шварц. – Тем более что сейчас я намерен счастливым образом разрешить данную проблему моего клиента. А именно – либо я покидаю эти стены вместе с ним, либо получаю возможность не работать всю жизнь за счет того, что выплатит Бюро и управление городской полиции. Выбор за вами, агент Ванн, капитан Дэвидсон. Сообщите, когда будете готовы ответить.

– Какие мысли? – спросила Ванн за ланчем.

Мы сидели в дрянном мексиканском ресторанчике недалеко от второго участка. Ванн истребляла тарелку карнитас, я на это смотрел. Впрочем, быстрый контроль статуса показал, что дома мое тело получило свою полуденную дозу питательной жидкости. А значит, я все-таки имел полноценный ланч с агентом Ванн.

– О нашем деле? – уточнил я.

– Разумеется, – сказала она. – Это же ваше первое дело. Я хочу знать, что вы замечаете и чего не замечаете. Или чего не замечаю я.

– Прежде всего, сейчас дело должно стать целиком нашим. Шварц признал то, что Белл работал интегратором. Стандартная процедура работы с хаденами подразумевает, что расследование должно быть поручено нам.

– Да, – подтвердила Ванн.

– Думаете, с передачей могут быть сложности?

– Не с Дэвидсоном. Я когда-то оказала ему пару услуг, и вообще мы с ним нормально ладим. Тринх наверняка будет недовольна, но мне плевать. Вам тоже советую не обращать на нее внимания.

– Как скажете.

– Так и скажу. Что еще?

– Раз дело теперь наше, нам следует переправить труп в управление, чтобы его могли изучить наши эксперты, – предложил я.

– Приказ о передаче тела уже в работе.

– Хорошо бы также запросить у полиции все записи. На этот раз в хорошем разрешении, – вспомнив присланный детективом Тринх файл, добавил я.

– Правильно, – сказала Ванн. – Что еще?

– Установить слежку за Беллом?

– Я отправила запрос. Но не рассчитываю на положительный ответ.

– Мы не станем отслеживать потенциального подозреваемого в убийстве?

– Возможно, вы обратили внимание на то, что в выходные намечается марш протеста.

– Это проблемы полиции, – указал я.

– Только в том, что касается проведения самого марша. Но присматривать за протестными лидерами и прочими особо важными персонами – целиком наша работа. Что насчет Шварца?

– Он зануда? – предположил я.

– Я не это имела в виду. Вы верите в историю о том, как он стал адвокатом Белла?

– Почему нет? Шварц по-настоящему богат. Я проверил это, когда собирал данные о нем. С помощью «Акселеранта» наш адвокат подорожал по меньшей мере на двести-триста миллионов. А богачи совершают много репутационных сделок.

– Понятия не имею, о чем вы, – сунув в рот очередную порцию карнитас, заметила Ванн.

– Богатые люди выражают свою благодарность услугами. Когда все твои знакомые имеют больше денег, чем знают способов их потратить, деньги перестают быть полезным инструментом сделки. Поэтому вместо них ты предлагаешь услуги. Соглашения. Ты – мне, я – тебе. То, что предполагает твое личное участие, а не деньги. Потому что, когда ты богат, самое ценное – твое личное время.

– Это из личного опыта? – спросила Ванн.

– Из опыта очень пристальных наблюдений, – ответил я.

Ответ, казалось, ее удовлетворил.

– Значит, по-вашему, со стороны Шварца это может быть любезным одолжением наемному работнику? – сказала она.

– Я бы этому не удивился. Если только вы не предполагаете что-нибудь еще.

– Именно «что-нибудь еще» я и предполагаю. Вернее, кого-нибудь. Лукаса Хаббарда.

Я задумался. Хм, Лукас Хаббард. А затем меня будто шлепнуло селедкой по лбу.

– О мой бог! – выдохнул я.

– Ну да. Председатель совета директоров и генеральный директор «Акселеранта», богатейший хаден планеты. Он живет в Фоллс-Чёрч и почти наверняка использует интегратора

для собраний совета и личных бесед. При встречах лицом к лицу необходимо это самое лицо. Живое. Только без обид.

– Я и не думал обижаться, – заверил я. – А мы точно знаем, что Николас Белл его интегратор?

– Можно выяснить. В Вашингтоне не так много интеграторов, и половина из них – женщины, что автоматически исключает их из списка, судя по тому, что мне известно о Хаббарде.

– Я знаю людей, которые связывают интеграторов долгосрочными контрактами, – сказал я, – запрещающими их использование, кроме как в случаях общественных работ по требованию Национальных институтов здравоохранения. Если Белл на таком контракте, мы можем выяснить, с кем он заключен.

– Ну да, – процедила Ванн. – Как же я ненавижу это дерьмо.

– Вы же сами сказали Беллу про Абрамса—Кеттеринг, – напомнил я. – Закон прошел, и внезапно куча народу задумалась о том, откуда берутся их зарплатные чеки. Всем живущим за счет хаденов теперь придется искать новые способы заработка. Богатые хадены смогут платить за интеграторов. А интеграторам надо на что-то жить.

Ванн недовольно уставилась в тарелку.

– Вряд ли для вас это сюрприз, – добавил я и уже хотел спросить о ее собственном интеграторском опыте, но пискнул сигнал сообщения, прежде чем я успел это сделать. – Простите, одну минуту.

Она кивнула. Я открыл в голове окно сообщения и увидел Миранду, мою дневную сиделку. На заднем фоне был я собственной персоной в своей комнате.

– Привет, Миранда, что нового? – спросил я.

– У меня три пункта, – сообщила она. – Первый: тот пролежень на вашем бедре опять появился. Вы уже чувствуете его?

– Я сегодня работаю с трилом, поэтому переключил ощущения на него, – ответил я. – Никаких изменений со своим телом не заметил.

– Хорошо, – сказала Миранда. – Я на всякий случай поставила анестезию. Нам придется немного изменить расписание движений вашего тела, чтобы избежать воспаления, поэтому не удивляйтесь, если по возвращении домой сегодня обнаружите себя лежащим ничком на кровати.

– Понял, – сказал я.

– Второй пункт: не забудьте, что в четыре часа доктор Аль придет заниматься вашим коренным зубом. Возможно, вы захотите перед этим уменьшить чувствительность тела. Доктор сказала мне, что, скорее всего, работы предстоит много.

– Это нечестно – зубами не пользуюсь, а все равно кариес, – попытался пошутить я.

– Третий пункт: заходила ваша мама и просила напомнить вам, чтобы вы были у них ровно в семь вечера. Она хотела, чтобы я непременно передала, что прием устраивается в вашу честь по случаю вашей новой работы и вам не следует конфузить ее опозданием.

– Не буду конфузить, – пообещал я.

– А я хочу напомнить вам: скажите своей маме, что передавать сообщения – это не моя работа, тем более что ваша мама сама вполне способна с вами связаться.

– Знаю. Извините.

– Мне нравится ваша мама, но если она не оставит своих гребаных эдвардианских манер, мне придется отравить ее хлороформом.

– Справедливо, – сказал я. – Я поговорю с ней, Миранда. Обещаю.

– Ну ладно. Дайте знать, если пролежень начнет беспокоить. Вот же беда с ним!

– Непременно. Спасибо, Миранда, – сказал я.

Она отсоединилась, и я снова переключился на Ванн:

– Прошу прощения.

– Все в порядке? – спросила она.
– У меня пролежень, – сообщил я.
– Это опасно?
– Все нормально. Моя сиделка меня поворачивает.
– Представляю себе, – проговорила Ванн.
– Добро пожаловать в мир хаденов, – объявил я.
– Возможно, я не слишком разбираюсь в этом, но странно, что у вас нет одной из тех «колыбелей», которые создали специально, чтобы не допускать пролежней, поддерживать мышечный тонус и все такое прочее.

– Есть, – сказал я. – Просто я легко покрываюсь язвами. Такая болезнь. Никак не связанная с синдромом Хаден. Я бы страдал от нее, даже если бы не был, – я шевельнул рукой, показывая на свой трил, – вот этим.

– Да, не позавидуешь.

– У каждого свои проблемы.

– Ладно, давайте вернемся к Беллу, – предложила Ванн. – Что-нибудь еще мы можем придумать?

– Нужно ли нам принять во внимание его сестру? – спросил я.

– С какой стати? – удивилась Ванн.

– Не знаю. Возможно, потому, что Кассандра Белл – самый известный в стране хаден-сепаратист и в данное время организует общую забастовку и тот протестный марш, о котором вы мне напоминали?

– Я знаю, кто она, – заметила Ванн. – Я спросила, почему вы считаете ее причастной.

– Я так не считаю. Но мне кажется, когда прежде ничем не засветившийся интегратор оказывается братом лидера хаденского радикального движения, вовлеченным в дело о предполагаемом убийстве, и использует свое тело как оружие, нам стоит учитывать все аспекты.

– Хмм, – промычала Ванн и снова уставилась в тарелку.

– Ну что, – спросил я после минутного молчания, – я прошел тест?

– Какой-то вы колючий, – сказала Ванн.

– Нервничаю. Всего второй день на работе – и первый с вами. Вы мой старший напарник. Мне хочется знать, как вам со мной.

– Шейн, я не собираюсь выдавать вам каждую пару часов призы за участие. И я не такая уж загадочная женщина. Если вы меня взбесите или задолбаете, я уж как-нибудь дам вам знать.

– Договорились, – согласился я.

– Поэтому перестаньте беспокоиться о том, как вы что-то делаете, и просто выполняйте свою работу. Делитесь со мной своими мыслями, не ждите, пока я спрошу. От вас требуется только внимательность.

– Например, как сегодня, когда вы посмотрели на меня в офисе Дэвидсона.

– Когда вы собирались поспорить с Дэвидсоном на предмет того, что интеграторы и трилы, в принципе, одно и то же? Да, это пример. Я рада, что вы поняли намек. Не стоило помогать Шварцу.

– А ведь он прав. Шварц то есть, – указал я.

Ванн пожала плечами.

– По-вашему, мне следует помалкивать всякий раз, когда кто-нибудь несет ахинею либо попросту лжет о хаденах? – спросил я. – Просто хотелось бы прояснить, о чем именно вы просите.

– Я говорю о том, что надо правильно оценивать, когда стоит говорить, а когда молчать. Бывают ситуации, когда надо попридержать правду. Вы же, как я поняла, привыкли говорить кому угодно и когда угодно все, что думаете. Милая привычка любимого сына богатой семьи.

– Да ладно вам, – сказал я.

– Это не критика, а лишь наблюдение. Шейн, говорить когда угодно и кому угодно – не наша работа. Наша работа – наблюдать, учиться и решать проблемы.

Ванн закинула в рот последний кусок карнитас и полезла в карман жакета за электронной сигаретой.

– Я попытаюсь, – пообещал я. – Но у меня не всегда получается заткнуться.

– Вот поэтому у вас и есть напарник, чтобы спустить на него пар. Потом. А пока давайте вернемся к работе.

– Куда теперь?

– Я бы хотела получше рассмотреть тот номер в отеле, – сообщила Ванн и затянулась сигаретой. – Тринх устроила нам слишком уж быструю экскурсию. А хочется потанцевать помедленней.

Глава 4

– Как-то не похоже на «Уотергейт», – заметил я, когда мы спустились на третий подвальный этаж здания Бюро.

– Мы не идем в «Уотергейт», – объявила Ванн и пошла по коридору.

Я поспешил следом:

– Я думал, вы хотели еще раз взглянуть на номер.

– Хотела. Но теперь возвращаться туда бессмысленно. Полиция там уже поработала. Тринх со своими людьми при обыске наверняка все безнадежно испортила, и никаких следов не найти. Я даже не удивлюсь, если она разрешила отелю провести в номере уборку. Это как раз в ее стиле. – Ванн остановилась перед какой-то дверью и добавила: – Поэтому мы взглянем на номер прямо здесь.

«Визуализационная аппаратная», – прочитал я на прикрепленной рядом с дверью табличке.

– Заходите, – пригласила Ванн и открыла дверь.

За дверью оказалась комната примерно шесть на шесть метров. Белые стены были абсолютно голыми, только в каждом углу висел проектор, а возле одной стены за выставленными в ряд мониторами стоял техник. Увидев нас, он улыбнулся:

– Агент Ванн, вы вернулись?

– Вернулась, – подтвердила она и указала на меня. – Агент Шейн, мой новый напарник.

– Рамон Диас, – махнув рукой, представился техник.

– Привет, – сказал я.

– Все готово? – спросила Ванн.

– Как раз заканчиваю диагностику проекторов, – ответил Диас. – Один последние несколько дней барахлил. Но у меня есть все данные, переданные полицией.

Ванн кивнула и посмотрела на меня:

– Вы загрузили свой скан номера на сервер?

– Еще до того, как мы оттуда вышли, – сказал я.

– Используем скан Шейна как основу. – она повернулась к Диасу.

– Понял, – сказал тот. – Дайте знать, когда будете готовы.

– Врубай, – попросила Ванн.

Вокруг нас возник гостиничный номер. Скан был не видеозаписью, а набором стационарных фотографий, соединенных так, чтобы получить статичное, насыщенное деталями воссоздание всего номера. Я посмотрел на него и улыбнулся. А ведь неплохая работа. Все на месте, четко, детализировано.

– Шейн, – Ванн указала на какой-то изогнутый предмет на ковре, не очень далеко от трупы, – смотрите.

– Гарнитура, – определил я. – Головной сканер и передатчик для нейронной информации. Похоже, наш неизвестный был «туристом». – Наверное, Ванн и сама это знала, но решила проверить, догадаюсь ли я.

– Хотел позаимствовать тело Белла, – добавила Ванн.

– Ну да, – подтвердил я и опустился на колени, чтобы получше рассмотреть.

Как и все гарнитур подобно рода, эта была уникальной. По закону пользоваться услугами интеграторов могли только хадены. Но когда возникает спрос на не вполне легальные услуги, появляется черный рынок.

Гарнитура была одновременно и медицинским прибором, предназначенным для диагностики ранней стадии синдрома клетки, и средством коммуникации. Это была подделка, но очень неплохая. Она не давала «туристу» ничего даже отдаленно напоминающего настоящее

и полноценное восприятие интегратора – для этого требовалась имплантированная в голову сеть, – но обеспечивала трехмерную картинку высокого разрешения, а также слабые, хотя и вполне реальные сенсорные ощущения. Само собой, в кинотеатре такого не испытаете.

– Аппаратура довольно высокого уровня, – сказал я. – Сканер – «Фаэтон», а передатчик, похоже, от «Дженерал дайнемикс».

– Серийные номера?

– Пока ни одного не вижу. Они у нас изъяты как вещдоки? – спросил я.

Ванн взглянула на Диаса, тот оторвался от монитора и кивнул.

– Могу взять покрупнее, если хотите, – предложил Диас.

– Если ничего не найдете снаружи, попробуйте просканировать внутри, – сказал я. – На чипах процессора, вероятно, есть серийные номера – можно будет узнать, когда выпущена серия, а потом выяснить, кто владелец сканера и передатчика.

– Стоит попробовать, – согласилась Ванн.

Я встал и посмотрел на труп, лежащий на ковре лицом вниз:

– А как насчет него?

Ванн снова взглянула на Диаса.

– Пока ничего, – сказал тот.

– И как такое может быть? – спросил я. – Для получения водительских прав нужно сдавать отпечатки пальцев.

– Наши эксперты его только что получили, – пояснил Диас. – Полиция сняла отпечатки пальцев и просканировала лицо. Но в управлении иногда не спешат делиться информацией, если вы понимаете, о чем я. Поэтому мы проводим собственную экспертизу и прогоняем результаты через наши базы данных. Анализ ДНК тоже проводим. Думаю, пока вы здесь, мы успеем выяснить, кто он.

– Покажи мне скан лица, – сказала Ванн.

– Вы хотите только лицо или широкоугольный снимок, когда труп перевернули на спину?

– Широкоугольный.

Тело на полу мгновенно перевернулось. Оливковая кожа, лет тридцать пять – сорок. С этого ракурса разрез на горле выглядел намного страшнее. Косая рана тянулась от левой стороны шеи, рядом с челюстью, и уходила вниз и направо, до ямки на горле.

– Что скажете? – спросила у меня Ванн.

– Теперь понятно, почему все залито кровью. Рассечена артерия, хлестало сильно.

Ванн кивнула, но промолчала.

– И что? – поинтересовался я.

– Дайте подумать.

Пока она думала, я всмотрелся в лицо трупа.

– Он латиноамериканец? – спросил я.

Ванн все еще думала и никак не отреагировала на мой вопрос. Я посмотрел на Диаса. Тот подтащил отдельно лицо, присмотрелся:

– Хм, возможно. Мексика или Центральная Америка. Но не пуэрториканец и не кубинец, я думаю. Очень похож на метиса. Не исключено, что американский индеец.

– Из какого племени?

– Без понятия. Этнические типы – не мой конек.

Тем временем Ванн подошла к изображению трупа и стала смотреть на руки.

– Диас, битое стекло у нас в вещдоках? – спросила она.

– Да, – проверив, ответил тот.

– Шейн снял битое стекло под кроватью. Покажи мне его, пожалуйста.

Изображение номера сделало головокружительный виток, когда Диас повернул его; нас затянуло под кровать, и окровавленные осколки повисли прямо над нашими головами.

– Вот и отпечатки пальцев, – указала Ванн. – Мы знаем, чьи они?

– Пока нет, – ответил Диас.

– Что вы думаете об этом? – спросил я у Ванн.

Она снова проигнорировала вопрос и обратилась к Диасу:

– У вас есть запись офицера Тиммонса?

– Да, но плохого качества и с низким разрешением.

– Черт, я же сказала Тринх, что хочу видеть все.

– А может, она ничего и не скрывает, – сказал Диас. – Столичные копы теперь часто записывают всю смену целиком. Тогда они включают низкое разрешение, чтобы все уместилось.

– Да мне плевать, – буркнула Ванн. – Запускай, наложив на снятое Шейном изображение номера.

Комната снова крутанулась, вернувшись к привычному ракурсу.

– Включаю запись, – объявил Диас. – Из-за расположения Тиммонса картинка будет рельефной. Дрожь и скачки я убрал.

На кровати появился Белл с поднятыми руками. Запись пошла в реальном времени.

– Останови, – приказала Ванн.

– Сделано, – доложил Диас.

– Можешь четче показать руки Белла?

– Не уверен. Могу только увеличить, но особой четкости не будет из-за низкого разрешения.

– Тогда увеличь.

Белл дернулся и вырос, его руки потянулись к нам, словно какой-то великан решил поиграть в ладушки.

– Шейн, опишите, что вы видите, – сказала Ванн.

Я присмотрелся, но все равно не заметил то, что ожидал заметить. И вдруг понял, что имела в виду Ванн.

– Крови нет, – сказал я.

– Правильно, – подтвердила Ванн и указала пальцем. – У него кровь на рубашке и лице, но не на руках. Притом что на битом стекле полно кровавых отпечатков. Верни все назад, Диас.

Белл принял нормальный вид, и Ванн подошла к изображению трупа:

– Хотя у этого парня все руки в крови.

– Выходит, он сам себе горло перерезал? – удивился я.

– Возможно, – допустила Ванн.

– Вот уж странно так странно. Получается, это не убийство, а самоубийство. Значит, и Белла надо снимать с крючка.

– Не исключено, – сказала Ванн. – Другие версии?

– Белл мог сделать это и вытереть руки до того, как появилась служба безопасности отеля.

– У нас есть окровавленное стекло, – напомнила Ванн. – И мы можем добыть отпечатки пальцев Белла. Он должен был сдать их, когда получал лицензию интегратора.

– Его могли прервать, – заметил я.

– Могли, – без всякой уверенности сказала Ванн.

Мне вдруг пришла в голову одна мысль.

– Диас, я посылаю вам файл, – сообщил я. – Выведите его, пожалуйста, сразу как получите.

– Получил, – ответил Диас через пару секунд, а еще через пару секунд перед нами появилось изображение кресла в крыше искореженного автомобиля перед входом в отель «Уотергейт».

– И что мы тут ищем? – спросила Ванн.

– То, чего не искали, – сказал я. – То же, чего не нашли на руках Белла.

– Кровь. – Ванн внимательнее присмотрелась к креслу. – Да, ее там не видно.

– И я не вижу. Значит, велика вероятность того, что кресло вылетело из окна еще до того, как наш труп перерезал себе глотку.

– Это лишь гипотеза, – усомнилась Ванн. – Но какой смысл? – она указала на труп. – Этот парень заключает с Беллом контракт на интегрирование, а когда тот приходит, выкидывает кресло в окно и прямо у него на глазах совершает кровавое самоубийство. Зачем?

– Выбросить кресло в окно седьмого этажа – очень хороший способ привлечь внимание охраны отеля. Он хотел подставить Белла под обвинение в своем убийстве и принял меры к тому, чтобы охрана прибыла в номер вовремя.

– Что не снимает главного вопроса о том, зачем он покончил с собой прямо на глазах Белла, – резюмировала Ванн и снова посмотрела на труп.

– В общем, пока мы точно знаем одно, – сказал я. – Белл, вероятно, не лгал, когда говорил, что не делал этого.

– Он не так говорил, – заметила Ванн.

– По-моему, так. Я видел запись.

– Нет, – отрезала Ванн и повернулась к Диасу. – Включи запись Тиммонса еще раз.

Картинка снова переключилась на номер отеля, и появилось рельефное изображение Белла. Диас нажал воспроизведение. Тиммонс спросил у Белла, зачем тот убил человека в номере. Белл ответил, что не думает, что это сделал он.

– Стоп! – приказала Ванн.

Диас остановил запись на моменте, когда Тиммонс всадил разряд. Белл застыл, перекошенный судорогой.

– Он не утверждал того, что не убивал, – объявила Ванн. – Он сказал, что не думает, что это он. Получается, Белл не знал.

Я вспомнил свой единственный опыт с интегратором, и меня осенило.

– Но этого не может быть! – воскликнул я.

– Да, на время сеансов интеграторы остаются в сознании, – кивнула Ванн. – Они просто отступают на задний план, но им разрешено выходить на поверхность, когда их клиент нуждается в помощи или собирается совершить что-то выходящее за рамки контракта.

– Либо что-то глупое или незаконное, – добавил я.

– Что заведомо выходит за рамки контракта, – уточнила Ванн.

– Да, но что это меняет? – Я снова показал на труп. – Если этот парень покончил с собой, слова Белла не добавляют ничего нового к тому, что мы уже знаем. Ведь теперь мы тоже считаем, что Белл, возможно, и не убийца.

Ванн покачала головой:

– Суть не в том, убийство это или самоубийство. Суть в том, что Белл не может вспомнить. А он должен помнить.

– Если только он уже не был интегрирован, – возразил я. – Но мы же считаем, что он пришел туда, чтобы подработать на стороне, верно? То бишь в его мозгу никого не было в тот момент, когда он якобы отключился.

– А с какой стати ему отключаться? – спросила Ванн.

– Не знаю. Может, он пьяница?

– На записи он не похож на пьяного, – указала Ванн. – Когда я его допрашивала, от него не пахло и вел он себя не как выпивший. Да и вообще... – Она снова внезапно замолчала.

– И часто вы будете так делать? – спросил я. – Меня это уже начинает доставать.

– Шварц сказал о праве на конфиденциальность в отношениях «клиент – интегратор», а значит, Белл работал, – заключила Ванн.

– Правильно, – ответил я и указал на труп. – И вот его клиент.

– В том-то и дело, что он не клиент.

– Не понимаю, – признался я.

– Интегрирование – это лицензированная, узаконенная практика, – стала объяснять Ванн. – Ты находишь клиентов и принимаешь на себя ряд обязательств перед ними, но стать твоей клиентурой может лишь определенная прослойка общества. Подразумевается, что клиентами интеграторов могут быть только хадены. А этот парень «турист». – Она ткнула пальцем в труп. – При жизни он был вполне дееспособен.

– Я не юрист, но все же позволю себе усомниться, – сказал я. – Священник может выслушать исповедь кого угодно – не только католика, а врач может объявить о врачебной тайне в первую же секунду, когда кто-то переступил порог его кабинета. Полагаю, Шварц заявлял именно об этом. Только то, что этот парень – «турист», еще не значит, что он не клиент. Отнюдь. Так же как не католик вполне может исповедоваться.

– Или же Шварц случайно проговорился и сболтнул нам, что в голове Белла кто-то сидел, – предположила Ванн.

– Это бессмысленно, – возразил я. – Если Белл уже был интегрирован, зачем ему встречаться с каким-то «туристом»?

– Может, они встречались ради чего-то другого?

– Тогда зачем это? – спросил я и указал на гарнитуру.

С минуту Ванн молчала, затем призналась:

– Ну, не все мои теории безукоризненны.

– Это я уже понял, – сухо отметил я. – Но не думаю, что дело в вас. Здесь вообще все лишено особого смысла. Убийство, а может, вовсе и не убийство; жертва без каких-либо документов, которая приходит на встречу с интегратором, возможно уже интегрированным и почему-то, по его словам, не способным вспомнить то, что он обязан помнить. Какой-то клубок несуразностей, да и только.

– И что вы думаете? – спросила Ванн.

– Да откуда я знаю! Я всего второй день на работе, а уже такие головоломки.

– Ребята, закругляйтесь, – предупредил Диас. – У меня другой агент заказал аппаратную на пять.

Ванн кивнула ему и снова повернулась ко мне:

– Ладно, спрошу по-другому. Каковы наши дальнейшие действия?

– Труп опознали? – спросил я у Диаса.

– Пока нет, – не сразу ответил тот. – Как-то странно это. Обычно опознание не занимает много времени.

– Значит, перво-наперво мы должны выяснить личность нашего мертвеца, – сказал я, уже обращаясь к Ванн. – И то, как он умудрился не засветиться в национальной базе данных.

– Что еще? – спросила Ванн.

– Узнать, чем Белл занимался в последнее время и кто в его клиентском списке. Может, всплывет что-нибудь интересное.

– Ладно, – объявила Ванн, – труп беру на себя.

– Ну разумеется. Получите массу удовольствия.

Ванн улыбнулась:

– Не сомневаюсь, что Белл доставит вам не меньше удовольствия.

– А мне обязательно нужно быть здесь в процессе его получения? – поинтересовался я.

– А что? У вас свидание?

– Да, с риелтором, – ответил я. – Ищу жилье. Одобренное правительством. Вообще-то, по закону у меня сегодня для этого должен быть короткий день.

– Не ожидайте их слишком много, – предупредила Ванн. – В смысле, коротких дней.

– Да, эту печальную правду я уже понял, – сознался я.

Глава 5

Риелтор оказалась маленькой элегантной женщиной, которую звали Латаша Робинсон. Она встретила со мной прямо напротив здания управления ФБР. Недвижимость для хаденов была одним из направлений ее деятельности, поэтому в Бюро мне ее и посоветовали для поиска квартиры.

Учитывая ее клиентуру, шансы на то, что она может не понять, кто я, были близки к нулю. Это предположение подтвердилось, едва я подошел. При виде меня она очень знакомо улыбнулась. Я навидался таких улыбок в свою бытность официальным «ребенком с плаката», частью рекламной кампании хаденской семьи. Впрочем, это меня нисколько не задело.

– Агент Шейн, – сказала она, протягивая мне руку, – очень приятно с вами познакомиться.

Я пожал ее руку:

– Мне тоже, миссис Робинсон.

– Прошу прощения, это так волнительно, – сказала она. – Я не так часто встречаюсь со знаменитостями. То есть не с политиками, я имею в виду.

– Само собой, такой уж город, – поддакнул я.

– А политиков я не считаю настоящими знаменитостями, вы согласны? Они ведь просто... политики.

– Абсолютно согласен, – сказал я.

– Вон моя машина. – она указала на ничем не примечательный «кадиллак», поставленный так, что ему непременно грозил бы штраф за неправильную парковку. – Почему бы нам не приступить к делу?

Я уселся на пассажирское кресло, Робинсон – на водительское, тут же достала планшет и скомандовала: «Поехали».

Автомобиль тронулся с места и съехал с бордюра – за полминуты до прибытия дорожной полиции. Я заметил их в зеркало заднего обзора. Мы покатались на восток по Пенсильвания-авеню.

– Машина просто проедет несколько минут, пока мы все обговорим, – сообщила мне Робинсон и принялась тыкать пальцем в планшет; несмотря на все разговоры о волнении, она мгновенно переключилась на деловое настроение. – У меня есть перечень ваших основных требований и личные данные, – она окинула меня взглядом, словно хотела удостовериться, что я действительно хаден, – поэтому давайте просто кое-что уточним, прежде чем начать.

– Хорошо, – согласился я.

– Как близко к работе вы хотите жить?

– Чем ближе, тем лучше.

– Ближе в смысле метро или в пешей доступности?

– Метро тоже подойдет, – ответил я.

– Предпочитаете оживленный квартал или тихий?

– Все равно.

– Это сейчас вам все равно, но если я предложу вам квартиру рядом с каким-нибудь баром в Адамс Морган² и вы ее возненавидите, то будете проклинать меня.

– Обещаю вам, что шум меня не побеспокоит. Я всегда могу приглушить свой слух.

– Вы хотите использовать квартиру для встреч?

– Не совсем. В основном я предпочитаю общение где-нибудь на стороне, – ответил я. – Хотя время от времени могу пригласить друга.

² Район на севере Вашингтона.

Робинсон снова посмотрела на меня и, казалось, решала для себя, стоит ли выяснять у меня подробности, однако передумала. Хотя вопрос был бы вполне резонным. Сейчас вокруг хватало трил-фетишистов. Только это, должен признаться, совсем не мое.

– Будет ли там физически присутствовать ваше тело и если да, то понадобится ли вам комната для сиделки? – спросила она.

– С моим телом и уходом за ним уже все улажено. Для него место не потребуется. По крайней мере, прямо сейчас.

– В таком случае могу предложить на выбор несколько малогабаритных квартир специально для хаденов, – сказала Робинсон. – Желаете взглянуть?

– Они стоят моего времени?

– Некоторым хаденам нравится, – пожал плечами, ответила Робинсон. – Я лично считаю их довольно маленькими, но ведь это специфические квартиры.

– Это далеко отсюда?

– Целое здание с такими квартирами расположено на Д-авеню, в юго-западном квадранте, прямо у метро «Федеральный центр». В министерстве здравоохранения и социальных служб работает много хаденов, им удобно жить там.

– Хорошо, давайте взглянем, – согласился я.

– С них и начнем, – решила Робинсон и надиктовала «кадиллаку» адрес.

Через пять минут мы остановились перед каким-то депрессивным образчиком безымянной брутальной архитектуры.

– Как мило, – сухо выдавил я.

– Думаю, раньше это было правительственное офисное здание, – поделилась мыслью Робинсон. – Лет двадцать назад его перестроили. Это одно из первых зданий, переделанных под запросы хаденов.

Она проводила меня в чистый, скромно оформленный вестибюль. За стойкой дежурного сидел трил. Он сразу начал передавать свои личные данные в общий канал. В моем поле зрения данные его владельца высветились над головой трила: Женестьева Турне, двадцать семь лет, уроженка Роквилла, штат Мэриленд; адрес для личных сообщений.

– Здравствуйте, – сказала Робинсон Женестьеве и показала удостоверение риелтора. – Мы бы хотели осмотреть свободную квартиру на пятом этаже.

Женестьева посмотрела на меня, и я запоздало осознал то, что не отправил своих личных данных в общий канал. Некоторые хадены воспринимали это как грубость. Я поспешно передал информацию.

Она кивнула, встрепелась, но тут же справилась с собой и сказала Робинсон:

– Квартира пятьсот три будет не заперта ближайшие пятнадцать минут.

– Спасибо, – сказала Робинсон и кивнула мне.

– Секундочку, – попросил я и повернулся к Женестьеве. – Будьте добры, вы не могли бы открыть мне гостевой доступ к каналу дома?

Женестьева кивнула, и в моем поле зрения появилась иконка. Я тут же соединился.

Стены вестибюля сразу заполнились надписями.

Часть из них были просто банальными объявлениями: люди искали соквартирантов, сдавали жилье в субаренду или спрашивали о своих потерявшихся домашних питомцах. Однако большинство сообщений касалось забастовки и предстоящего марша – в них квартирантам предлагали оставаться дома, публиковались планы забастовщиков, а также просьбы пустить хаденов, прибывших в город на марш протеста, в квартиры, с сардоническими замечаниями, что, мол, «много места они не займут».

– Все в порядке? – забеспокоилась Робинсон.

– Да, просто рассматриваю объявления на стенах, – ответил я.

Я почитал еще немного, а потом мы прошли к лифту и поехали на пятый этаж.

– Здесь особенно широкие кабины, и лифт гидравлический, – заметила Робинсон. – Чтобы облегчить подъем тел в квартиры.

– Я думал, здесь только малогабаритные квартиры, – сказал я.

– Не все. Часть из них полномерные, с медицинским оборудованием и комнатами для обслуживающего персонала. Но даже в маломерках есть крюки для «колыбелей». Вообще-то, изначально они предназначались для временного размещения, но я слышала, что некоторые хадены уже пользуются ими постоянно.

– И почему? – спросил я, когда лифт остановился и двери раскрылись.

– Закон Абрамса—Кеттеринг, – выходя из лифта, обронила Робинсон и пошла по коридору, я за ней. – Государственную помощь урезают, и многие хадены вынуждены сокращать расходы. Из собственных домов они переезжают в квартиры, из квартир – в маломерки, да и в маломерках кто-то заводит соседей, и они заряжаются по очереди. – Она снова окинула взглядом мой сверкающий дорогуший трил, словно хотела сказать, что уж мне-то эти проблемы точно не грозят. – Конечно, для рынка это скверно, но хорошо для вас как для потенциальных клиентов. Сейчас у вас выбор гораздо больше, и все сильно подешевело. – Она остановилась возле квартиры 503. – Ну вот и пришли. Надеюсь, вы будете не слишком шокированы. – Робинсон открыла дверь и отступила в сторону, пропуская меня вперед.

Малогабаритная квартира для хаденов за номером 503 была размером два на три метра и совершенно пустая, если не считать крошечного встроенного стола. У меня тут же начался приступ клаустрофобии.

– Это же не квартира, это шкаф! – воскликнул я и шагнул вперед, чтобы Робинсон тоже смогла войти.

– У меня она обычно ассоциируется с ванной комнатой, – сказала риелтор и указала на маленький, облицованный плиткой пятачок с двумя прикрытыми сливами в полу и несколькими электрическими розетками. – Вот это, кстати, медицинский уголок. Он как раз на месте, где должен быть унитаз.

– Миссис Робинсон, что-то непохоже, чтобы вы пытались настойчиво навязать мне эту квартиру, – заметил я.

– Ну, честно говоря, это не самый плохой выбор, если вы просто ищете место, где оставлять трил на ночь. – Она указала на правый дальний угол, где размещались кронштейны и вмонтированные в стену высоковольтные розетки для индуцированных зарядников. – Тут все спроектировано в расчете на стандартные размеры «колыбели» для трила, есть отличная проводка, быстрая беспроводная сеть, надежные контакты. Помещение продумано специально для трилов, поэтому нет ничего лишнего, что только занимало бы место, вроде шкафов и раковин. Здесь есть все, что вам нужно, и абсолютно ничего из того, что вам не нужно.

– Я ненавижу эту квартиру, – признался я.

– Я так и подумала, поэтому показала ее первой, – невозмутимо произнесла Робинсон. – Теперь, когда с этим покончено, можно будет взглянуть на то, что действительно вас заинтересует.

Я снова посмотрел на выложенный плиткой угол и представил себе подвешенное там человеческое тело. Подвешенное на долгие годы. Навсегда.

– И эти квартиры пользуются спросом? – спросил я.

– Еще каким, – ответила Робинсон. – Обычно я с ними не вожусь – на них слишком маленькая комиссия. Как правило, их сдают через объявления в интернете. Сейчас эти квартиры расходятся, как горячие пирожки.

– Я уже чувствую себя немного подавленным.

– Вам это совершенно ни к чему. Вы же не будете здесь жить. И тело свое оставлять здесь не будете.

– Но ведь кто-то же будет.

– Да, – подтвердила Робинсон. – Может, и слава богу, что тела ничего не чувствуют.

– Но это не так, – поправил я. – Да, мы заперты в клетке, но мы в сознании. Поверьте мне, миссис Робинсон, мы замечаем, где наши тела. Мы замечаем это каждую секунду, когда бодрствуем.

После нескольких следующих остановок я стал чувствовать себя Златовлаской³. Квартиры были или слишком маленькими, хотя мы больше не смотрели те, что официально считались маломерными, или чересчур большими, или просто неудобными, или слишком далеко расположенными. Я уже начал отчаиваться, что придется хранить свой трил за столом Бюро.

– Последняя квартира на сегодня, – объявила Робинсон.

Она старалась изо всех сил, но было видно, что даже ее профессиональная бодрость дает слабину. Мы стояли на Капитолийском холме, на Пятой улице и смотрели на дом из красного кирпича.

– Что здесь? – спросил я.

– Нечто не совсем традиционное, – сказала она. – Но, как мне представляется, вам может вполне подойти. Вы знаете, что такое «идейная община»?

– Идейная община? – переспросил я. Разве это не то же самое, что общежитие? Хотя для общежития место странноватое.

– Не совсем общежитие, – уточнила Робинсон. – Этот дом совместно снимает группа хаденов. Они живут вместе и ведут общее хозяйство. А идейной общиной они себя называли потому, что делят между собой обязанности, в том числе присмотр за телами друг друга.

– Это не всегда хорошая идея, – заметил я.

– Среди них – врач из клиники Говардского университета, – сказала Робинсон. – Поэтому, если появляются серьезные проблемы, под рукой всегда есть кто-то, кто сможет их решить. Я понимаю, это не то, что вам нужно, но есть и другие преимущества, и мне известно, что там есть свободная комната.

– Откуда вы знаете этих людей? – спросил я.

– Лучший друг моего сына живет здесь, – объяснила она.

– А сам сын?

– Вы спрашиваете, хаден ли он? Нет, Дэмиен не заразился. Его друг Тони подхватил вирус в одиннадцать лет. Я знаю Тони всю его жизнь, до и после синдрома клетки. Тони сообщает мне, когда у них появляется свободное место. Он знает, что я не приведу никого, кто бы им не подошел.

– И вы посчитали, что я подойду?

– Кажется, да. Конечно, мне случалось ошибаться. Но, думаю, вы – особый случай. Агент Шейн, вы ищете жилье не потому, что нуждаетесь в нем, а потому, что хотите иметь свое жилье.

– Приблизительно так, – подтвердил я.

– Вот я и подумала, что просто покажу вам его, а там посмотрим.

– Хорошо, давайте взглянем.

Робинсон подошла к крыльцу и нажала на звонок. Дверь открыл какой-то трил и при виде ее сразу широко развел руки.

– Мама Робинсон! – сказал он и заключил ее в объятия.

Робинсон чмокнула трила в щеку:

– Привет, Тони. Я привела тебе потенциального соседа.

– В самом деле? – воскликнул Тони и окинул меня взглядом. – А, Крис Шейн.

Я на мгновение удивился – неужели мой новый трил уже так знаменит? – а потом вспомнил, что не отключил передачу личных данных по общему каналу. Через секунду в поле зре-

³ Героиня английской сказки «Златовласка и три медведя».

ния выскочили данные Тони: Тони Уилтон, тридцать один год, место рождения – Вашингтон, округ Колумбия.

– Привет, – сказал я.

– Давайте не стойте на пороге, заходите, – махнул рукой он. – Крис, пойдем, я покажу тебе комнату. Она на втором этаже.

Тони повел нас внутрь и вверх по лестнице. Когда мы проходили холл второго этажа, я заглянул в одну из комнат. Там, рядом с мониторами, в «колыбели» лежало тело. Я посмотрел на Тони. Тот заметил.

– Упс, это я.

– Прости, я инстинктивно.

– Не извиняйся, – сказал Тони и открыл дверь в другую комнату. – Если поселишься здесь, то будешь, когда придет очередь, проверять всех нас и смотреть, дышим мы еще или нет. Так что привыкай заглядывать. Вот комната. – Он отступил, пропуская нас с Робинсон вперед.

Комната была большая, скромно, но со вкусом обустроенная, с выходящим на улицу окном.

– Здесь и правда хорошо, – осмотревшись, объявил я.

– Рад, что тебе понравилось, – сказал Тони и указал на мебель. – Конечно, тут обставлено, но если не нравится, можно перенести в подвал.

– Нет, все замечательно, – заверил я. – Особенно ее размер.

– Ну так это самая большая комната в доме.

– И никто из вас ее не захотел? – спросил я.

– Вопрос не в том, захотел или нет, а в том, мог ли себе позволить, – ответил Тони.

– Понял. – теперь мне стала ясна еще одна причина, по которой Робинсон решила, что место мне подойдет.

– Мама Робинсон уже объяснила, какие у нас порядки?

– В общих чертах.

– Уверяю, тут нет ничего сложного, – пообещал Тони. – Мы делим работу по хозяйству и наблюдаем друг за другом, чтобы у каждого было все в порядке с трубками и мониторами, собираем деньги на ремонт дома. Иногда мы все вместе выходим наружу и участвуем в жизни общества. Мы назвали себя идейной общиной, но на самом деле это больше похоже на университетское общежитие. Только меньше пьянок и травки. То есть никто из нас вообще никогда не пил и не курил. Ну и конечно, меньше разборок с соседями. Их-то мы навидались, если ты помнишь, как это бывает в колледже.

– Это ты – врач? – спросил я. – Миссис Робинсон сказала, что один из вас – врач.

– Нет, Тайла, – сказал Тони. – Она сейчас на работе. Все на работе, кроме меня. Я программист на контракте. Сегодня работаю на «Гренобль системз», пишу программку для нейронного интерфейса. Завтра буду работать на кого-нибудь еще. Обычно я работаю отсюда, если, конечно, клиент не захочет видеть меня у себя.

– Значит, здесь всегда кто-то есть?

– Обычно да, – согласился Тони. – А теперь следует ли мне сделать вид, что я не знаю, кто ты, или все-таки признаться, что я читал про тебя вчера на «Агоре»?

– Вот и ложка дегтя, – вздохнул я.

– Как ты заметил, я сказал, что все сейчас на работе. Так что за это тебя вряд ли кто осудит. У нас тут плюрализм.

– То есть тебе известно, что я – агент ФБР.

– Конечно, – признался Тони. – Занимаешься заговорами и убийствами?

– Ты удивишься, но таки да.

– Удивлюсь. В общем, хоть мы с тобой и только что познакомились, ты мне уже нравишься. Но еще надо познакомиться с остальными и заручиться их согласием.

- И сколько остальных?
- Четверо: Тайла, Сэм Ричардс, Юстин и Юстина Чоу. Они близнецы.
- Интересно, – заметил я.
- Все – отличные ребята, даю слово. Заглянешь вечером? Тогда бы и повидал всех.
- Увы, не смогу. Сегодня вечером я должен быть дома. По случаю моего второго рабочего дня намечается официальный ужин под девизом: «Ура, наш малыш нашел себе место».
- Ну да, такое не пропускают, – согласился Тони. – Когда думаешь освободиться?
- Точно не знаю, возможно, в полдесятого, самое позднее – в десять, – ответил я.
- Тони отправил мне по общему каналу приглашение:
- Вот смотри. По вторникам у нас вечер встречи на «Агоре». Мы болтаем, вышибаем друг дружке мозги в шутере. Заскакивай. Перекинешься парой слов с нашими, схватишь пару пуль в голову.
- Звучит заманчиво.
- Отлично! Тогда я высылаю форму заявления на комнату и улаживаем формальности. Нужна плата за первый месяц и залог.
- Хорошо, – согласился я.
- Ну, вообще класс! Если сегодня все поставят подписи, ты сможешь заехать, как только придет платеж.
- Ты не собираешься проверять биографию и все такое? – поинтересовался я.
- Крис, мне кажется, вся твоя жизнь – сплошная проверка биографии, – ответил Тони.

Глава 6

– Ох, чтоб мне провалиться! – выдохнул я, заведя у дверей нашего дома камердинера.

В четыре мне вырвали зуб, действие обезболивающего уже начало проходить, и я был в скверном настроении. Присутствие камердинера означало одно: на ужин приглашены спонсоры. Вообще-то, большинство автомобилей уже ездили и парковались сами, но оставались еще люди, которые во что бы то ни стало желали сами крутить баранку и пыжились от гордости в своих тупых машинах. Именно к этой плеяде принадлежала и кучка тронутых стариков, готовых поддержать моего папу в борьбе за сенаторское кресло. Общение с ними обещало быть даже неприятнее, чем удаление зуба.

Мама точно определила мое настроение, как только я поднялся к ней. Она протянула ко мне руки и миролюбиво произнесла:

– Крис, пожалуйста, не вини меня. Я думала, у нас будет просто семейный ужин. Я даже понятия не имела, что папа собирается превратить его в благотворительный прием.

– Что, в самом деле?

– Твой скепсис понятен, но это правда.

За ее спиной нанятый персонал из кейтеринговой компании под руководством нашей домоправительницы Лисли раскладывал приборы. Я посчитал их.

– Мам, тут шестнадцать приборов! – воскликнул я.

– Знаю, – ответила она. – Извини.

– И где же все?

– Пока не все приехали. А те, кто приехал, сейчас в ветлечебнице.

– Мама, – предупредил я.

– Знаю, мне не следует произносить это вслух, – сказала она. – Я исправлюсь. Они в «зале трофеев».

– Значит, это не обычное сборище идиотов.

– Ты же знаешь своего отца. Пускает пыль в глаза новым толстосумам. Это было бы вульгарно, если бы не действовало так эффективно.

– Что не отменяет вульгарности, – заметил я.

– Не отменяет. Но ведь действует, – возразила мама.

– Папе не нужны их деньги, чтобы стать сенатором.

– Твоему отцу нужно, чтобы они поверили, что он заинтересован в их капиталах. Вот почему он берет их деньги.

– Да-а, тут никаким вероломством и не пахнет.

– Что ж, для избрания твоего отца нам всем нужно постараться. А как твой второй день?

– Интересный, – сказал я. – Работаю над одним делом по убийству. А еще, мне кажется, я нашел себе квартиру.

– Я по-прежнему не понимаю, зачем тебе квартира, – сердито проговорила мама.

– Мам, ты единственный в мире человек, для которого разговор о моей квартире интересней разговора об убийстве.

– Мне кажется, ты увливаешь от ответа, – напомнила мама.

Я со вздохом поднял руку и принялся загибать пальцы:

– Во-первых, затем, что добираться каждый день из Потомак-Фоллс до Вашингтона – удовольствие не из приятных, и ты это знаешь. Во-вторых, потому, что мне двадцать семь и уже как-то неприлично жить с родителями. В-третьих, мне надоедает выступать средством наглядной агитации для политических амбиций моего папочки. И с каждым днем все больше.

– Крис, это нечестно.

– Брось, мам. Он ведь и сегодня устроит то же самое. А я больше не пятилетний малыш, которым можно козырять на слушаниях в конгрессе для сбора пожертвований на хаденов. Господи боже, я же теперь федеральный агент. Выставлять меня напоказ уже даже противозаконно. – Я почувствовал острую боль, когда действие обезболивающих совсем закончилось, и невольно приложил руку к щеке.

Мама заметила это.

– Твой коренной зуб, – сказала она.

– Вернее, его отсутствие. – Да, смешно хвататься механической рукой за механическую челюсть. – Пойду-ка проверю, как я там, – сказал я и направился в свою комнату.

– Ты ведь не собираешься перевозить тело, когда переедешь? – с отчетливой тревогой в голосе спросила мама.

– Прямо сейчас – нет, – чуть повернувшись, чтобы посмотреть на нее, ответил я. – Посмотрим, как работает связь. Сегодня я не заметил лагов. А пока их нет, нет и причины перевозить тело.

– Хорошо, – по-прежнему с сомнением выговорила мама.

Я подошел к ней и обнял:

– Не волнуйся, мам. Это все мелочи. У меня тут запасной трил, я буду заглядывать. Очень часто. Ты даже и не заметишь, что я переехал.

Она улыбнулась и потрепала мою щеку:

– Вообще-то, я бы должна отругать тебя за такой покровительственный тон, но сегодня, так уж и быть, стерплю. Иди проверь себя, только не слишком долго. Отец хочет, чтобы ты появился до того, как все сядут за стол.

– Еще бы он не хотел, – буркнул я и пожал мамину руку, прежде чем уйти.

Мой новый ночной медбрат Джерри Ригс читал какую-то книгу в твердом переплете. Когда я вошел, он махнул мне рукой:

– Крис, как дела?

– По правде говоря, боль немного беспокоит.

– Пролежень?

– Вырванный зуб.

– Ясно, – сказал Крис, отложил книгу и подошел к моей «колыбели».

Мое тело было перевернуто на левый бок, потому что на правом бедре образовался очередной пролежень. Джерри начал рыться в тумбочке рядом с кроватью.

– Ага, тут тайленол с кофеином, – сказал он. – Твой дантист оставил для тебя.

– Сегодня вечером я должен быть в форме. Нет ничего опаснее для званого ужина с политиками, чем ошалевший трил.

– Ладно, – кивнул Джерри. – Посмотрим, что у нас еще есть.

Я подошел к своему телу... то есть к себе. Выглядел я как обычно – просто спящий человек. Тело было опрятным и чистым, что не всегда обязательно для хаденов. Некоторые даже не утруждались стричь волосы, потому что, положив руку на сердце, какой в этом смысл? Однако моя мама придерживалась противоположной точки зрения на этот счет. И, становясь старше, я с ней согласился.

Разумеется, чистоплотность касалась не только волос – все обстояло гораздо сложнее, так как тело, со всеми его отверстиями и системами жизнедеятельности, необходимо было снабдить необходимыми трубками, мешками и катетерами. Мама беспокоилась о моем переезде не только потому, что скучала бы по мне. Она боялась, что, зажив самостоятельно, я в конце концов начну целыми днями валяться в собственном дерьме. Я же считал ее опасения совершенно напрасными.

Я наклонился, чтобы рассмотреть свой пролежень. Как и говорила сиделка, это был отвратительный красный рубец на бедре. Коснувшись его, я почувствовал глухую боль и в то же время ощутил, как к нему тянется рука моего трила.

Сильно закружилась голова, как бывает только у хаденов от ощущения, что вы присутствуете в двух местах одновременно. Оно гораздо заметнее, когда ваш трил и ваше тело находятся в одном помещении в одно и то же время. Для этого даже существует специальный технический термин – полипроприоцепция. Люди, которые обычно имеют только одно тело, не приспособлены для этого. Такая ситуация без преувеличения меняет ваш мозг. Даже на МРТ видна разница между мозгом обычного человека и мозгом хадена.

Головокружение начинается, когда ваш мозг вспоминает, что не должен получать сигналы от двух тел одновременно. Самый простой способ избавиться от этой напасти, когда она случается, – это посмотреть на что-нибудь еще.

Я отвернулся и сфокусировал взгляд на «еще одном себе» в комнате – моем предыдущем триле, который был у меня основным до того, как я обзавелся 660-м. Это был «Камен зефир», сидящий сейчас в индукционном зарядном кресле. Очень хорошая модель. Тело цвета слоновой кости с голубыми и серыми прорисовками на конечностях. Я учился и получал диплом в Джорджтауне, и тогда это казалось мне настоящим шиком. Мой нынешний трил тоже был цвета слоновой кости, но гораздо более сдержанного матового оттенка, с едва различимыми красноватыми полосками на руках и ногах. В голову вдруг пришла смутная мысль о том, что я предал свою альма-матер.

– Ага! – объявил Джерри и показал пузырек. – Лидокаин. На пару часов должен помочь. Ужин продержишься, а потом я закачаю в тебя особо мощный ибупрофен. В общем, пока восприятие переключено в основном на трил, все будет хорошо.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Интересно, что ты не всегда полностью переключаешься на трил, – отмеряя лидокаин, заметил Джерри.

– Мне не нравится, когда я совсем не чувствую своего тела. Без этой связи я какой-то потерянный, неприкаянный, что ли. Неживой.

– Понимаю, – кивнул Джерри. – Далеко не все так поступают. Моя прошлая клиентка всегда целиком переключалась на трил. Не любила чувствовать, что происходит с ее телом. Черт, да она вообще не хотела признавать, что у нее есть тело. Думаю, считала его неудобным. А тело, будто в отместку, сыграло с ней злую шутку.

– Как это? – спросил я.

– У нее случился сердечный приступ, а она этого даже не заметила, пока на трил не поступил сигнал об угрозе жизни. Ну, мы начали ее спасать, а она из своего трила звонит этим своим противным голосом и говорит, что, мол, мы должны поставить ее на ноги, потому что в три часа у нее сеанс с ее мозгоправом, который она ну никак не может пропустить.

– Ну и как, пропустила?

– Угу, – натягивая перчатки, буркнул Джерри. – Умерла на полуслове, продолжая гундеть своим мерзким голосом. С одной стороны, она действительно ничего не почувствовала, что не так уж и плохо. Но с другой – для нее ведь вообще стало сюрпризом, что она может умереть. Проведя столько времени в триле, она уже считала его своим настоящим телом.

Он открыл мой рот, и я почувствовал, как напряглась челюсть.

– Сейчас я немного потыкаю здесь, – предупредил Джерри.

Да, папин «зал трофеев» производил впечатление, но в этом-то и был весь расчет. Маркус Шейн не принадлежал к тем людям, которые открыто говорят вам, что они важнее вас. Он был счастлив, когда о том же самом говорили его награды.

Западная стена комнаты отображала начало его баскетбольной карьеры. Здесь были выставлены спортивная форма его средней и старшей школы; четыре награды от МСАОК⁴, которые он выиграл для «Кардозо хай»⁵; письмо с подтверждением о принятии в Джорджтаунский университет на полную стипендию. Дальше шли специально подобранные фотографии со смешными моментами его игры за «Джорджтаун хойяс», с которыми он трижды доходил до Финала четырех и выиграл чемпионат еще на первом курсе. На одном снимке он плакал, разрезая сетку, и тут же, под рамкой, лежал кусочек настоящей сетки. Вокруг фото стояли призы Вудена, Найсмита и Робинсона, которые он выиграл в том же году, и чемпионское кольцо на подушечке. Горечь поражения в полуфинальном раунде Кубка Национальной ассоциации студенческого спорта на его последнем курсе приглушила золотая олимпийская медаль. Все сходилось в том, что золотые медали в год его Олимпиады были даже уродливее, чем обычно. Но это не мешало ей оставаться золотой медалью, так что злопыхатели могли просто заткнуться.

Повернувшись к южной стене, мы могли лицезреть вехи папиной профессиональной деятельности в «Вашингтон визардз», куда его взяли после одного особенно возмутительного сезона с шестнадцатью победами. Многие считали, что команда намеренно провалила свой сезон, чтобы заполучить папу. Но в глубине души папа не верил, что тренер или главный менеджер додумались бы до столь грандиозной стратегии. Тренер ушел в конце первого папиного сезона, главный менеджер – во втором, а через два года папа вывел команду в плей-офф. Еще через два года «Визардз» выиграла первый из трех «бэк-ту-бэков»⁶.

Возле этой стены было представлено множество снимков с папой, зависшим в воздухе; награды «Самому ценному игроку» в своей лиге и в серии матчей; некоторые наиболее культовые предметы из его профессиональной карьеры; витрина с его чемпионскими кольцами (последнее он получил в тот год, когда ушел из спорта) и, как венец всего этого, длинный художочный приз, который дают, когда тебя включают в Найсмитовский зал славы баскетбола, куда папа попал, как только позволил возраст.

Восточная стена начиналась с журнальной обложки той поры, когда папа еще играл за «Визардз», – но не «Спортс иллюстрейтед», а какого-то вашингтонского делового журнала, который первым заметил, что самый яркий из баскетбольных новичков Америки не покупает абсурдно огромных особняков, не расшвыривает деньги направо и налево как законченный идиот, а живет в скромном доме в Александрии, инвестируя свои капиталы в недвижимость Вашингтона и ближайших пригородов. К тому времени, когда папа ушел из баскетбола, его компания по торговле недвижимостью приносила ему больше денег, чем матчи и реклама, и он стал миллиардером в том же году, когда попал в зал славы. Эту часть комнаты занимали награды и почетные грамоты от бизнес-сообщества. Их было больше всего. Деловые люди обожают награждать друг друга.

Северная сторона комнаты посвящалась папиной благотворительной деятельности и главным образом его работе с больными синдромом Хаден – вполне естественно, если его единственный ребенок (я) подхватил вирус, да еще в период ее первой и самой жуткой волны, вместе с миллионами других, включая первую леди Соединенных Штатов Маргарет Хаден. Несмотря на то что синдрому дали имя первой леди, именно мои папа и мама (в девичестве Жаклин Оксфорд, отпрыск одной из старейших политических семей Виргинии) стали публичными лицами кампании по защите хаденов – вместе со мной, разумеется.

Вот почему на этой стене было полно фотографий отца, где он то выступал перед конгрессом с речью о необходимости масштабных прикладных исследований, призванных помочь четырем с половиной миллионам граждан США, чей разум был внезапно отрезан от их тел;

⁴ Межшкольная спортивная ассоциация округа Колумбия.

⁵ Школа на северо-западе Вашингтона, основанная в 1877 году.

⁶ В американском баскетболе серия плей-офф, когда команде предстоит сыграть две игры за двое суток, без дня на отдых.

то присутствовал на церемонии утверждения президентом Бенджамином Хаденом Исследовательской программы Хадена; то заседал в правлении Института Хадена и «Зебринг-Уорнер индастриз», разработавших первые трилы; то заочно участвовал в открытии «Агоры», виртуального пространства, созданного специально для хаденов, чтобы они могли иметь собственный кусочек мира в своем распоряжении.

Вперемешку с этими снимками здесь висели и наши фотографии – мои, мамыны и папины, сделанные в разных местах, где мы встречались с мировыми лидерами, знаменитостями и другими семьями, где жили хадены. Я был одним из первых детей, кто стал использовать свой собственный трил, и мои родители меня повсюду в нем таскали – и не только для того, чтобы наполнить мое детство завидным жизненным опытом, хотя в этом была своя приятная сторона. Главной задачей было убедить незараженных, что трилы – это все равно что люди, а не какие-то жуткие андроиды, неизвестно как затесавшиеся в их среду. А кто может лучше продемонстрировать это, как не ребенок одного из самых прославленных людей во всем мире?

Так что пока мне не исполнилось восемнадцать, я был одним из самых известных и часто фотографируемых хаденов на планете. Фотография со мной, где я протягиваю цветок папе римскому в базилике Святого Петра, регулярно упоминается как одна из самых знаменитых фотографий за последние полвека. Образ ребенка-трила, протягивающего пасхальную лилию епископу Рима, стал культовым символом соединения новейшей технологии и традиционной религии. Одна предлагает мир другой, другая с улыбкой принимает его.

Когда я учился в колледже, один профессор как-то сказал мне, что одна эта фотография сделала больше, для того чтобы хаденов считали такими же людьми, а не жертвами, чем тысяча научных открытий или выступлений перед конгрессом. Я ответил ему, что запомнил лишь, как ужасно воняло у папы изо рта. Профессор был священником. Вряд ли ему понравились мои воспоминания.

Эту фотографию сделал мой отец. Она разместилась в самом центре северной стены. Слева от нее – сертификат финалиста Пулицеровской премии в категории «Художественная фотография», наличие которого даже он сам, и надо отдать ему должное, считал нелепой случайностью. Справа – президентская медаль Свободы, врученная ему пару лет назад за работу по синдрому клетки. Под фотографией – другой снимок, где он получает из рук президента Гилкриста медаль и со смехом наклоняется, чтобы низкорослый Гилкрист мог дотянуться до его шеи.

Спустя три месяца президентом стал Уиллард Хилл. Он и подписал закон Абрамса—Кеттеринг. В доме Шейнов нового президента не жаловали.

Я жил рядом с «залом трофеев» всю свою жизнь, поэтому не считал его чем-то особенным. Это была просто еще одна комната, причем очень скучная, так как мне не разрешали там играть. И я знал, что папа к тому времени охладел к наградам. Кроме разве что Нобелевской премии мира, он получил уже практически все возможное. Я ни разу не видел, чтобы он заходил туда, если только не нужно было развлечь гостей в дни официальных приемов. Он даже не расставлял там свои сокровища – этим занималась мама.

С другой стороны, «зал трофеев» ведь и не предназначался для нас. Его сделали для всех остальных. Папа каждый день общается с миллионерами и миллиардерами, а сомнение этой категории людей находится на грани социопатии (а иногда и за гранью). Такие типы считают себя избранными хищниками, которые вынуждены продираться сквозь огромное стадо овец. Когда папа заводит их в эту комнату, глаза у них становятся большими, как плошки, и они понимают, что все их так называемые достижения не стоят выеденного яйца по сравнению с папиными. Во всем мире, может быть, найдется только три человека более интересных, чем Маркус Шейн. Гости не из их числа.

Поэтому-то мама, находясь в легкомысленном настроении, и называет эту комнату «ветлечебницей». Ведь именно туда папа приводит своих гостей, чтобы взять их за яйца.

С уже занемевшей челюстью я вошел в ветлечебницу, чтобы взглянуть, кто же сегодня будет финансовым и тестикулярным донором. Разумеется, папу я увидел раньше всех. При его росте в шесть футов восемь дюймов его было трудно не заметить.

А вот человека с бокалом в руке, который стоял рядом с папой, с улыбкой глядя на него снизу вверх, я здесь увидеть ну совсем не ожидал.

Это был не кто иной, как Николас Белл.

Глава 7

– Крис! – воскликнул папа и через секунду уже навис надо мной, заключив в объятия. – Как ты, малыш?

– Жду, пока ты меня раздавишь, – ответил я, и он рассмеялся; это был наш обычный ритуал приветствия.

– Спасибо, что зашел познакомиться с гостями.

– Мы обязательно поговорим об этом, – ответил я. – Уже очень скоро.

– Да-да, конечно, – сказал он, но все равно махнул Беллу, который тут же подошел, по-прежнему с бокалом в руке и улыбкой на лице.

– Это Лукас Хаббард, генеральный директор и председатель правления «Акселерант инвестментс».

– Здравствуйте, Крис, – сказал Хаббард/Белл и протянул руку. – Приятно с вами познакомиться.

– И мне, – кивнул я, отвечая на рукопожатие. – Простите, у меня на мгновение случилось что-то вроде дежавю.

– Со мной часто такое бывает, – улыбнулся Хаббард/Белл и отхлебнул из бокала виски со льдом.

– Простите, я немного удивлен, – добавил я.

– Так ты знаешь, кто такой Лукас? – сказал папа, внимательно следя за нашим загадочным диалогом.

– В общем-то, нет, – пробормотал я, – то есть да. Конечно, я знаю, кто такой Лукас Хаббард. Но я также знаю... – Я запнулся – считалось невежливым публично объявлять о том, что интегрированный хаден пользуется чьим-то телом.

– Вы знаете интегратора, которым я пользуюсь, – спасая меня от неловкости, подсказал Хаббард.

– Именно так, – сказал я. – Мы встречались.

– Можно спросить где? – поинтересовался Хаббард.

– По работе. Очень недолго.

– Любопытно, – заметил Хаббард.

К нему подошла какая-то привлекательная женщина и встала рядом. Он указал на нее:

– А это главный юрисконсульт «Акселерант инвестментс» Самуэль Шварц.

– Мы встречались, – глядя прямо на меня, сказал Шварц.

– Вот как, – обронил Хаббард.

– Тоже по работе, – сказал я, – и очень недолго.

– Так и есть, – кивнул Шварц с улыбкой. – Агент Шейн, когда мы только познакомились, я не сразу понял, кто вы. Пришлось навести справки в процессе разговора. Примите мои извинения.

– Право, не стоит, – сказал я. – Вы и не могли знать. Кстати, о нашей встрече. Помнится, вы выглядели несколько иначе, когда мы виделись в прошлый раз. Весьма неожиданно.

– Полагаю, что так, – ответил Шварц, оглядывая свое тело. – Знаю, некоторым хаденам нравится интегрироваться в тела противоположного пола, но я, как правило, это не практикую. Просто мой обычный интегратор этим вечером был недоступен, а я вошел в число гостей буквально в последнюю минуту. Поэтому пришлось довольствоваться тем, что оставалось.

– Можно было выбрать и похуже, – сказал я, и он снова улыбнулся.

– Не представляю, как и отнестись к тому, что ты знаешь этих двоих лучше, чем я, – со своим обычным чарующим обаянием произнес папа.

– Я и сам слегка удивлен, – сказал я.

– Как и я, – добавил Хаббард. – С учетом всех обстоятельств кажется странным, что мы с вашим отцом не пересекались раньше. Но как бы то ни было, если не принимать во внимание наши многочисленные офисы, «Акселерант инвестментс» почти не имеет дел с недвижимостью.

– Почему так, Лукас? – спросил папа.

– Вероятно, потому, что, будучи хаденом, я меньше обычного человека вовлечен в дела физического мира. Они для меня не на первом месте, – ответил Хаббард и указал на папу стаканом с виски. – Думаю, вы не в претензии на меня за то, что я не конкурирую с вами на вашем поле.

– Не в претензии, – согласился папа, – хотя я не против конкуренции.

– Это потому, что вы очень хорошо умеете обставлять конкурентов.

– Полагаю, с этим не поспоришь, – рассмеялся папа.

– Разумеется, – сказал Хаббард и с улыбкой посмотрел на меня. – В этом мы с вами похожи.

Когда мы сели ужинать, я позвонил Ванн, используя свой внутренний голос, чтобы сохранить видимость внимания к застольным разговорам.

– Я занята, – ответила Ванн, и я с трудом услышал ее сквозь громкий шум.

– Вы где?

– В баре, пью и пытаюсь снять партнера на ночь, – сказала она. – То есть занята.

– Лукас Хаббард использует Николаса Белла как интегратора.

– Откуда вы знаете?

– Хаббард сейчас сидит прямо напротив меня за обеденным столом, причем в теле Белла.

– Вот черт, – сказала Ванн. – Надо было догадаться.

– И что мне делать?

– Шейн, да что хотите. Рабочий день окончен.

– Я подумал, вы хоть чуточку обрадуетесь.

– Когда я увижу вас завтра на работе, то буду очень радостной. Обещаю. А сейчас я чрезвычайно занята.

– Я понял. Мне жаль, что я вас побеспокоил.

– Мне тоже. Но раз вы уже побеспокоили, скажу: есть кое-какие подвижки по трупу.

Пришел анализ ДНК.

– И кто он? – спросил я.

– Пока не знаем.

– Мне показалось, вы говорили о подвижках.

– Да, говорила. Анализ не дал идентификации, но определил, что он, возможно, из рода навахо. Это может объяснить, почему мы не нашли его в базе данных. Если он навахо и жил в какой-нибудь резервации, то все записи о нем должны быть в базах данных по резервациям. Они не привязаны к базам США, так как Нация навахо имеет свою автономию. И не доверяет нашему правительству, каким бы странным это ни казалось. – При этих словах она захихикала.

– И как часто такое случается? – спросил я. – Даже если живешь в резервации, иногда приходится выезжать, и тогда точно попадаешь в базы.

– Может, этот парень никогда и не выезжал – ну, до тех пор.

– Надо сделать запрос, – сказал я. – В смысле, в Нацию навахо.

– Да-а, наши криминалисты уже сделали. Переслали им анализ ДНК, пальчики, скан лица. Но ответят они тогда, когда сочтут нужным. Навахо не слишком торопятся выполнять наши просьбы.

Сидящий во главе стола папа постучал ножом по бокалу и встал.

– Все, мне пора, – предупредил я. – Папа собирается произнести речь.

– Ладно. Я и так уже хотела отключиться, – сказала Ванн и отключилась.

Папин спич в привычном стиле «ужин-со-спонсорами-и-все-вокруг-друзья» был, как всегда, легким, непринужденным, доверительным и в то же время касался важных государственных тем и его «пока еще не объявленной официально» сенаторской кампании. Приняли спич, как обычно, то есть на ура, ведь папа есть папа, и он еще со школы поднаторел в публичных выступлениях. Обаянию Маркуса Шейна не поддаются, наверное, только закоренелые человеконенавистники.

Однако завершилась речь несколько неожиданно. Папа упомянул «проблемы и возможности, которые закон Абрамса—Кеттеринг предлагает каждому из нас», что казалось немного неуместным, так как синдром клетки был только у Хаббарда, Шварца и у меня. Поэтому я сжульничал и просканировал лица остальных людей за столом. Пятеро из них были генеральными директорами и/или председателями правления компаний, так или иначе связанных с рынком товаров для хаденов, со штаб-квартирами здесь, в Виргинии.

Это все объясняло. А также то, почему папа особенно настаивал на моем присутствии.

Стало ясно, что так просто мне не отсидеться.

– Крис, а что вы думаете о новом законе Абрамса—Кеттеринг? – спросил гость, чей скан значился под именем Рика Уиссона, мужа Джима Бухолда, генерального директора «Лаудон фарма». Сидящий рядом Бухолд бросил на мужа свирепый взгляд, который Уиссон то ли не заметил, то ли проигнорировал, и сразу стало понятно, что их сегодняшнее возвращение домой едва ли будет приятным для обоих.

– Думаю, вы не очень удивитесь тому, что моя точка зрения на этот закон совпадает с точкой зрения моего отца, – ответил я, перекидывая мяч на папину сторону.

Само собой, папа тут же с легкостью принял подачу:

– Крис хочет сказать, что об этом, как и о большинстве связанных с хаденами тем, мы много говорили в семейном кругу. Поэтому слова, которыми я завершил свою речь, – это результат наших долгих обсуждений. Полагаю, вы все знаете, что я открыто выступал против билля Абрамса—Кеттеринг. Я считал и продолжаю считать, что это неправильное решение проблемы, которой на самом деле не было, ведь хадены как социальная группа дают национальной экономике больше, чем забирают из нее. Однако, хорошо это или плохо, законопроект прошел, и мы все должны думать, как заставить это новое обстоятельство работать на нас.

– Именно, – подтвердил я и указал через стол на папу.

– А что вы думаете о забастовке? И марше протеста? – не унимался Уиссон.

– Рик, – со сдержанной злобой прорычал Джим Бухолд.

– По-моему, это вполне подходящая тема для разговора за ужином, – сказал Уиссон мужу. – Во всяком случае, за этим ужином. Тем более что Крис – самый настоящий хаден.

– Вообще-то, нас за столом трое, – напомнил я и кивнул в сторону Хаббарда и Шварца.

– При всем моем уважении к Лукасу и мистеру Шварцу новый закон их не слишком коснется, – ответил мне Уиссон; при этих словах Хаббард и Шварц натянуто улыбнулись. – В то время как вы работаете и, стало быть, должны выходить на улицу. Поэтому вам придется принимать какое-то решение по этому поводу.

– Я полагаю, каждый имеет право на свое собственное мнение, равно как и право устраивать мирные собрания, – напомнил я Первую поправку.

– Меня беспокоит как раз слово «мирные», – проворчала Кэрол Лэмб, сидевшая на другом краю стола. Она была одной из тех, для кого и нанимали камердинера, – древняя и невыносимо консервативная, какими могут быть только постаревшие либералы. – Дочь говорила мне, что вашингтонская полиция стягивает все силы к предстоящим выходным. Они опасаются волнений.

– И почему же, по-вашему, миссис Лэмб? – спросил у нее Шварц.

– Она сказала, что хадены, которые выйдут на марш, не побоятся полиции, – ответила Лэмб. – Ведь трилы – это не то же, что человеческие тела.

– Ваша дочь боится восстания роботов? – спросил я.

Лэмб взглянула на меня и тут же покраснела.

– Нет, конечно, – поспешно сказала она. – Просто это ведь первый массовый протест хаденов. Он отличается от любых других протестов подобного рода.

– По поводу восстания роботов, – проговорил я и поднял руку, чтобы успокоить не на шутку разволновавшуюся Лэмб. – Да, трилы – не человеческие тела. Но они и не терминаторы. Те, что предназначены для повседневного ношения, намеренно сделаны так, чтобы как можно больше напоминать человеческое тело в привычных нам понятиях силы, гибкости, подвижности и прочих физических свойств.

– Все это потому, что трилом по-прежнему управляет человек, – добавил папа.

– Именно, – подтвердил я. – А человеку гораздо легче управлять механизмом, соизмеримым с естественными человеческими возможностями. – Я протянул руку вперед. – Это механическая ладонь, прикрепленная к механической руке. Но она подчиняется власти человека. Я не собираюсь переворачивать этот стол в приступе ярости. Как и демонстранты не станут переворачивать машины, проходя по Национальной аллее⁷.

– Но все же трилы гораздо крепче человеческих тел, – заметил Уиссон. – Они способны выдерживать намного большие повреждения.

– Я хочу вам кое-что рассказать, – предложил я. – Мама и папа помнят эту историю. Когда мне исполнилось восемь лет, мне подарили на день рождения велосипед...

– О боже, ты об этом... – вздохнула мама.

– ...а как раз тогда я узнал про трюки на великах для фристайла, – продолжил я. – И вот однажды утром я соорудил на нашей подъездной дорожке трамплин и стал прыгать с него, то и дело подзуживая себя сделать что-нибудь по-настоящему крутое, вроде сальто. В конце концов я взвинтил себя до такой степени, что разогнался изо всех сил, резко въехал на трамплин, попытался сделать переворот, но пролетел задницей над рулем и грохнулся с велосипеда прямо на проезжую часть, под колеса грузовика, шедшего на скорости тридцать миль в час.

– Ненавижу эту историю, – выговорила мама; папа усмехнулся.

– Грузовик ударил меня, и я просто перестал существовать. Трил разлетелся на части. Моя голова в буквальном смысле слова слетела с плеч и покатилась в соседские кусты. Я так и не понял, что произошло. Было только ощущение сильного толчка, все завертелось перед глазами, а потом меня внезапно швырнуло в мое собственное тело, оставив в полнейшем недоумении, что за хрень только что произошла.

– Если бы тело было человеческое, ты бы погиб, – напомнил папа.

– Да, знаю. Вы с мамой напоминаете мне об этом при каждом удобном случае. Этой историей я хотел сказать, мистер Уиссон, – я снова повернулся к гостю за столом, – что хотя трилы и крепче человеческих тел, они все равно ломаются. И очень дороги. Они стоят, как машина. Большинству людей вмятина от полицейской дубинки на триле понравится не больше, чем вмятина на бампере от нее же. Поэтому нам вряд ли стоит тревожиться из-за восстания роботов. Для этого роботы слишком дорогое удовольствие.

– Что случилось после того, как на вас наехал грузовик? – спросил Шварц.

– Ну, какое-то время пришлось обходиться без трила, – ответил я, чем вызвал смех гостей. – И, насколько я помню, водитель пригрозил подать на папу в суд.

– Он сказал, что виноват я, потому что трил принадлежит мне и этот трил вышел на дорогу, когда у грузовика было преимущество проезда, – объяснил папа.

⁷ Территория в историческом центре Вашингтона, где расположено множество памятников и музеев.

– Он бы проиграл дело, – заметил я. – По закону личный транспортер – это особый класс машин. Наезд на него автомобилем квалифицируется как наезд на человека, хотя, разумеется, не может быть предъявлено обвинение в убийстве.

– Все правильно, – подтвердил папа. – Но я не хотел, чтобы мое имя мусолили в прессе, поэтому откупился – возместил ущерб за повреждение грузовика и дал ему билеты в нижний ярус на «Визардз».

– Мне вы никогда не предлагали таких билетов, – заметил Бухолд.

– Не стоит вдохновляться примером, – посоветовал папа, и все снова рассмеялись. – Теперь мой Крис – агент ФБР. Если на него наехать грузовиком, проблем не оберешься.

– Еще я помню, что мой следующий трил был настоящим бараклом, – сказал я. – Какая модель, кстати? – спросил я у папы.

– «Метро джуниор курьер». Ненадежная конструкция.

– Ой-ой-ой, – охнул Хаббард. – «Метро» принадлежит «Акселеранту».

– Значит, ваша вина, – сказал я.

– Справедливо замечено. Но ведь это было лет двадцать назад?

– Где-то так, – согласился я.

– Тогда «Метро» еще не была моей компанией, – уточнил Хаббард. – Мы купили ее восемнадцать лет назад. Нет, семнадцать. Семнадцать же? – Он повернулся к Шварцу, но тот, казалось, совершенно не понимал, о чем речь, тогда Хаббард раздраженно нахмурился, но потом все же примирительно похлопал своего юриста по руке. – Да, семнадцать. Мы купили ее, потому ее акции сильно упали как раз из-за слабой линейки моделей, включая «Курьер» и «Джуниор курьер».

– Охотно верю, – заметил я. – Больше мы продукцию «Метро» не покупали.

– Она улучшилась, – заверил Хаббард. – Если хотите попробовать, я пошлю вам на пробу одну из последних моделей.

– Спасибо, но я только что обзавелся этим. – я указал на свой 660XS. – Так что пока я не слишком заинтересован в замене.

Хаббард улыбнулся.

– Забавно, но мы уже начали переговоры о слиянии с «Зебринг-Уорнер», – сказал он.

– Я читал об этом в утренней «Пост», – сообщил папа.

– Та статья недостоверна всего на шестьдесят процентов, – заметил Хаббард.

– Ага! – воскликнул я и посмотрел на Шварца.

– Что? – спросил тот.

– Так вот почему вы используете «Аякс-370»! – воскликнул я. – Исследование рынка.

Шварц посмотрел на меня непонимающим взглядом.

– Вы наблюдательны, – отметил Хаббард. – Да, Сэм и еще несколько его коллег опробовали новые модели. Личные впечатления, как вы справедливо отметили, крайне важны.

– Это как-то связано с законом Абрамса—Кеттеринг? – осведомился папа. – Переговоры о слиянии.

– Некоторым образом, – ответил Хаббард. – Правительство субсидирует покупку трилов только до конца года, так что сейчас мы продаем буквально все, что можем. Но в январе продажи резко упадут. Слияние – способ остаться на плаву. Хотя я заинтересован и в исследовательской программе «Зебринг-Уорнер». Они занимаются интересными вещами. Например, прямо сейчас, – он повернулся ко мне, – они проводят очень перспективную работу со вкусом.

– Вы имеете в виду эстетический вкус или, э-э... когда едят? – поинтересовался я.

– Когда едят. Вкус – единственное чувство, оставшееся недоступным для трилов, потому что для него не было практического применения. Трилы не нуждаются в пище. Но это не значит, что они не должны уметь есть. – Он указал на пустую тарелку передо мной на столе. –

К примеру, для вас нахождение за этим столом было бы гораздо естественнее сейчас, если бы вы ели, а не сидели просто так.

– Вообще-то говоря, я ем, – сказал я. – Просто в другой комнате. – А про себя добавил: «через трубку», но произносить это вслух не стал, чтобы не омрачать застольную беседу. – А подушка на моем сиденье – это индукционный зарядник. Так что, выражаясь метафорически, мой трил тоже ест.

– Пусть так, – согласился Хаббард. – Крис, одна из великих целей вашей семьи – добиться того, чтобы общество видело в трилах людей. Вы немало преуспели на этом поприще, но есть возможность пойти дальше. – Он указал на Кэрол Лэмб, и та вздрогнула от неожиданности. – Дочь нашей коллеги сегодня прямо указала нам на это. Если появятся трилы, способные не просто сидеть за обеденным столом, но и принимать пищу, как все, это станет важным шагом на пути их дальнейшего очеловечивания.

– Возможно, – сказал я. – Но в таком случае я вынужден спросить у вас: куда денется пища, после того как я ее попробую?

– Есть лучшие способы очеловечить хаденов, – напомнил Бухолд. – Например, вернуть им их тела.

Хаббард тут же переключил на него внимание.

– Ну да. Разумеется, – сказал он. – Джим Бухолд. Единственный человек за этим столом, чьи деловые интересы не пострадают от закона Абрамса—Кеттеринг.

– Вряд ли стоит критиковать конгресс за то, что он сохранил финансирование исследований по лечению синдрома клетки в прежнем объеме, – указал Бухолд. – Мы стараемся решить проблему, а не извлечь из нее выгоду.

– Как благородно! – восхитился Хаббард. – Однако я видел квартальный отчет «Лаудон фарма». Зарабатываете вы очень даже неплохо.

Бухолд повернулся ко мне.

– Крис, позвольте спросить, – сказал он, указывая на мою пустую тарелку. – Как вы предпочли бы пробовать еду? Через трил? Или собственным языком?

Настала очередь Уиссона испепелять мужа взглядом, и за дело. Разговор в таком ключе очень скоро мог стать весьма щекотливым. Но Бухолд не дал мне ответить.

– Мы работаем над тем, – продолжил он, – как вывести пациентов с синдромом клетки из их состояния. Наша задача – не создавать иллюзию принятия ими пищи, а вернуть им способность жевать и глотать ее самостоятельно. Мы хотим освободить их...

– Освободить от чего? – сухо осведомился Хаббард. – От сообщества пяти миллионов людей в США и сорока миллионов по всему миру? От возникающей новой культуры, которая взаимодействует с физическим миром, но независима от него, со своими интересами, заботами и экономикой? Вы хоть понимаете, что огромное число хаденов попросту не помнят физического мира? – Он ткнул пальцем в мою сторону. – Крис стал хаденом в два года. Вы что-нибудь помните о том времени, когда вам было два года, Джим?

Я взглянул на отца, но он был увлечен разговором с Кэрол Лэмб и мамой. Значит, оставалось рассчитывать только на свои силы.

– Вы упускаете главное, – заметил Бухолд. – Мы же хотим предложить выбор, возможность избежать физической скованности, мешающей хаденам вести нормальную жизнь.

– По-вашему, я выгляжу скованным? – спросил Хаббард. – Или Крис так выглядит?

– Я, вообще-то, здесь, – напомнил я.

– Тогда скажите сами – вы чувствуете себя скованным? – спросил меня Хаббард.

– Не то чтобы очень, – признался я. – Но, с другой стороны, как вы и сказали, мне особо не с чем сравнивать.

– Зато мне есть с чем. Я стал хаденом в двадцать пять. И с тех пор делал все, что делает любой человек. Что любой человек захотел бы сделать.

– Только вам для этого нужно заимствовать чье-то тело, – возразил Бухолд.

– Джим, – Хаббард сверкнул белозубой улыбкой, – я заимствую чье-то тело не для того, чтобы притвориться, будто я не хаден, а для того, чтобы некоторая часть людей не забыли, что я тоже человек.

– Тем больше причин искать способы лечения, – сказал Бухолд.

– Нет, – отрезал Хаббард. – Заставлять кого-то меняться только потому, что не знаешь, как обходиться с ним в его нынешнем виде, – это не то, к чему надо стремиться. Надо стремиться наконец открыть людям глаза. Вы говорите: «лечение», а я слышу в этом: «вы недочеловеки».

– Бросьте, Хаббард, – отмахнулся Бухолд. – Вы меня на этом не подловите. Ничего подобного я не говорил, и вы это знаете.

– Неужели? Тут есть о чем поразмыслить, Джим. Сейчас нейронные сети, трилы и все прочие инновации, появившиеся благодаря Исследовательской программе Хадена, создаются специально для хаденов. По сей день министерство здравоохранения разрешает их использование только хаденам. Но ведь люди с различными параличами тоже могли бы получить выгоду от трилов. Как и другие американцы, имеющие проблемы с передвижением. Как и старики, которым уже трудно ходить.

– Министерство ограничило применение трилов жертвами синдрома клетки потому, что запихивать в голову второй мозг, мягко говоря, небезопасно, – напомнил Бухолд. – К этому прибегают, когда нет выбора.

– Но этот выбор должен быть у всех, – возразил Хаббард. – И теперь наконец доступ к этим технологиям открывается для каждого. Помимо всего прочего, закон Абрамса—Кеттеринг предоставляет его гораздо большему числу людей. Все больше американцев будут использовать их в будущем. Миллионы. Их вы тоже станете принижать, Джим?

– Мне кажется, вы не слышали, что я говорил, – сказал Бухолд.

– Я слушал вас очень внимательно, – ответил Хаббард, – и вот что я вам скажу: ваши слова звучат как расизм.

– О господи! – воскликнул Бухолд. – Теперь вы говорите, как эта чертова баба Кассандра Белл.

– Блин... – произнес я.

– В чем дело? – Бухолд повернулся ко мне.

– Э-э... – пролепетал я.

– Крис не хочет говорить вам, что мой сегодняшний интегратор – это Николас Белл, старший брат Кассандры Белл, – пояснил Хаббард. – Я же сообщаю вам об этом без малейших душевных колебаний.

Бухолд в изумлении уставился на Хаббарда:

– Да ты точно гребаный...

– Джим! – рявкнул Уиссон.

– У вас все в порядке? – поинтересовался папа, наконец обративший внимание на наш край стола.

– Все чудесно, папа, – заверил я. – Но, мне кажется, у Джима есть пара вопросов, которые он хотел бы задать тебе лично. Если бы Кэрол согласилась поменяться с Джимом местами, было бы просто замечательно.

– Конечно же, я не против, – тут же согласилась она.

– Превосходно, – сказал я и посмотрел на Бухолда в надежде на то, что он воспримет намеки или, по крайней мере, будет благодарен мне за предоставленную возможность поговорить с папой с глазу на глаз. Он раздраженно кивнул и поменялся местами с Кэрол.

– Хорошо выкрутился, – наклонившись ко мне, очень тихо прошептал Хаббард.

Я кивнул, а потом потер щеку. Боль в челюсти возвращалась. И я был почти уверен, что не из-за зуба.

Зазвонил мой внутренний телефон.

– Да? – ответил я внутренним голосом.

– Шейн, – сказала Ванн, – как далеко вы сейчас от Лисберга?

– Милях в десяти. А в чем дело?

– Вы слышали про «Лаудон фарма»?

– На самом деле именно в данный момент я ужинаю с ее генеральным директором и его мужем, – сказал я. – Да что случилось-то?

– Она только что взлетела на воздух.

– Что? – Я посмотрел на Бухолда, который о чем-то увлеченно беседовал с папой.

– Она только что взлетела на воздух, – повторила Ванн и добавила: – Похоже, замешан хаден.

– Вы шутите?!

– Хотелось бы. Тогда бы я лежала сейчас в теплой постели, и не одна, а не ехала бы в ваши края, – проворчала Ванн. – Немедленно отправляйтесь туда и начинайте составлять подробную картограмму местности и собирать данные. Я буду минут через сорок.

– А что мне сказать Джиму Бухолду?

– Он – генеральный директор?

– Ну да, – подтвердил я.

Джим полез в карман за телефоном.

– Погодите-ка, – добавил я. – Похоже, он сейчас узнает все сам.

Бухолд вскочил и, не отнимая телефона от уха, выбежал из комнаты. Озадаченный Уиссон посмотрел ему вслед.

– Да, он узнал, – уныло сообщил я.

Глава 8

На территории «Лаудон фарма» было два главных здания. В первом находились офисы руководителей верхнего и среднего звена, сотрудников администрации, пресс-службы и лоббистов, работающих по Вашингтону и Ричмонду. Во втором – лаборатории, где трудились ученые, программисты и прочий уважаемый персонал.

Административное здание сильно пострадало. Все стекла на восточной стене выбило взрывом вместе с рамами, а большинство остальных нуждалось в более-менее серьезном ремонте. Из дыр разлетались бумаги, порхали и кружились в воздухе, а потом медленно опускались на тенистый бульвар, разделявший два здания.

Лабораторный корпус уничтожило практически целиком.

Грудю обломков окружили пожарные расчеты со всех уголков округа Лаудон, которые напряженно искали, что бы потушить. Тушить было почти нечего. От взрыва здание обрушилось внутрь себя и погасило практически все, что успело загореться. Вокруг руин курсировали машины парамедиков, пытаясь с помощью сканеров засечь транспондеры, встроенные в бейджи сотрудников «Лаудон фарма».

Удалось запинговать шестерых – все из штата уборщиков. Парамедики запустили в развалины ботов-тараканов и ботов-змей, чтобы проверить, присоединены ли еще бейджи к кому-то живому.

Увы – никого в живых не осталось.

– Вот что видели охранники, – сказал я Ванн; мы сидели в ее машине, и я отправлял видео на ее приборную панель.

Ванн с мрачным ожесточением мусолила сигарету. Возможно, это был побочный эффект от сексуального разочарования, но сейчас был неподходящий момент спрашивать ее об этом. Я открыл дверцу со своей стороны, чтобы выходил дым.

На дисплее приборной панели мы увидели снятое на камеру поста охраны видео, запечатлевшее, как какой-то внедорожник на полной скорости влетел на парковку, врезался в ворота, снес их и помчался дальше.

– Отмотайте назад и остановите перед ударом о ворота, – попросила Ванн и, когда я сделал это, указала: – Номерной знак и лицо.

– Верно, – сказал я. – Хотя ни то ни другое не совпадает с данными транспондера на бейдже, которые запинговали, когда внедорожник прошибал ворота.

– Тогда кому принадлежит бейдж?

– Карлу Байеру, – ответил я. – Генетику. Работал в лаборатории. Тоже хаден, поэтому эхо-запрос и прошел.

– Внедорожник вел не трил, – сказала Ванн. – Значит, кем бы он ни был, он просто украл документ Байера. Только зачем – чтобы просто снести ворота?

– Документ им был нужен, чтобы попасть в гаражи под зданием. Там парковка для персонала. Посетители паркуются снаружи, – пояснил я.

– А набитый взрывчаткой внедорожник гораздо эффективнее сработает именно под зданием, а не рядом с ним, – закончила мысль Ванн.

– Полагаю, на это и был расчет.

– А если бейдж украден, нам нужно быть здесь? – спросила Ванн.

Я помедлил секунду, недоумевая, почему вдруг задан такой вопрос, но потом вспомнил, что это по-прежнему наш первый совместный рабочий день, каким бы невероятным оно ни казалось. Ванн снова проверяла меня.

– Да, нужно, – ответил я. – Во-первых, чтобы проверить Байера и удостовериться в краже его бейджа. Во-вторых, – я указал на застывшее на дисплее изображение внедорожника перед воротами, – эта машина зарегистрирована на Джея Керни.

– А я должна знать, кто такой Джей Керни?

– Вы могли бы знать. Он интегратор. Или был им.

Ванн сделала последнюю глубокую затяжку и выкинула окуроч в окно.

– Покажите мне четкую фотографию Керни.

Я загрузил его фото с лицензии интегратора и разместил на экране дисплея рядом с фотографией водителя. Ванн наклонилась и вгляделась в лицо.

– Что вы думаете? – спросил я.

– Как знать, как знать, – пробормотала она, подняла голову и посмотрела через окно на разрушенное здание, полицейские мигалки и машины парамедиков. – Его еще не нашли?

– Едва ли его вообще ищут, – сказал я. – Они сейчас заняты поисками уборщиков. Да и в любом случае, если в момент взрыва Керни находился в машине, от него остался только тонкий слой пепла на автостоянке.

– Вы уже с кем-нибудь говорили о нем?

– Разговоры со мной здесь никому не интересны. Я ведь занимаюсь хаденами, а не террористами. – Пока я это говорил, доносившийся откуда-то далекий рокот вертолета становился все громче и громче.

– А вот эти, похоже, как раз занимаются террористами, – сказала Ванн. – Они любят эффектные появления.

Я снова кивнул на дисплей:

– Это я получил от охраны одновременно с копами Лисберга и шерифами Лаудона, но мне кажется, они еще даже не смотрели.

– Ладно, – объявила Ванн и смахнула фотографии с экрана. – Где вы припарковались?

– Я не парковался. Я приехал с Джимом Бухолдом, генеральным директором. Вон он, кричит на копов.

– Хорошо, – сказала Ванн, заводя машину.

– Куда мы сейчас? – Я закрыл дверцу со своей стороны.

– Нанесем визит Карлу Байеру. Найдите его адрес, пожалуйста.

– Нам потребуется ордер? – запуская поиск, спросил я.

– Я хочу поговорить с ним, а не арестовывать. Но вы можете уточнить, дадут ли нам ордер на досье Керни. Мне нужно знать, с кем он интегрировался. Попробуйте заодно получить ордер и на досье Белла. Двое интеграторов, предположительно замешанных в убийстве, за один день – как-то многовато для меня.

Квартира Карла Байера находилась в маленьком сером жилом комплексе Лисберга, рядом с супермаркетом и «Международным домом блинов». Байер жил в нижней угловой квартире, под лестничной клеткой. Когда мы постучали, никто не ответил.

– Он ведь хаден, – напомнил я.

– Если он здесь живет, у него есть трил, – сказала Ванн. – Если он получил этот чертов бейдж сотрудника «Лаудон фарма», значит трилом точно обзавелся. И способен открыть дверь. – Она постучала еще раз.

– Я обойду и посмотрю, видно ли что-нибудь в окно, – предложил я спустя минуту.

– Ладно. Хотя нет, подождите. – Она крутанула дверную ручку; та поддалась.

– Вы в самом деле собираетесь это сделать? – глядя на дверь, спросил я.

– Дверь открыта, – заметила Ванн.

– Нет, она закрыта, но не заперта.

– Вы записываете?

– Прямо сейчас? Нет.

– Смотрите, дверь открыта, – толкнув ее, сообщила Ванн.

– О, да вы просто путеводная звезда безопасной конституционной практики, – процитировал я Ванн.

– Заходите, – ухмыльнулась она.

Карла Байера мы нашли в его спальне с ножом в голове. Рукоятку держал трил, стоящий рядом с его «колыбелью»; блики от лезвия падали Байеру на висок.

– Матерь божья, – выговорил я.

– Откройте жалюзи на окнах! – приказала Ванн.

Я открыл.

– Если кто-нибудь спросит – вы обошли дом, заглянули в окно, увидели это, после чего мы зашли в квартиру.

– Не нравится мне все это, – сказал я.

– А что тут может нравиться? – спросила она. – Вы уже записываете?

– Нет.

– Начинайте.

– Начал.

Ванн подошла к выключателю и нажала его локтем.

– Начинаем отображение, – сказала она и натянула перчатки, как и я.

Когда я закончил, Ванн взяла со столика рядом с «колыбелью» планшет и нажала на экран.

– Шейн, посмотрите. – Она повернула планшет экраном ко мне, и я увидел Джея Керни.

– Это видео? – спросил я.

– Да, – подтвердила Ванн, дождалась, пока я подойду, и нажала воспроизведение.

Джей Керни на экране ожил. При съемке он держал планшет так, чтобы в кадр они попали с Карлом вдвоем.

– Это Карл Байер, – сказал Керни. – Я говорю от своего имени и от имени моего доброго друга Джея Керни, с которым я сейчас интегрирован. В течение восьми лет я работал генетиком на «Лаудон фарма», был частью команды, которая пыталась отменить действие синдрома клетки. Когда я присоединился к «Лаудону», я верил, что то, чем мы занимаемся, принесет хаденам благо. Никто из нас не просил заключения в собственных телах. Я уж точно не просил. Я заболел, еще будучи подростком, и болезнь лишила меня всего того, что я любил. Победа над вирусом казалась мне правильным и полезным делом. Ведь наша работа давала хаденам шанс на новую жизнь. Но постепенно я начинал понимать, что синдром клетки – не приговор пожизненного заключения. Это лишь другой способ жить. Я начал видеть красоту мира, создаваемого нами, хаденами, миллионами нас, в своем собственном пространстве и своим собственным путем. Я прислушался к словам Кассандры Белл, говорившей, что подобные мне люди, работающие над так называемым средством от синдрома Хаден, по сути, уничтожают принципиально новую общность людей – первую за сотни лет. И я понял, что она права и настало время положить этому конец. Сам я по понятным причинам не мог такое осуществить. Но, к счастью, мой друг Джей разделяет мои убеждения настолько, что согласился мне помочь. Были и другие, пусть они останутся неизвестными, кто помог нам с материалами и составил план действий. Теперь все готово. Можно приступать. Мы с Джейм сделаем это вместе. А когда он сыграет свою роль, я вернусь сюда, чтобы присоединиться к нему на следующей стадии нашего совместного пути. Полагаю, если вы смотрите это, то уже знаете, как все произошло. Я сознаю, что моей семье и друзьям мой поступок может показаться абсурдным. Я также сознаю, что могут случайно пострадать или даже погибнуть невинные люди. Я сожалею об этом и приношу свои извинения тем, кто потерял любимых этой ночью. Но я прошу их понять: если сидеть сложа руки, то деятельность «Лаудон фарма» приведет к гибели фактически целого народа.

И это будет настоящим геноцидом, совершенным во имя воображаемого милосердия. Обращаясь к моим коллегам из «Лаудон фарма», скажу, что понимаю, какую ярость у вас вызову, ведь теперь вся ваша работа и исследования будут отброшены на годы. Но я прошу вас провести время вынужденного бездействия в размышлениях над тем, что же именно вы делали. Читайте, слушайте Кассандру Белл, как читал и слушал я. Я верю в нее. В том, что я собираюсь совершить, я следую ее принципам. Надеюсь, со временем вы придете к тому же. Прощайте, и всего самого хорошего хаденам всего мира. Я всегда буду с вами.

– Во всем этом нет ни малейшего смысла, – буркнул Джим Бухолд.

Мы сидели в гостиной дома Бухолда и Уиссона в пригороде Лисберга. Местной полиции, шерифам округа Лаудон и ФБР пришлось силой выгонять Джима с места взрыва, чтобы спокойно делать свою работу. И теперь он нервно расхаживал по комнате и чувствовал свою бесполезность. Уиссон налил мужу выпить, чтобы тот успокоился. Стакан остался стоять нетронутым на столе. В конце концов Уиссон взял его сам.

– И почему же в этом нет ни малейшего смысла? – спросила Ванн.

– Потому что Карл – ведущий разработчик нейролиза.

– А нейролиз – это?.. – подбодрила Ванн.

– Лекарство, которое мы разрабатывали для стимуляции соматической нервной системы у жертв синдрома клетки.

Помимо своей воли я ощутил смутное раздражение при слове «жертвы».

– Синдром клетки, – продолжал Бухолд, – подавляет способность мозга передавать сигналы соматической нервной системе. Нейролиз побуждает мозг создавать новые пути коммуникации с ней. Мы провели удачные испытания с чипами и работали с генетически модифицированными мышами. Прогресс пока невелик – но он обнадеживает.

– «Нейролиз» – это название соединения? – спросил я.

– Это торговая марка. Мы хотели вывести средство на рынок под таким именем, – ответил Бухолд. – Настоящее химическое название – длиной в сто двадцать букв. Последняя версия препарата, над которой работал Карл, в наших записях называлась LPNX-211.

– И у доктора Байера никогда не проявлялись признаки нравственного неприятия того, чем он занимался? – спросила Ванн.

– Разумеется, нет, – ответил Бухолд. – Хотя мы и нечасто общались, но, насколько я знаю, в жизни Карла по-настоящему интересовали только две вещи: его работа и «Нотр-Дам файтинг айриш»⁸. Он играл за нее в студенческие годы. Даже на презентациях всегда совал в доклад какой-нибудь слайд с командой. Я это терпел только потому, что он был очень хорошим работником.

– А как насчет его отношений с Джем Керни? – спросил я.

– С кем?

– С интегратором, чье тело, как мы подозреваем, Байер использовал для того, чтобы загнать машину на подземную парковку, – пояснила Ванн.

– Никогда о нем не слышал. На работе Карл всегда использовал трил, – сказал Бухолд.

– Вы когда-нибудь видели Байера интегрированным с Керни вне работы? – спросил я.

Бухолд взглянул на мужа.

– На самом деле мы вращаемся в разных социальных кругах, – сказал тот. – Я не поощряю попытки Джима слишком уж сближаться с персоналом. Лучше, если в нем видят босса, а не приятеля.

– Похоже, это можно расценивать как «нет», – резюмировала Ванн.

⁸ Команда по американскому футболу университета Нотр-Дам, штат Индиана.

– Это не потому, что он – хаден, вернее... был хаденом, – поспешно добавил Бухолд и повернулся ко мне. – Я ко всем моим работникам отношусь одинаково. В службе персонала у нас даже есть специальный сотрудник, который следит за этим.

– Я вам верю, – сказал я.

– Да, но вы же слышали, как этот сукин сын Хаббард унижал меня сегодня? – возмутился Бухолд. – У меня в штате пятнадцать научных сотрудников с синдромом Хаден. Никто бы из них там не работал, если бы они считали, будто я отношусь к ним как к недочеловекам или будто их работа как-то повредит хаденам.

Я поднял руку, чтобы привлечь его внимание:

– Мистер Бухолд, я здесь не для того, чтобы осуждать вас, и не для того, чтобы побежать к отцу и нашептать ему о вас. Прямо сейчас я расследую взрыв ваших зданий. Пока наш главный подозреваемый – один из ваших работников. Наша первоочередная задача – установить, действительно ли подрывник он и если так, то какую цель он преследовал.

Бухолд, казалось, чуть расслабился, но Ванн снова начала его прессовать:

– Доктор Байер когда-нибудь говорил о Кассандре Белл?

– За каким чертом ему было о ней говорить?

– Джим, – укорил его Уиссон.

– Нет, – покосившись на мужа, отрезал Бухолд. – Я никогда не слышал от него имени Кассандры Белл.

– А его коллеги-ученые? – не унималась Ванн.

– Да, о ней вспоминали между делом, потому что она публично выступает против наших исследований, – сказал Бухолд. – Мы всегда задавались вопросом, попытаются ли обычные протестующие вывести нас на чистую воду из-за опытов над животными, которые нам приходилось проводить, но ничего подобного не происходило, и, я думаю, никто даже не помышлял о том, что ее слова могут как-то касаться нас. Да и с какой стати?

Я посмотрел на Ванн, пытаюсь понять, что она задумала. Она кивнула мне:

– Доктор Байер оставил предсмертную запись. В ней он упомянул Кассандру Белл.

– В смысле? Она с этим как-то связана? – спросил Бухолд.

– У нас нет оснований так считать, – ответила Ванн. – Но тем не менее мы проверяем все ниточки.

– Я знал, что это случится, – сказал Бухолд.

– Что случится? – поинтересовался я.

– Насилие, – ответил Бухолд. – Рик подтвердит. Когда наши тупоголовые конгрессмены пропустили закон Абрамса—Кеттеринг, я сказал Рiku: рано или поздно начнется смута. Нельзя просто так взять пять миллионов людей, сосущих государственную сиську, выкинуть на улицу и ждать, что они покорно уберутся восвояси. – Бухолд посмотрел на меня и добавил: – Без обид.

– Я не обиделся, – солгал я, но решил не развивать тему. – Насколько теперь все отложится?

– Вы имеете в виду наши исследования?

– Да.

– На годы. В лаборатории хранились уникальные данные, которых больше нигде нет.

– Вы не делаете резервного копирования? – спросила Ванн.

– Разумеется, делаем, – ответил Бухолд.

– Но вы можете загрузить копии из ваших сетей?

– Вы не понимаете, – сказал Бухолд. – Мы никогда не выкладываем ничего по-настоящему стратегически важного в сеть. Как только мы бы сделали это, нас бы сразу взломали. Однажды мы загрузили на подставные серверы закодированные фотографии, мать их, котов и не сообщали никому о том, что загрузили. Не прошло и четырех часов, как их хакнули ребята

из Китая и Сирии. Нужно быть идиотами, чтобы помещать конфиденциальные данные на публичные серверы.

– То есть все ваши данные хранились локально, – подытожил я.

– Да, локально, и копии на внутренних серверах, – подтвердил Бухолд.

– А бумажные архивы? – спросила Ванн.

– Конечно были, хранились в помещении с ограниченным доступом в лабораторном корпусе.

– Значит, и они, и сетевой архив взлетели на воздух вместе со зданием, – заключила Ванн и красноречиво посмотрела на меня, мол, бывает же такое разгильдяйство.

– Все так, – кивнул Бухолд. – Возможно, кое-что удастся собрать из недавней электронной почты и данных с компьютеров в офисном здании, если, конечно, они пережили взрыв и усилия пожарных. Но не стоит обманывать себя надеждой. Годы исследований – насмарку. Разлетелись в пыль.

– Глядите-ка, полночь, – сообщил я, когда мы с Ванн ехали к моему дому. – Мой первый настоящий рабочий день закончился.

Ванн улыбнулась, отчего сигарета у нее во рту подпрыгнула.

– Уж поверьте моему опыту, – сказала она, – для первого дня это было многовато.

– Жду не дождусь второго.

– Сомневаюсь, – выдохнув дым, изрекла Ванн.

– Вы же знаете, что это дерьмо прикончит вас, – буркнул я. – Я имею в виду курение.

Вот почему никто теперь больше не курит.

– У меня есть причина.

– В самом деле? И какая же?

– Давайте сохраним некоторую тайну в наших отношениях, – предложила Ванн.

– Как вам угодно, – попытавшись изобразить усталое равнодушие, сказал я.

Ванн снова улыбнулась. Еще одно очко в мою пользу.

Загудел мой телефон. Звонил Тони.

– Вот черт, – выругался я.

– В чем дело?

– Я должен был сегодня встретиться с возможными новыми соседями.

– Хотите, чтобы я написала для вас объяснительную?

– Остроумно. Пойдите-ка. – я открыл канал и ответил встроенным голосом: – Привет, Тони.

– Мы надеялись, ты заскочишь сегодня, – сказал он.

– Ну да, я тоже надеялся... – начал я.

– Но потом я узнал о взрыве «Лаудон фарма», – перебил меня Тони, – и мы все подумали, что это какой-то террористический заговор или вроде того, вот я и сказал себе: наверное, Крис вечером будет слегка занят.

– Спасибо за понимание, – буркнул я.

– Похоже, денек у тебя выдался драйвовый.

– Ты даже не представляешь себе насколько.

– Ну, тогда позволь мне закончить его хорошей новостью, – объявил Тони. – Наша банда заочно рассмотрела твоё дело и вынесла вердикт: достоин стать нашим соседом и обрекается на лучшую комнату в доме. Да смилуется господь над твоей душой.

– Это здорово, Тони! Честное слово, отлично. Я очень благодарен.

– Приятно слышать. А остальные поблагодарят тебя, если будешь вносить плату за жилье вовремя, чтобы нас не вышибли на улицу, тогда мы квиты. Посылаю тебе код на вход. Когда

воспользуешься им в первый раз, смени, чтобы никто не узнал. У меня есть на тебя вся инфа, так что можешь заезжать в любое время.

– Скорее всего, завтра, – сказал я. – Сейчас я уже почти доехал до родителей. Завалюсь у них на ночь.

– Тоже неплохо, – одобрил мой выбор Тони. – Отдыхай. А то голос у тебя уж больно усталый. Спокойной ночи!

– И тебе, – пожелал я и переключился на наружный голос. – У меня есть жилье.

– Ну и хорошо, – сказала Ванн.

– На самом деле это всего лишь комната в идейной общине.

– Странно, вы не похожи на хиппи.

– Буду над этим работать, – пообещал я.

– Пожалуйста, не надо, – попросила Ванн.

Глава 9

На следующее утро с половины шестого все вашингтонские дороги оказались перекрытыми. Больше сотни хаденов-дальнобойщиков собрались на федеральной окружной дороге вокруг города, двигаясь со скоростью двадцать пять миль в час и разместив свои грузовики таким геометрическим узором, чтобы максимально мешать проезду беспилотных автомобилей. Жители пригородов, придя в ярость оттого, что окружная забита больше, чем обычно, перешли на ручное управление и пытались объехать преграду, что, само собой, только усложнило дело. К семи движение полностью встало.

А потом, для пушнего веселья, грузовики с хаденами перекрыли 66-е шоссе и платную дорогу в Виргинию.

– Опаздываете на третий день работы, – сказала Ванн, когда я вошел в офис.

Она сидела за своим столом и махнула рукой на соседний, вероятно показывая мне мое место.

– Сегодня все опаздывают, – заметил я. – А я чем отличаюсь от всех?

– Кстати, а как вы вообще умудрились добраться из Потомак-Фоллс? – спросила она. – Только не говорите, что позаимствовали у папы вертолет. Это было бы феерично.

– Вообще-то, у папы действительно есть вертолет, – сказал я. – Вернее, у его компании. Но ему запрещено приземляться в нашем районе. Так что – нет. Меня высадили возле станции метро в Стерлинге, там я сел на поезд и доехал.

– И как оно было?

– Неприятно. Толпы, давка, много злобных взглядов. Как будто это я виноват в пробках. Меня так и подмывало сказать: люди, если бы это была моя вина, я бы не ехал сейчас с вами в этом чертовом поезде, а я еду.

– Да, похоже, неделя будет длинной, – заметила Ванн.

– Если протест не выбешивает людей, он неэффективен.

– Я не говорила, что он неэффективен. Я даже не говорила, что целиком его не одобряю. Я сказала только то, что сказала: неделя будет длинной. Ладно, проехали. У криминалистов для нас новости.

– Что за новости? – спросил я.

– О нашем мертвце. Теперь мы знаем, кто он. И заодно кое-что еще.

– Прежде всего, – объявил Рамон Диас, – позвольте представить: Джон Сани, отныне больше не таинственный неизвестный.

Мы снова находились в визуализационной аппаратной и смотрели на очень сильно увеличенное подобие Сани, лежащее на столе в морге. Медэксперты предпочитали показывать оперативникам свою работу именно в таком виде – и гигиеничнее, и беспокойства меньше. Модель, выведенную сейчас Диасом на экран, можно было поворачивать и так и эдак, чтобы рассмотреть любую часть тела, которую эксперты сканировали или вскрыли. И никаких новых порезов – только давешняя рана на шее.

– Значит, навахо все-таки ответили, – заключила Ванн.

– Точно, – кивнул Диас. – Похоже, отправили данные примерно около полуночи по своему времени.

– Кто он? – спросил я.

– Насколько можно понять из переданной информации, практически никто, – ответил Диас. – В девятнадцать лет был осужден за пьяный дебош. Срока не получил – только общественные работы. Еще прислали свидетельство о рождении, страховку, выписки из медкарты, ведомости об успеваемости из средней школы до десятого класса.

– И как с оценками? – спросила Ванн.

– Тот факт, что он доучился только до десятого класса, говорит сам за себя.

– Ни водительских прав, ни других удостоверений личности? – спросил я.

– Нет, – сказал Диас.

– Что еще? – спросила Ванн.

– Ему был тридцать один год, здоровье так себе – изменение печени, больное сердце, начальные признаки диабета, что не слишком удивительно для человека с индейскими генами. Не хватает нескольких коренных зубов. Да, и рана на шее признана самонанесенной. Он порезал себя сам тем осколком бутылки, который вы нашли.

– Это все? – спросил я.

– Нет, – улыбнулся Диас, – не все. Есть еще кое-что, как мне кажется, для вас особенно интересное.

– Диас, хватит нагнетать, – посоветовала Ванн. – Показывай.

– Медики сделали рентгенограмму его черепа перед тем, как извлечь мозг, – сообщил Диас и вывел трехмерный скан на голову Сани. – Скажите, что вы видите.

– Святые угодники, – потрясенно выговорил я.

– Ну надо же, – после секундной паузы сказала Ванн.

На рентгенограмме виднелась сеть тянувшихся через весь мозг тонких завитков и спиралек, которые сходились в пяти узлах, радиально распределяясь по всей внутренней поверхности черепа; причем сами узлы соединялись между собой сложной сеткой связей.

Иными словами, это была искусственная нейронная сеть, предназначенная для сбора и передачи информации от мозга, показанная в мельчайших деталях. Подобные схемы имели только две категории людей. Я принадлежал к одной из них, Ванн – ко второй.

– Этот чувак – интегратор, – заключил я.

– Что известно о его мозговой структуре? – спросила Ванн у Диаса.

– Из отчета экспертов следует, что она соответствует тому, что мы наблюдаем у больных синдромом Хаден. Это подтверждается записями в его медицинской карте, где сказано, что в детстве он перенес менингит, который мог быть следствием вируса. Структура его мозга вполне может означать, что он интегратор.

– Шейн, – не отрывая взгляда от рентгенограммы, произнесла Ванн.

– Да?

– Что тут не так?

Я подумал с минуту, после чего наконец выдал:

– Этот парень не смог окончить среднюю школу.

– И что с того? – спросила Ванн.

– А то, что на интеграторов учат уже после университета. Им можно стать, только получив подходящую степень бакалавра, например по психологии. Вот вы какой курс окончили?

– Биологии. В Американском университете⁹.

– Именно, – сказал я. – Вдобавок, чтобы тебя допустили в программу, нужно пройти кучу психологических и всяких других тестов. Это одна из причин, почему интеграторов так мало.

– Да, – поддакнула Ванн.

– А еще это дорого. Сам курс обучения.

– Не для того, кто учится. Все расходы покрывают НИЗ¹⁰.

– Наверное, там очень разозлились на вас, когда вы ушли, – предположил я.

– Свои деньги от меня они получили с лихвой. Давайте вернемся к нашей теме.

⁹ Частный гуманитарный университет в Вашингтоне.

¹⁰ Национальные институты здоровья – правительственное учреждение США, отвечающее за исследования в области здравоохранения и биомедицины; состоит из нескольких институтов.

– Хорошо. Значит, мы имеем вопрос: как парень, не окончивший среднюю школу, никак не засветившийся нигде за пределами Нации навахо и, стало быть, не прошедший курс подготовки интеграторов, смог обзавестись всеми этими проводами в голове? – я показал на рентгенограмму.

– Хороший вопрос, – похвалила Ванн. – Но не единственный. Что еще не так в нашей картине мира?

– А что в ней так?

– Я имела в виду конкретные детали.

– Зачем интегратору интегрироваться с другим интегратором?

– А точнее? – сказала Ванн.

– Я не знаю, как сформулировать еще точнее.

– Зачем интегратору интегрироваться с другим интегратором и приносить для этого гарнитуру?

Пару секунд я бессмысленно пялился на нее. Затем до меня дошло.

– Точно, мать его, гарнитура!

– Именно, – заключила Ванн.

– Чуть не забыл, – сообщил мне Диас, – я залез в ту гарнитуру, как вы просили, чтобы поискать какую-нибудь полезную информацию на микросхемах процессора.

– И как? Нашли?

– Нет. В гарнитуре вообще не было микросхем.

– Если там нет микросхем, значит она не работает, – сказал я. – Это фальшивая гарнитура.

– Вот и я так решил, – подтвердил Диас.

Я повернулся к Ванн:

– Слушайте, какого черта здесь вообще происходит?

– В каком смысле? – спросила она.

– В том смысле, что происходит черт-те что. У нас два интегратора, один из которых никак не может быть интегратором, и фальшивая гарнитура. Бессмыслица.

– Отпечатки пальцев на гарнитуре обнаружили? – спросила Ванн у Диаса.

– Да. Они принадлежат Сани – не Беллу, – ответил тот.

– Получается, принес ее Сани. – Ванн снова посмотрела на меня. – И что из этого следует?

– Может, Белл не знал, что Сани – интегратор? – сказал я. – А Сани не хотел, чтобы он узнал.

– Правильно, – похвалила Ванн.

– Да, но остается вопрос: зачем? – спросил я. – Какой смысл Сани было убеждать Белла в том, что он просто «турист»? Тем более что с поддельной гарнитурой он бы даже не смог притвориться «туристом». Если только нет другого способа соединения одного интегратора с другим, о котором я не знаю.

– Нет такого способа, – сказала Ванн. – Если попытаться поместить одного интегратора в голову другого, возникает что-то типа нейронной петли обратной связи. Так можно зажарить мозги обоим.

– Как в «Сканнерах»?¹¹

– В чем?

– Это старое кино. Про типов с психокинезом, – ответил я. – Они умели взрывать людям головы.

– Ну, снаружи это не столь драматично, – улыбнулась Ванн. – Но внутри едва ли приятно. И так или иначе, это блокируется на сетевом уровне.

¹¹ Фильм ужасов режиссера Дэвида Кроненберга.

– То есть никакой связи, – сказал я. – Плюс самоубийство во всей красе.

Ванн промолчала, потом спросила после небольшой паузы:

– Сколько сейчас времени в Аризоне?

– У нас разница в два часа, значит там примерно полдевятого. Наверное. Они ведь в Аризоне мудрят с часовыми зонами.

– Вы должны сегодня же отправиться туда и кое с кем переговорить, – объявила Ванн.

– Я?

– Да, вы. Вы можете попасть туда за десять секунд, к тому же бесплатно.

– А ничего, что у меня там не будет тела?

– Вы не единственный хаден в штате ФБР, – напомнила Ванн. – Бюро держит запасные трилы во всех главных местных управлениях. Один припасен для вас в Финиксе. Он, конечно, не такой... изысканный, – она показала на мой трил, – но для дела сгодится.

– Навахо собираются сотрудничать с нами? – спросил я.

– Если мы скажем, что пытаемся расследовать смерть одного из них, может, и соберутся, – сказала Ванн. – У меня в управлении в Финиксе приятель работает. Я узнаю, сможет ли он чем-нибудь помочь. Давайте отправим вас туда часиков в десять по их времени.

– А нельзя мне просто позвонить?

– Вам нужно рассказать родным, что их сын или отец мертв, а потом задать кучу личных вопросов. Так что нет. Просто позвонить не получится.

– Это будет моя первая поездка в Аризону, – сообщил я.

– Надеюсь, вы любите жару, – сказала Ванн.

В десять ноль-пять я обнаружил себя стоящим перед каким-то лысым в местном управлении ФБР в Финиксе.

– Агент Бересфорд? – спросил я.

– Черт, жуть какая, – буркнул тот. – Этот трил три года стоял в углу без движения, и тут – на тебе. Будто статуя ожила.

– Сюрприз! – радостно объявил я.

– Я хотел сказать, мы на него шляпы вешали.

– Простите, что лишил вас офисной мебели.

– Только на один день. Агент Шейн?

– Так точно.

– Тони Бересфорд. – Он протянул руку, и я пожал ее. – Пользуясь случаем, хочу сказать, что никогда не прощу вашего отца за разгромную победу над «Санз» в Финале четырех.

– Ах, вы об этом, – протянул я – он говорил о папином втором кубке НБА. – Если мои слова вас утешат, то отец всегда говорил, что та серия была более напряженной, чем обычно.

– Очень мило с его стороны так врать, – вздохнул Бересфорд. – Пойдемте, познакомлю вас с Клахом.

Я попытался шагнуть – и не смог.

– Господи! – Ноги ни в какую не хотели идти.

– Что случилось? – Бересфорд остановился и повернулся ко мне.

– Вы не шутили, когда сказали, что эта штука не двигалась. Думаю, в нем что-то прожавело.

– Если вы подождете, я принесу вам банку смазки, – предложил Бересфорд.

– Хорошо. Только дайте секундочку. – Я запустил диагностическую систему трила. – Капец, это же «Метро курьер».

– Это плохо?

– «Метро курьер» для трилов – все равно что «форд-пинто»¹².

– Если хотите, мы могли бы арендовать для вас трил, – сказал Бересфорд. – Кажется, у «Энтерпрайзис» должно быть несколько в аэропорту. Только это займет уйму времени. Одни формуляры придется до конца дня заполнять.

– Ладно, обойдусь. – Диагностика показала, что трил исправен, что, в свою очередь, могло означать неисправность диагностики. – Попробую расходиться.

– Тогда идем. – Бересфорд отвернулся и пошел вперед, я заковылял следом.

– Агент Крис Шейн, офицер Клах Редхаус, – представил меня Бересфорд молодому человеку в форме, когда мы зашли в приемную. – Учился в Университете Северной Аризоны вместе с моим сыном. Вам повезло, что Клах приехал в Финикс по делам племени, а то пришлось бы топтать пешком до Уиндоу-Рок, а это двести восемьдесят пять миль.

– Очень приятно, – сказал я и протянул руку.

Редхаус пожал ее и улыбнулся.

– Нечасто знакомлюсь с хаденами, – сказал он, – а уж агента ФБР из ваших вообще первый раз встречаю.

– Все когда-то бывает в первый раз, – глубокомысленно промолвил я.

– Вы хромаете?

– Детская травма, – сообщил я и добавил через секунду: – Это шутка.

– Я понял. Идемте, машина припаркована снаружи.

– Один момент, – сказал я и обратился к Бересфорду: – Возможно, мне этот трил понадобится на некоторое время.

– У нас он только пыль собирает, – сказал тот.

– Значит, ничего, если я оставлю его в Уиндоу-Рок ненадолго?

– Это как там народ решит, – заметил Бересфорд. – Наша официальная политика – уважать их суверенитет, поэтому, если они захотят, чтобы вы убрались, когда закончите дела, направляйтесь в наше управление во Флагстаффе. Я предупрежу их, что вы можете там появиться. Или закажите номер в отеле. Может, кто-нибудь сдаст вам чулан с розеткой.

– А что, есть проблемы? – спросил я. – Я не слишком сведущ в нюансах отношений между ФБР и навахо.

– Пока никаких проблем нет, – заверил Бересфорд. – В последнее время мы прекрасно сотрудничали, к тому же вас отвезет Клах, значит с вами тоже проблем нет. А вот насчет остального – кто знает. Лет двадцать назад правительство Соединенных Штатов дало навахо и многим другим коренным американским народам почти полную автономию, когда урезало Бюро по делам индейцев и Индейскую службу здравоохранения. Зато теперь у нас есть оправдание, чтобы игнорировать их самих и их проблемы.

– Вот как, – выговорил я.

– Черт, Шейн, у вас-то точно есть повод сопереживать им, – сказал Бересфорд. – Наше правительство только что перекрыло кислород хаденам, не так ли? Выходит, вы теперь почти как навахо.

– Я не совсем уверен, что такое сравнение всем понравится, – дипломатично заметил я.

– Разумно, – согласился Бересфорд. – Навахо на две сотни лет раньше попали в категорию «нас трахнуло правительство США». Им может не понравиться сравнение с новичками, только что запрыгнувшими в этот вагон. Зато теперь вы, вероятно, понимаете, отчего некоторые из них могут не очень хорошо отнестись к федеральному агенту с его расспросами. Поэтому будьте вежливы, уважительны и, если вам скажут уходить, – уходите.

– Понял.

– Отлично. А теперь идите. Клах – хороший парень. Не стоит заставлять его ждать.

¹² Малолитражный автомобиль с очень плохой репутацией.

Глава 10

Поездка до Уиндоу-Рок заняла четыре с половиной часа. Мы с Редхаусом то болтали на безобидные темы, то подолгу молчали. С явным интересом слушая мои истории о путешествиях с отцом по всему миру, он заметил, что сам путешествовал гораздо меньше и не так далеко.

– Я и побывал-то всего в четырех штатах, с которыми граничит Нация навахо, – сказал он. – И надолго ее покидал, только когда учился в колледже во Флагстаффе. А так почти все время здесь.

– А вы хотели поехать куда-нибудь?

– Конечно. В детстве все только и мечтают уехать из дома.

– Почти уверен, что так и есть, – поддакнул я.

– Я-то знаю, – улыбнулся Редхаус. – Но сейчас мне уже не хочется этого так сильно. Я стал старше, сильнее полюбил свою семью. У меня невеста. И работа.

– Вы всегда хотели быть полицейским?

– Нет, – ответил он и снова улыбнулся. – В колледже я учился на программиста.

– Какой неожиданный поворот.

– Незадолго до того, как я собрался в колледж, наш местный совет решил вложить деньги в огромный серверный комплекс рядом с Уиндоу-Рок. Он должен был обслуживать навахо и другие индейские народы, а также использоваться правительствами соседних штатов и даже федеральным правительством для обработки и хранения несекретной информации. Он бы обеспечил работой сотни навахо и принес в Уиндоу-Рок миллионы долларов. Солнечная энергетика и нулевые выбросы. Поэтому в колледже я решил учиться на программиста, чтобы получить работу дома. На сайте «Флагстафф ньюс» даже появилась статья обо мне и моих однокурсниках по Университету Северной Аризоны. Там нас назвали «силиконовые навахо», хотя мне лично это не очень понравилось.

– И что произошло?

– Мы построили комплекс, но никаких контрактов ни от штата, ни от правительства так и не поступило. Нам рассказали про урезание бюджета, реорганизацию и расстановку приоритетов, про новых губернаторов и грядущих президентов. И вот теперь у нас ультрасовременный центр, построенный по последнему слову науки, который используется на три процента. А на три процента много персонала не надо. Поэтому я пошел в академию и стал полицейским.

– Мне жаль, что так обернулось, – сказал я.

– На самом деле все неплохо. В нашей семье до меня уже были полицейские, так что, можно сказать, это теперь наша традиция. К тому же я делаю что-то хорошее, а это немало. Но если бы я знал, что мой диплом окажется бесполезным, я бы не брал столько лекций с восьми утра. А вы всегда хотели стать агентом ФБР?

– Я хотел стать экспертом-криминалистом, но, увы, диплом у меня по английской филологии.

– Ясно, – сказал Редхаус. – В общем, мы увидим серверный комплекс, когда будем подъезжать. Посмотрите, как выглядит живую упущенная возможность.

Часом позже, на южной окраине Уиндоу-Рок, мы поехали вдоль большого, ничем не примечательного здания, с трех сторон окруженного солнечными батареями.

– Это оно? – предположил я.

– Точно. Одно хорошо – нам не надо столько солнечной энергии, сколько у нас есть, поэтому мы продаем ее в Аризону и Нью-Мексико.

– Хоть какая-то прибыль.

– Я бы не назвал это прибылью, – сказал Редхаус. – Просто наши компьютеры высасывают из нас деньги медленнее. Моя мама работает в Совете. Она говорит, что это продлится еще пару лет, не больше.

– А что будет со зданием?

– Это, как говорится, большой вопрос, агент Шейн. – Редхаус выпрямился, нажал кнопку на приборной доске и перешел на ручное управление. – Теперь давайте зарегистрируем вас в участке, а потом сможете встретиться с семьей Джонни Сани. Наверное, мой капитан захочет, чтобы вас сопровождал полицейский. Это вам не мешает?

– Вряд ли.

– Вот и хорошо, – кивнул Редхаус.

– Сопровождать будете вы?

– Возможно. – И он снова улыбнулся.

Семья Сани жила в ухоженном сдвоенном трейлере среди довольно-таки запущенного трейлерного парка на окраине Сомилла. Семья состояла из бабушки и сестры. Обе сидели на тахте и молча смотрели на меня.

– С чего ему убивать себя? – спросила меня его сестра Джейнис.

– Не знаю, – ответил я. – Я надеялся, вы поможете мне это понять.

– Как он это сделал? – спросила бабушка Май.

– Шимасани, может, тебе не стоит слышать про это? – сказала Джейнис.

– Стоит, – с усилием выговорила Май.

Я посмотрел на Редхауса. Он стоял рядом со стулом, где сидел я, и держал в руках предложенный ему стакан чая. Мне тоже предложили чай. Мой стакан стоял на столе между мной и родственниками Сани.

Редхаус кивнул мне.

– Он перерезал себе горло, – сказал я.

Май сверкнула на меня злобным взглядом, но промолчала. Джейнис держала бабушку за руку и смотрела на меня совершенно безучастно. Я выждал пару минут и заговорил:

– Из нашей картотеки следует... в общем, если честно, у нас вообще нет никаких данных на Джона.

– Джонни, – поправила Джейнис.

– Простите. Все данные на Джонни, которые мы имеем, пришли отсюда, из Нации навахо. Поэтому наш первый вопрос: почему так случилось?

– До прошлого года Джонни никогда не уезжал отсюда, – сказала Джейнис.

– Ясно, – ответил я. – И все-таки почему?

– Джонни был немного заторможенный, – сказала Джейнис. – В тринадцать лет мы отвели его к доктору. Тот сказал, что у Джонни ай-кью семьдесят девять или восемьдесят. Чтобы что-то понять, Джонни требовалось очень много усилий и времени. Мы оставляли его в школе сколько могли, чтобы он мог общаться с друзьями, но он не успевал за остальными, потом совсем перестал туда ходить, а мы не принуждали.

– Он не всегда был таким, – поправила Май. – Малышом он был очень смышленным. Но в пять лет заболел. И потом уже не был прежним.

– У него был синдром клетки?

– Нет! – воскликнула Май. – Он не был калекой. – Она замолчала, видимо осознав свою оплошность. – Простите.

Я поднял руку:

– Ничего страшного, все в порядке. Иногда люди заражаются синдромом Хаден, но не становятся запертыми. Хотя вирус все-таки может навредить. Вы сказали, он заболел. Как это проявлялось? У него был жар? А потом начался менингит?

– У него мозг раздулся, – сказала Май.

– Значит, менингит. Мы просканировали его мозг после его гибели, и выяснилось, что структура мозга такая же, как у хаденов. Но мы обнаружили и кое-что еще. В его голове оказалось то, что мы называем нейронной сетью.

Джейнис с недоумением посмотрела на Редхауса.

– Это такая аппаратура, – пояснил тот. – Позволяет отправлять и получать информацию.

– В моей голове дома она тоже есть, – сказал я и постучал по виску своего трила. – Это позволяет мне управлять этой аппаратурой отсюда, чтобы я мог находиться здесь, с вами.

Май и Джейнис казались сбитыми с толку.

– Но у Джонни ничего такого в голове не было, – наконец произнесла Май.

– Простите, если я бестактен, но вы совершенно в этом уверены? – спросил я. – Нейронную сеть нельзя поместить в голову случайно. Она вставляется специально для приема и передачи сигналов мозга.

– Он жил со мной всю жизнь, – сказала Май. – Он жил тут с его матерью и Джейнис, потом его мать умерла, и я заботилась о нем. Тут с ним такого не могло случиться.

– Значит, ее установили после того, как Джонни уехал, – заключил Редхаус.

– Кстати, – заметил я, – а почему Джонни вдруг решил уехать, если раньше никогда не покидал Нации навахо?

– Он нашел работу, – ответила Джейнис.

– Какую?

– Он говорил, что помощника-референта.

– У кого?

– Я не знаю.

– Джонни подговорил одного друга, чтобы тот отвел его в этот новый компьютерный дом в Уиндоу-Рок, – сказала Май. – Он слышал, что им там нужен уборщик, а это он умел делать. Он очень хотел помогать мне. Пошел туда и спросил про работу, а потом на следующий день ему велели снова прийти. И когда он вернулся в тот вечер, то дал мне тысячу долларов и сказал, мол, это половина его первой зарплаты на новой работе.

– На месте уборщика? – уточнил Редхаус.

– Нет, на другом, – поправила Май. – Он сказал, что, когда пришел туда, его спросили, не хочет ли он другую работу, где больше платят и можно путешествовать. Все, что нужно делать, – это выполнять разные поручения своего начальника. Он сказал, это что-то вроде старшего слуги.

– Значит, он уехал, – резюмировал я. – И что потом?

– Каждую неделю мы получали от Джонни перевод, – сказала Май, – и он иногда звонил. Он просил меня переехать в какое-нибудь хорошее место и купить новые вещи, вот мы сюда и перебрались. А несколько месяцев назад он вдруг перестал звонить, но деньги исправно приходили, поэтому я не слишком беспокоилась.

– Когда был последний перевод?

– Два дня назад, – ответила Джейнис. – Я забираю бабушкину почту.

– Вы не против, если я взгляну на него?

Женщины замялись.

– Агент Шейн не собирается использовать его как улику, – пояснил Редхаус. – Просто на нем может быть что-то важное.

Джейнис встала и пошла за переводом.

– Джонни когда-нибудь говорил, на кого работает? – спросил я у Май.

– Он сказал, что его босс не любит огласки, – ответила Май. – Я не хотела, чтобы мальчик потерял работу, поэтому не расспрашивала.

– Ему нравилось то, что он делал? – спросил я; в этот момент подошла Джейнис и протянула мне перевод; я быстро просканировал его с одной стороны, потом с другой и вернул ей с благодарностью.

– Вроде бы нравилось, – сказала Май. – Он никогда не говорил о работе ничего плохого.

– Он так обрадовался возможности путешествовать, – снова усаживаясь, сообщила Джейнис. – В первую пару звонков говорил, что побывал в Калифорнии и Вашингтоне.

– В штате Вашингтон или в столице? – уточнил Редхаус.

– В столице, кажется, – сказала Джейнис.

– Но потом Джонни сказал, что босс не хочет, чтобы он рассказывал, где был, и больше он ничего про это не говорил, – добавила Май.

– Когда он звонил последний раз, он сказал что-нибудь необычное? Ничего не показалось вам странным? – спросил я.

– Нет, – покачала головой Май. – Сказал, что неважно себя чувствует... нет. Сказал, его кое-что беспокоит.

– Беспокоит? Что?

– Какое-то испытание? – предположила Май. – Ему надо было что-то сделать, поэтому он нервничал. Точно не помню.

– Ничего страшного, – поспешил успокоить я.

– Когда мы его увидим? – спросила Джейнис. – То есть я хотела сказать, когда его привезут домой?

– Не знаю, но могу уточнить, – предложил я.

– Его нужно похоронить здесь, – сказала Май.

– Я сделаю все, что в моих силах, обещаю, – заверил я.

Женщины безучастно посмотрели на меня.

– Они довольно спокойно восприняли новость, – заметил я, когда мы с Редхаусом вышли из трейлера и направились к машине.

– Некоторые из нас стараются сильно не выражать своих чувств перед лицом смерти, – сказал он. – Считается, что, если продолжать горевать, дух умершего может не освободиться и не уйти дальше.

– Вы в это верите?

– Не важно, верю я или нет, – ответил Редхаус.

– Справедливо, – согласился я.

– На переводе что-нибудь удалось найти?

– Серийный номер и код отправителя. Хотите узнать их?

– Я бы не возражал. Только вот сомневаюсь, понравится ли ФБР то, что вы делитесь информацией.

– Думаю, моя напарница сказала бы, что поделиться информацией с местной полицией – это наш долг вежливости, если только у тебя нет неприязни к данному конкретному копу.

– Интересная у вас напарница, – заметил Клах.

– Что правда, то правда, – подтвердил я, садясь в машину. – Поехали к серверному парку.

– Джонни Сани, – задумчиво проговорил Лорен Бегэй, глава службы персонала Вычислительного центра Уиндоу-Рок и по совместительству глава нескольких других отделов, включая отделы продаж и санитарно-технический. – как уже уведомил Редхаус, штат в ВЦУР был сокращен до минимума. – Мы вместе ходили в школу. Какое-то время.

– Меня интересует нечто более приближенное по времени, – напомнил я. – От его семьи мы узнали, что в прошлом году он пытался устроиться сюда на работу.

– Да. Мне пришлось уволить одного уборщика за сон на работе. Нужен был кто-то на ночные смены. Джонни претендовал на это место, а с ним еще шестьдесят человек. Я взял сестру уволенного.

– Родные Джонни Сани утверждают, будто вы вызвали его на следующий день и предложили другую работу, – сказал Редхаус.

– Я не вызывал его, – ответил Бегэй.

– В самом деле? – усомнился я.

– С какой стати мне было его звать? Он же страшный тугодум. Даже заявление о приеме едва смог заполнить.

– Чтобы махать метлой, не нужно быть образованным, – заметил Редхаус.

– Согласен, но если у человека не все дома, для этого места он не подходит. Пусть мы работаем и не в полную мощность, но клиенты у нас есть.

– А кто ваши клиенты, мистер Бегэй? – поинтересовался я.

Он посмотрел на Редхауса.

– Все в порядке, – заверил тот.

Насчет порядка Бегэй явно сомневался, но все же ответил:

– Все правительственные учреждения Нации навахо и некоторых других народов со всей страны. Кроме того, ряд частных клиентов, в основном местных бизнесменов или тех, кто ведет бизнес здесь. Самый крупный из них – «Медикорд».

– Что за «Медикорд»? – спросил я.

– Компания по предоставлению медицинских услуг, – сказал Бегэй. – Ее наняли, чтобы обеспечивать медицинское обслуживание на нашей территории. Они работают здесь уже шесть или семь лет.

– Я помню, как они пришли, – сказал Редхаус. – За эксклюзивный контракт обещали обучить и продвигать по службе медперсонал из навахо.

– Ну и как? Обучили? – спросил я.

Редхаус пожал плечами.

– Это контролируемая правительством конфиденциальная информация, поэтому «Медикорд» держит все данные по навахо только здесь, не подключаясь к остальной своей сети, – сообщил Бегэй.

– Кто-нибудь еще мог бы использовать эти мощности? – спросил я.

– Хотелось бы. У нас есть офисные площади, и можно неплохо зарабатывать. Но – увы.

– А какая-нибудь частная компания посылает сюда своих представителей или айтишников?

– Если у компаний, с которыми мы работаем, есть IT-отдел, они едва ли нуждаются в наших услугах. Так или иначе, но они здесь не появлялись. На свои серверы с данными они могут заходить удаленно при помощи стандартного софта. Мы лишь выступаем в качестве хоста и делаем резервное копирование, на случай если их компьютерщики сотворят какую-нибудь глупость. А это бывает.

– Кто-нибудь может взломать вашу систему? – спросил я.

– Я бы ответил «нет», но вы хаден и, значит, кое-что в этом смыслите, – сказал Бегэй. – Поэтому отвечу так: все, что так или иначе связано с внешним миром, можно хакнуть. Поэтому все данные Нации навахо должны храниться на серверах, доступных только с наших компьютеров, оборудованных GPS или двухсторонней аутентификацией либо тем и другим.

– Включая данные этого самого «Медикорда»? – уточнил я.

– Да, – ответил Бегэй. – А почему вы спрашиваете про Джонни Сани?

– Он мертв, – сказал я.

– Очень жаль. Хороший был парень.

– Мне показалось, вы называли его тугодумом.

– Он и был тугодум, – сказал Бегэй. – Но это не мешало ему быть хорошим парнем.

– По ходу, дерьма все прибывает, – заметила Ванн.

В Вашингтоне было половина восьмого, и, судя по заглушающему ее слова шуму, Ванн опять торчала в баре и, как в прошлый вечер, пыталась склеить кого-нибудь на ночь. Я же сидел за ничейным столом в полицейском участке Уиндоу-Рок и разговаривал с ней внутренним голосом.

– На данный момент у нас два решения на выбор, – сообщил я. – Либо нам придется поверить в то, что парень, не способный получить даже место подметальщика, на самом деле гений-интегратор, как-то заманивший Николаса Белла в номер отеля, притворившись любопытным «туристом» в поисках трила, либо в то, что некие злоумышленники обманом выманили этого несчастного сукина сына из дома, имплантировали ему в голову нейронную сеть, а потом убедили выполнять их план, в который каким-то образом замешан Белл.

– А еще заставили совершить самоубийство, – напомнила Ванн. – Не забывайте об этом.

– Как я могу забыть? Я же сегодня говорил с его семьей.

– Ладно, теперь о приятном: я уговорила одного судью дать нам ордер на досье Белла и Керни, – похвасталась Ванн.

– И?

– Досье Белла не открыло ничего, чего бы мы и так уже не знали. Он только что, а точнее, прямо сегодня подписал долгосрочный контракт с Лукасом Хаббардом. Когда он не связан с Хаббардом, он всегда нарасхват в кругу обеспеченных хаденов. И плюс ко всему время от времени он выполняет сдельную работу для НИЗ, как почти все другие интеграторы. Правда, только до следующего понедельника, когда закон Абрамса—Кеттеринг вступит в силу и похоронит эту маленькую программу.

– А что насчет Керни?

– У него тоже есть долгосрочный контракт, и не с кем иным, как с Самуэлем Шварцем, главным юрисконсультom «Акселеранта».

– Это проясняет вчерашний вечер, – заметил я.

– Не поняла.

– Хаббард и Шварц вчера были на небольшом званом приеме у моего отца. Хаббард – в шкуре Белла, а Шварц – в какой-то женщине-интеграторе. Сказал, что его обычный интегратор получил предварительный заказ.

– Ага – взорвать «Лаудон фарма», – хмыкнула Белл. – Что за женщина-интегратор?

– Не знаю. Вы же понимаете, что спрашивать о таком невежливо.

– Пройдитесь по спискам вашингтонских интеграторов и найдите ее.

– Значит, Белл с Хаббардом и Керни со Шварцем, – проговорил я.

– И что с того?

– Не странное ли совпадение?

– В чем? В том, что два интегратора, вовлеченные в какую-то загадочную хрень, работают на двух самых влиятельных людей одной и той же корпорации?

– Именно, – подтвердил я.

– Честно? – спросила она. – Странное. Вот только есть один нюанс. Во всем мире работает десять тысяч интеграторов. Тысячи две – в США. Так что вряд ли многие из них пересекаются. На весь Вашингтон их, наверное, человек двадцать, в то время как хаденов не меньше ста тысяч, потому что хадены стремятся в крупные города, где можно заработать. Получается, один интегратор на пять тысяч хаденов. Вас ждет еще много подобных совпадений.

– Возможно, – сказал я.

– Непременно, – поправила Ванн. – Если вы хотите найти связь, то нужно больше информации.

- Хорошо, вот вам еще одна зацепка, – не сдавался я. – «Медикорд».
- Это еще что?
- Компания по оказанию медицинской помощи и услуг в сфере здравоохранения. Имеет контракты здесь, в Нации навахо.
- Понятно, – сказала Ванн. – И что с того?
- «Медикорд» – это часть «Фор корнерс блю кросс». Угадайте, кому принадлежит «Фор корнерс».
- Если вы скажете «Акселеранту», то сделаете меня несчастной, – предупредила Ванн.
- Выпейте еще стаканчик, – посоветовал я.
- Я себя контролирую, – заверила она. – Хочу еще что-то почувствовать ближе к ночи.
- Слишком уж много ниточек ведет к Хаббарду, Шварцу и «Акселеранту». Слишком много совпадений у нас нагромодилось. Представляете, Шварц вдобавок еще и адвокат Белла.
- Хорошо, но позвольте повторить это снова: если вы хотите предположить, что Шварц как-то замешан во взрыве «Лаудон фарма», одного контракта с интегратором для этого недостаточно. И вы забываете о том, что во время теракта Шварц был на приеме с одним из самых знаменитых людей на этой планете, а еще с неким агентом ФБР. И если этого агента притащить в суд, то он волей-неволей признает, что видел Шварца именно там. Шейн, вы – алиби Шварца.
- Что да, то да, – согласился я.
- Плюс к тому Байер действительно был клиентом Керни. Байер нанимал его трижды за последние два года. Это доказательство личной связи.
- Да, не все мои идеи блестящи, – признал я.
- Шейн, по-моему, вам надо отдохнуть, – посоветовала Ванн. – Вы и так сделали уйму всего за сегодняшний день. Когда вы возвращаетесь?
- Уже заканчиваю. Полиция Уиндоу-Рок разрешила мне припарковать здесь мой одолженный трил на пару дней на случай, если надо будет вернуться. А когда все улажу, хочу еще попытаться заглянуть в тот дом, где недавно снял комнату.
- Далась вам она, – проворчала Ванн. – Ладно, валяйте. Спокойной ночи, Шейн.
- Погодите, – попросил я.
- Разговор с вами ломает план моих вечерних развлечений, – предупредила Ванн.
- Джонни Сани.
- И что?
- Семья хочет, чтобы им вернули тело.
- Когда мы закончим с ним, пусть забирают. ФБР с ними свяжется и уточнит детали пересылки.
- Не думаю, что у бабушки и сестры Сани есть деньги на пересылку, – сказал я.
- Даже не знаю, что вам на это ответить, Шейн.
- Хорошо, я им сообщу. – Я отключился и снова перешел на внешний голос, обратившись к Редхаусу: – Я здесь почти закончил.
- Этот стол все равно никто не использует, – напомнил Редхаус, указывая на место, где я сидел, – так что если надо подзарядиться, вон там, в полу, розетка. Капитан просил передать вам, чтобы вы предупреждали нас заранее, когда решите заглянуть, а в остальном – милости просим хоть на несколько дней.
- Огромное спасибо!
- Вы говорили насчет тела Сани?
- Да. Когда мы закончим с экспертизой, я дам вам один контакт в Вашингтоне, чтобы решить все вопросы по пересылке.
- Это обойдется недешево, – заметил Редхаус.
- Когда выяснится, сколько именно, свяжитесь со мной. Я все улажу.
- А как я им скажу о том, кто поможет?

– Скажите, анонимный друг, – посоветовал я.

Глава 11

От станции метро «Истерн маркет» я прошел пешком до угла Пенсильвания-авеню и Шестой, где вдруг услышал голоса, доносящиеся со стороны Сьюард-сквер. Голоса были молодые, пьяные и почти наверняка принадлежали каким-нибудь идиотам, которые куражились друг перед другом.

Само по себе это обстоятельство меня ничуть не заинтересовало. Тупоголовые пьяные юнцы – неперменный атрибут любого большого города, особенно по вечерам. Мое внимание привлек еще один голос – женский, и не слишком довольный. Группа пьяных парней, одинокая молодая женщина – расклад тревожный. Поэтому я решительно направился по Пенсильвания-авеню к Сьюард-сквер.

Я нагнал их возле небольшой дорожки, пересекающей газон от Пенсильвания до Пятой. Четверо хлыщей стояли вокруг кого-то, кто, как я понял, и был той самой женщиной. Подойдя ближе, я увидел, что она еще и хаден.

Это слегка меняло ситуацию, а также означало, что парни были еще более пьяными или еще более тупыми, чем я предполагал. А может, это в них сочеталось.

Женщина пыталась вырваться из кольца, но когда ей это удавалось, все четверо тут же смыкали круг снова. Их намерения были непонятны, но отпускать свою пленницу они явно не собирались.

Когда она опять вырвалась и ее опять окружили, я заметил у одного из парней алюминиевую битку.

Ничего хорошего это не предвещало.

Поэтому я подошел к ним, стараясь издавать как можно меньше механических шумов.

Один из них засек мое приближение, и вскоре уже все четверо пялились на меня, по-прежнему не выпуская женщину из кольца. Тот, что держал битку, легонько покачивал ее в руках.

– Привет! – поздоровался я. – Решили в софтбол поиграть на ночь глядя?

– Шел бы ты отсюда подобру-поздорову, – посоветовал мне один.

Это явно должно было быть угрозой, но из уст вдрызг пьяного она прозвучала как угроза вдрызг пьяного, то есть вовсе не как угроза.

– Я бы пошел, да вот хочу проверить, что с вашей подружкой, – сообщил я и указал на женщину в центре круга. – С вами все в порядке?

– Не совсем, – ответила та.

– Ладно. – Я по очереди оглядел всех четверых, задержав взгляд на каждом, чтобы отсканировать лица, и отправил данные в базу ФБР для идентификации. – У меня есть предложение. Почему бы вам не отпустить ее, а потом мы с вами поговорим о том, о чем у вас намечался разговор с ней. Будет весело. Я даже проставлю вам по кружечке.

«Потому что вам пора принять еще по одной», – мысленно добавил я, но вслух не сказал. Я старался казаться дружелюбным и говорил мирным тоном, почти не сомневаясь, что это не поможет, но попытаться все равно стоило.

Не помогло.

– Вали отсюда, жестянка гребаная, – буркнул другой парень.

Он был в хламину, как и первый, поэтому с угрозой тоже вышел облом.

Я решил попробовать косвенную мотивацию:

– Терри Олсон.

– Что? – тормознул парень.

– Ваше имя Терри Ольсен, – сказал я и ткнул пальцем на следующего. – Берни Клей. Уэйн Гловер. И Дэниэл Линч. – я указал на того, что держал битую. – Хотя спорю на двадцатку, что друзья зовут вас Дэнни. А ваша фамилия в данный момент – само воплощение иронии.

– Да откуда ты знаешь, кто мы... – начал Терри.

– Заткнись, Терри, – буркнул Линч, тем самым бесповоротно подтвердив личность по крайней мере одного из четырех.

Эти ребята – точно гении.

– Он прав, Терри, – подтвердил я. – У вас и в самом деле есть право хранить молчание, и им, возможно, стоит воспользоваться. А в ответ на ваш вопрос скажу: я знаю, кто вы, потому что всего минуту назад просканировал ваши лица, подключился к одной базе данных и сразу получил информацию на вас. Вы спросите, что это за база данных? ФБР. А подключился я к ней, потому что я работаю в ФБР. Я – агент Крис Шейн.

– Брехня, – определил Линч.

– Я пытался быть вежливым с вами, – не обращая на него внимания, продолжил я, – но по-хорошему вы, видно, не понимаете. Значит, попробуем по-другому. Пока мы тут стоим и мило беседуем, я уже направил вызов столичной полиции. Полагаю, вы не знали, что ближайший участок находится всего в двух кварталах отсюда, иначе не вели бы себя как недоумки и не избивали кого-то битой прямо под носом у полицейских. В общем, вы отпускаете ее прямо сейчас, – я указал на женщину, – и она остается со мной, а вы все четверо мирно идете по домам. Потому что, если вы все еще будете здесь, когда придут копы, по крайней мере один из вас огреbet за употребление спиртного, будучи несовершеннолетним. Берни, это я о вас. Дэнни, а в вашем списке обвинение в нападении. Так что копам будет чем поживиться.

Трое нерешительно посмотрели на меня. Четвертый, Линч, казалось, еще раздумывал.

– Вижу, один из вас считает, что может без особых последствий для себя напасть на трила, – заметил я. – Раз так, позвольте напомнить, что по закону округа Колумбия преступления против трилов расцениваются как преступления против людей. Так что все вы пойдете по статье за разбойное нападение. Вдобавок, поскольку совершенно очевидно, что вы угрожаете этой особе лишь потому, что она хаден, вам светит обвинение в преступлении на почве ненависти. Так что подумайте как следует. А пока вы думаете, примите во внимание то, что я записывал наше с вами чудесное общение с самой первой минуты и эта запись уже на серверах ФБР. Пока все, что я имею, – это четверо пьяных обалдуев. Давайте не будем усугублять.

Терри Ольсен и Берни Клэй отступили, женщина пошла ко мне, а как только она миновала окружавшее ее кольцо, Линч крикнул и замахнулся битой над ее головой.

В ту же секунду я всадил в него разряд, потому что все это время держал за спиной уже наведенный служебный шокер, а его выбрал целью. Оставалось лишь выстрелить, когда мой внутренний прицел станет красным. Едва подойдя к ним, я сразу пометил Линча как «не слишком благонадежного в долгосрочной перспективе», ведь только этот идиот таскал с собой битую. Он и был у них заводилой, а остальные – просто его захмелевшими подручными.

Линч застыл, а потом грохнулся оземь и забился в судорогах, изрыгая блевотину. Трое его дружков кинулись наутек. Женщина опустилась рядом с Линчем на колени, проверила пульс, пощупала голову.

– Что вы делаете? – спросил я.

– Удостоверяюсь в том, что он не захлебнется собственной рвотой, – ответила она.

– Вы что, врач?

– Как ни странно, да.

– А вы можете удостовериться, пока я надеваю ему наручники?

Она кивнула, я нацепил на Линча браслеты и объявил:

– Отлично! А теперь самое время действительно вызвать полицию.

– А вы еще не вызвали? – глянув на меня, спросила женщина.

– Я собирал их данные по базе и целился в этого засранца. Это требует времени. Простите за вопрос, но почему вы сами не вызвали полицию?

– Они казались безвредными пьянчужками, – сказала она. – Подошли сзади, я даже не обратила внимания, пока они не заговорили со мной. Я и не думала, что они опасны, а потом этот мерзавец вдруг начал спрашивать, как далеко, по-моему, улетит моя голова, если он ударит по ней битой.

– Искренне надеюсь, что вы это хотя бы записали.

– Записала. И сказала им об этом. Они только рассмеялись.

– Да, мозгами наш мистер Линч явно обделен, – сказал я. – Либо он решил, что запись все равно не уцелеет, после того как он поиграет в Бейба Рута¹³ с вашей головой. Кстати, доктор, вы уже закончили осмотр пациента?

– Да. Жить будет. И кстати, спасибо.

– Пожалуйста, – сказал я и протянул руку. – Крис Шейн.

– Я знаю, кто вы, – пожав мне руку, сказала она.

– Мне уже доводилось такое слышать много раз.

– Не в этом дело. – она покачала головой. – Я Тайла Гивенс, ваша новая соседка.

Когда мы с Тайлой закончили общаться с подъехавшими копами, к нам подошла недавняя моя знакомая – детектив Тринх.

– Детектив Тринх! – воскликнул я. – Вот так неожиданность.

– Агент Шейн, – кивнула она. – Какой у вас интересный вечер.

– Просто феерический, – поддакнул я.

– Собираетесь из этого тоже федеральное дело завести?

– Едва ли, – ответил я. – В данном случае хаден живет в Вашингтоне, а значит, дело будет вести столичная полиция.

– Мудрое решение, – похвалила Тринх.

– Хотите сами им заняться? – спросил я. – Мы ведь сейчас на территории первого участка, а мне казалось, вы работаете во втором.

– Работаю во втором, – подтвердила она. – Живу здесь. Как раз сидела в «Генрис» за бокальчиком, когда услышала сообщение по рации. Вот и решила прийти посмотреть, как вы тут.

– Уже все в порядке, – заметил я.

– А еще поболтать с вами.

– Пожалуйста.

– С глазу на глаз, – добавила Тринх.

– Хотите, мы отвезем вас домой? – предложил я Тайле.

– Отсюда до нашего дома меньше ста ярдов, – сказала она. – Думаю, я их как-нибудь осилю сама.

– Ладно, – согласился я.

– До скорой встречи, – сказала Тайла и ушла.

– Вы живете с ней? – спросила Тринх.

– Она – моя новая соседка по дому. Мы только что познакомились.

– Интересный способ знакомиться с новыми соседями. Ей повезло, что вы оказались рядом. Сегодня резко возросло количество нападений на хаденов.

– Интересно почему.

– Забастовка, грузовики на окружной, но вы, я уверена, об этом уже знаете. Когда изо дня в день стараешься усложнить людям жизнь, они в конце концов приходят в бешенство. А

¹³ *Бейб Рут* (1895–1948) – легендарный американский бейсболист.

теперь, когда на марш в город съехались толпы ваших, мишеней для того, чтобы выплеснуть свою злость, хоть отбавляй. Открылся сезон охоты на трилов. На втором участке сегодня было пять нападений.

– И что вы об этом думаете?

– Буду счастлива, когда марш закончится и я смогу снова ловить с поличным студентов, справляющих малую нужду на тротуаре.

– Хм, – только и ответил я. – Детектив Тринх, о чем вы хотели со мной поговорить?

– Мне любопытно, что вы думаете о своем новом напарнике.

– Пока у нас все нормально.

– Вы же слышали о ее бывшей напарнице.

– Слышал. Ну и что?

– Ванн рассказывала о том, что с ней случилось?

– Я так понял, какой-то сбой с оружием.

– Можно и так сказать. Однако есть и другие версии.

– Например? – поинтересовался я.

– Например, что напарница Ванн предпочла пулю в живот дальнейшему общению с ней.

– Как-то уж слишком сурово.

– Отчаянные времена – отчаянные меры.

– Мне ничего об этом не известно, – сообщил я.

– Да, возможно, – сказала Тринх. – Но о том, что Ванн была интегратором, вы знаете.

– Об этом я слышал.

– Когда-нибудь задумывались над тем, почему она уволилась?

– Мы знакомы всего два дня, – заметил я, – один из которых я провел в другом часовом поясе. Так что нам не хватило времени поведать друг другу свои биографии.

– Уж вашу-то она знает досконально.

– Ничего удивительного. Ее знают все.

– Тогда разрешите мне просветить вас насчет ее богатой событиями жизни, – сказала Тринх. – Ушла Ванн, потому что просто не потянула эту работу. Правительство вбухало кучу денег, чтобы сделать из нее интегратора, а у нее, видите ли, фобия. Она боится уступать людям свое тело. Можете попросить ее – пусть расскажет про два своих последних интеграторских сеанса. Слухи о них весьма впечатляющи.

– О них я тоже не слышал.

– Это объясняет все ее так называемое «самолечение», если только вы не упустили из виду то, что она без конца курит, пьет и шляется по барам, выискивая кандидатов для перепихона.

– Я заметил, – сказал я.

– В этом плане она не слишком разборчива.

– В самом деле, – согласился я. – Вероятно, вы – тому доказательство.

– Мы никогда не трахались, если вы об этом, – улыбнулась Тринх. – Хотя не исключено, что Ванн трахалась со своей бывшей напарницей. Но, думаю, вам это не грозит.

– Тринх, у вас пунктик насчет хаденов? – спросил я. – Подобные шуточки не отпускают с бухты-барахты.

– Мне кажется, вы меня не поняли. Вам повезло в том, что вас она не будет трахать таким способом. Но непременно отыщет другой способ, уж будьте уверены.

– Понятно, – кивнул я. – Послушайте, Тринх, уже поздно, а у меня был трудный день. Поэтому, если вы наконец перейдете к истинной цели своего разговора со мной, я буду вам крайне признателен. При условии, разумеется, что вы не будете продолжать лить помой на мою новую напарницу.

– Моей целью было предупредить вас, агент Шейн, – сказала Тринх. – Ванн умна, но не так умна, как о себе думает. Она хороший работник, но не настолько хороший, какой себя считает. Она много треплется о том, как следует поступать другим, но предпочитает смотреть сквозь пальцы на собственное дерьмо. Может, вы это уже заметили, а может, и нет. Но скажу вам как человек опытный в этих делах: если вы этого еще не заметили, то очень скоро заметите.

– То есть она – бомба с часовым механизмом, и мне лучше не находиться рядом, когда она взорвется, – подытожил я. – Просто клише из инструкции, да и только. Ясно.

Тринх подняла руки с выражением полнейшей невозмутимости.

– Может, я ошибаюсь, Шейн, – сказала она. – Может, я просто еще одна сучка, которой не повезло с ней сработаться, а вы с ней отлично поладите, и вам не придет в голову загонять себе пулю в живот и всякое такое. Если так – прекрасно. Искренне желаю вам обоим счастья. Но ведь я могу оказаться и права. И если так – присматривайте за своей напарницей, Шейн.

– Непременно, – пообещал я.

– Вокруг хаденов затевается что-то странное, и пахнет оно скверно, – сказала Тринх. – Сначала эта таинственная смерть в «Уотергейте», теперь взрыв на «Лаудон фарма», который, я знаю, вы тоже расследуете. Если вы с ней действительно нащупали что-то по-настоящему крупное, вам совсем не нужно, чтобы она вдруг съехала с катушек. Когда она пойдет на дно, она и вас потянет за собой, хотите вы этого или нет.

– Еще одно клише, – произнес я.

– Пусть клише, – кивнула Тринх. – С другой стороны, вы ведь у нас один из самых знаменитых хаденов. По крайней мере, в прошлом. Но тем не менее в наличии еще достаточно знаменитых, чтобы люди называли вас штрейкбрехером за ваш недавний выход на работу во время забастовки. Как это будет выглядеть, если вы накосячите из-за Ванн? Как это будет выглядеть для вашего отца, будущего сенатора от Виргинии?

Я промолчал. А что тут скажешь?

– Я лишь хотела, чтобы вы задумались, Шейн, – заключила Тринх. – А уж вам решать, прислушаться к этому совету или нет. Спокойной ночи. Надеюсь, сегодня вам больше никого не придется спасать. – С этими словами она повернулась и пошла к машине.

В моем новом доме меня ждал приветственный комитет из трилов. Едва я переступил порог, как меня осыпало дождем из конфетти.

– Ух ты! – отмахиваясь от крошечных кусочков бумаги, воскликнул я.

– Мы хотели, чтобы в первый же вечер ты почувствовал себя как дома, – сказал Тони.

– Обычно в меня не бросают конфетти, когда я прихожу домой.

– А может, стоило бы?

– Кстати, откуда у вас конфетти? – спросил я.

– Остались с Нового года, – ответил Тони. – Сейчас это не важно. Еще мы хотели поблагодарить тебя за то, что ты заступился за нашу Тайлу. Она нам все рассказала.

– Не самый обычный способ знакомиться с новыми соседями, – заметила Тайла.

– Надеюсь, он никогда не станет обычным, – сказал я.

– Меня бы это устроило, – согласилась Тайла.

– А вот и другие твои новые соседи, – объявил Тони и указал на двух оставшихся трилов. – Это Сэм...

– Привет, – сказал Сэм и поднял руку.

– Привет, – поздоровался я.

– ...а это близнецы Джастин и Джастина, – добавил Тони, показывая на последнего трила.

Я уже собирался спросить, как они умещаются в одном теле, когда в поле зрения выскочило сообщение от Тони: «Не спрашивай, объясню потом».

– Привет, – сказал я близнецовому трилу.

– Привет, – ответил мне по крайней мере один из близнецов.

– Мы можем как-нибудь помочь тебе обустроиться? – спросил Тони. – Я знаю, последняя пара дней у тебя выдалась веселенькой.

– На самом деле сейчас я бы просто хотел завалиться спать, – сказал я. – Пусть это звучит не очень увлекательно, но день был слишком длинным.

– Без проблем. Твоя комната ничуть не изменилась с тех пор, как ты заходил туда в последний раз. В рабочем кресле есть индукционная панель. Она должна подойти на первое время, пока не подберешь что-нибудь получше.

– Замечательно, – сказал я. – Ну тогда всем спокойной ночи.

– Постой, – попросили близнецы и вручили мне воздушный шарик. – Мы забыли его бросить, когда ты зашел.

– Спасибо, – поблагодарил я и взял шарик.

– Мы сами надули, – сообщили близнецы.

Я задумался о смысле этого утверждения и, так ничего и не придумав, спросил:

– Как?

– Не спрашивай, – ответили близнецы.

Глава 12

Само собой, заснуть я не смог. И, промучившись три часа, сдался и отправился в свою пещеру.

Личное пространство для хадена – предмет щекотливый. В физическом мире до сих пор шли споры, сколько места действительно нужно хадену. Наши тела неподвижны, и большинство их находится в специальных медицинских «колыбелях» разной степени сложности. Хадену требуется место для такой «колыбели», а также для присоединенной к ней медицинской аппаратуры, и, строго говоря, больше ничего.

Для наших трилов это тоже не имеет значения. Трилы – машины и в личном пространстве не нуждаются. Автомобилию безразлично, сколько других автомобилей находится в гараже. Главное, чтобы он мог въехать и выехать. Поэтому, когда только начали проектировать квартиры для хаденов и их трилов, все они были похожи на ту, что мне показала Латаша Робинсон: маленькие, функциональные, безнадежно прагматичные.

Потом люди заметили, что хадены начали страдать от тяжелой депрессии, не имевшей отношения к их болезни. Причина была очевидна всем, кто давал себе труд задуматься об этом. Пусть тела хаденов и находились в «колыбелях», а трилы были всего лишь машинами, но когда ими управлял хаден, они становились настоящими людьми, а большинству людей не нравится жить в шкафу. Может, хаденам и не нужно столько же места, сколько людям с полноценными двигательными функциями, но какое-то пространство им все же требуется. Поэтому маломерные чуланы хадены использовали только в крайнем случае.

В нефизическом мире (не в виртуальном, поскольку для хадена нефизический мир столь же реален, как и физический) существует «Агора», огромное место встреч для хаденов всего мира. Доджеры – то есть не-хадены – привыкли считать «Агору» чем-то вроде трехмерной социальной сети, онлайн-игрой с колоссальным количеством игроков, где нет других заданий, кроме как просто торчать там и общаться. Одной из причин, почему доджеры так считают (да, мы зовем их по названию стадиона), является то, что открытые для них сектора «Агоры» именно так и работают.

Объяснять тому, кто не является хаденом, как работает «Агора», все равно что объяснять дальтонику, что такое зеленый цвет. Они получают лишь общее представление, но не смогут оценить всю ее полноту и сложность просто потому, что их мозг в буквальном смысле устроен иначе. Невозможно описать наши масштабные собрания, наши споры, игры, нашу близость – сексуальную или иного рода. Чужаку все это покажется странным, даже отталкивающим. Чтобы понимать «Агору», надо жить в ней – и никак иначе.

При всем этом в «Агоре», по существу, нет чувства приватности. Можно на некоторое время отключать ее или создавать структуры либо участки с ограниченным доступом – ведь люди есть люди, и им свойственно собираться в узкие группы. Но создавалась «Агора» для тех, кто навсегда и неотвратно заперт в собственной голове. Ее целью была именно открытость, и за двадцать лет своего существования она превратилась в нечто, не имеющее аналогов в физическом мире. Именно открытость повлияла на то, как хадены общаются между собой и в физическом мире. Они делают видимыми свои личные данные, имеют общие каналы и обмениваются информацией с такой откровенностью, которую доджеры сочли бы полной безответственностью, если не безумием.

Впрочем, не все хадены. Те, кто заразился уже в зрелом возрасте, были теснее привязаны к физическому миру, где прошла большая часть их жизни. Поэтому, заболев, они живут в основном в своих трилах, а «Агору» используют – если вообще используют – только как хваленую систему электронной почты.

В противоположность им хадены, заразившиеся в раннем детстве и не успевшие в полной мере познать физический мир, предпочитают жить в «Агоре», а не запихивать свой разум в трил и брэнчать в нем по физическому миру. Однако большинство хаденов существуют одновременно в двух этих пространствах, переходя из одного в другое в зависимости от обстоятельств.

Но в конце дня ни физический мир, ни «Агора» не могли дать большинству хаденов то, в чем они по-настоящему нуждались, – место для уединения. Не изоляции, навязанной синдромом клетки, а именно добровольного уединения там, где они сами захотят, где можно расслабиться и спокойно подумать. Лиминального пространства между мирами, существующего только для них и для тех, кого они выберут.

Какие формы будет принимать это пространство, зависит от тебя самого и от твоей компьютерной инфраструктуры, чтобы его обеспечивать. Они могут быть самыми простыми, как построенные по шаблону типовые домики, и храниться на общем сервере, существуя за счет рекламы, которая появляется в рамках и автоматически пропадает, когда хаден выходит из сети, или необъятными, постоянно возобновляемыми мирами, которые растут и развиваются, пока их владельцы, очень богатые хадены, находятся в роскошных дворцах, парящих над их творениями.

Мое лиминальное пространство находилось где-то посередине между этими двумя крайностями. Это была пещера – большая и темная, где с потолка свисали светящиеся черви, имитируя ночное небо. В сущности, я воспроизвел знаменитые пещеры Вайтомо в Новой Зеландии, только увеличил их в десять раз и убрал следы присутствия туристов.

Внутри пещеры, нависающей над темной, бурлящей подземной рекой, была платформа, где я либо стоял, либо сидел на единственном стуле, который на нее поместил.

Я почти никого не пускал в свою пещеру. Однажды в колледже, когда я ухаживал за одной девушкой-хаденом, я решился пригласить ее туда. «Да это же пещера Бэтмена!» – воскликнула она, оглядевшись, и начала смеяться. Наши отношения, и без того уже хрупкие, после этого продержались недолго.

Теперь я думаю, что то наблюдение было ближе к истине, чем мне хотелось бы признать. Вплоть до этого момента я был публичной персоной, и каждый мой шаг отслеживался независимо от того, где я находился. Темное и тихое, мое убежище стало для меня местом, где я мог быть одним из своих альтер эго – систематически урезать школьные домашние задания или считать любые свои размышления в то время невероятно глубокими.

Или, как сейчас, – бороться с преступностью.

Слишком уж многое случилось за последние два дня, чтобы я мог быстро проследить связи между всеми этими событиями, обработать данные и сделать какие-то выводы. Так или иначе, спать я все равно не мог.

Я начал выдергивать из памяти образы и швырять их в темноту. Вот мертвый Джонни Сани на ковре в отеле «Уотергейт». Его сменил Николас Белл, сидящий на гостиничной кровати с поднятыми руками. Потом Самуэль Шварц и Лукас Хаббард, представшие не в облике трилов или интеграторов, а в виде фотографий из их личных архивов, где были изображены их утвержденные медиаиконки, созданные на основе их настоящих черт лица, измененных таким образом, чтобы создать иллюзию живости и подвижности. Разумеется, иконки были фальшивками, но я не мог винить за это их хозяев. Такими иконками пользовались многие хадены. Я в том числе. Во всяком случае, раньше.

Следующими появились Карл Байер в виде фотографии своего служебного пропуска в «Лаудон фарма» и Джей Керни в виде снимка из личного дела интегратора. Далее мне понадобилось несколько секунд, чтобы войти в базу интеграторов и найти ту женщину, с которой был интегрирован Шварц прошлым вечером.

Звали ее Бренда Риз. Фото прилагалось.

После короткого раздумья всплыли образы Бухолда и моего отца, причем последнего я добавил преимущественно для удобства навигации. И напоследок я вывесил пустую рамку для Кассандры Белл, у которой не было утвержденной медиаиконки.

Теперь можно было расставлять связи. Сани – Николас Белл. Николас Белл – его сестра Кассандра и Хаббард. Хаббард – Шварц и мой отец. Шварц – Хаббард, мой отец, Бренда Риз и Джей Керни. Керни – Шварц и Байер. Байер – Керни и Бухолд. Бухолд – мой отец. Получился такой славенький клубочек.

Теперь осталось добавить то, что мы выяснили по каждому персонажу. За Сани я поместил его последний денежный перевод бабушке, перед этим послав запрос на сервер ФБР, чтобы по регистрационному номеру узнать место отправления. Готово. Потом вызвал из памяти Вычислительный центр Уиндоу-Рок и прочертил от него линию к «Медикорд» и назад, к Лукасу Хаббарду.

От Бухолда линия пошла к «Лаудон фарма». В новостях дня я нашел материалы о взрыве. Видео с признанием Байера сначала просочилось в сеть, а потом его опубликовали официально, и теперь все очень рьяно обсуждали, как была причастна к теракту Кассандра Белл – прямо или косвенно. Я прочертил линию от нее до «Лаудон фарма».

Затем я запустил поиск новостей о забастовке хаденов и предстоящем марше протеста на Национальной аллее. Тринх не лгала – за последний день произошло двадцать нападений на хаденов, и это только в Вашингтоне. В основном нападали на трилов, пытаясь разбить их подручными средствами, как та пьяная четверка, которой я помешал, но в паре случаев люди переводили свои автомобили на ручное управление и таранили трилов. Один человек толкнул трила прямо под автобус, отчего пострадали и трил, и автобус.

Я искренне недоумевал, чем руководствовались все эти люди. Ведь трила невозможно «убить», ты просто ломаешь машину, которую легко заменить, в то время как нападавший несет ответственность за применение насилия по отношению к человеку. Но когда я вспомнил Дэнни Линча, то понял, что логические рассуждения не являлись для многих из таких людей сильной стороной.

По крайней мере в двух случаях победителями из таких стычек вышли хадены, что также влекло за собой ряд проблем. Видеоролики о том, как андроидоподобные машины быют людей, пробуждали дремучие инстинкты у самой глупой, как правило, мужской и обычно молодой части человечества. В общем, столичной полиции предстояли нелегкие дни, я им точно не завидовал.

Пискнуло сообщение от сервера ФБР. Денежный перевод отправили с почтового отделения в Дуарти, Калифорния. Я быстренько вывел статью из энциклопедии и обнаружил, что этот город называет себя «Городом здоровья», что поначалу показалось мне довольно странным, пока я не выяснил, что в Дуарти находится национальный клинический центр «Город надежды». «Город надежды» участвовал в разработке синтетического инсулина, а также был признан Национальным институтом рака одним из ведущих центров по исследованию раковых болезней. Но сейчас для меня важнее всего было то, что «Город надежды» оказался одним из пяти центров по изучению и лечению синдрома клетки.

Если Джонни Сани собирались установить нейронную сеть, это место подходило как нельзя лучше.

С другой стороны, если ему действительно имплантировали сеть в Дуарти, он, скорее всего, попал бы в нашу базу данных.

Я решил вернуться к Кассандре Белл и запустил поиск на нее, выдергивая биографические данные из энциклопедии и недавние новостные статьи, не связанные с «Лаудон фарма».

Оказалось, что Кассандра относилась к числу очень немногих хаденов, которые никогда не жили в физическом мире. Ее мать заразилась во время беременности и передала вирус дочери.

Как правило, это кончалось трагически. В большинстве подобных случаев, если беременная женщина заражалась синдромом клетки, вирус свободно проникал через плацентарный барьер, как будто его и не было, и губил нерожденного ребенка.

Только пять процентов зараженных плодов выживали до родов, и практически все оказывались в клетке. Половина младенцев умирали в первый год жизни из-за того, что вирус подавлял их иммунную систему, или от других осложнений, связанных с болезнью. Практически все выжившие страдали от тяжелых нарушений, вызванных повреждением мозга на ранних стадиях развития, а также изоляцией как следствием действия вируса, остановившей эмоциональное и социальное развитие ребенка.

То, что Кассандра Белл была живой, умной и психически здоровой, делало ее своего рода маленьким чудом.

Но вот назвать ее нормальной можно было лишь с большой натяжкой. С самого рождения она практически постоянно жила в «Агоре», где ее сначала растила мать, до самого конца запертая в клетке. Когда Кассандре было десять лет, ее мать умерла по причинам, не связанным с болезнью, и воспитанием девочки занимались приемные родители и старший брат Николас, заразившийся одновременно с матерью и позже развивший способности интегратора.

По-своему Кассандра была такой же знаменитостью, как я, – еще одна диковина из мира хаденов для толпы. Никакого отставания в умственном развитии она не проявляла – наоборот, в десять лет сдала тест за курс средней школы, но от поступления в Массачусетский и Калифорнийский технологические институты отказалась, так как там требовали использовать трил, а она не хотела.

Вместо этого она стала активисткой движения хаденского сепаратизма, призывающего всех хаденов отказаться от навязанных им физическим миром ограничений в виде трилов и по достоинству оценить метафору существования, предоставленную «Агорой». Кассандра не призывала к отказу от общения с доджерами, но хотела, чтобы оно происходило на условиях хаденов, а не доджеров.

Восприимчивость к идеям Кассандры в немалой степени зависела от того, насколько больше человек провел времени в физическом мире, чем в «Агоре». Однако с подписанием закона Абрамса—Кеттеринг количество сторонников Кассандры значительно выросло. Именно она предложила забастовку и во многом способствовала ее проведению. Кроме того, ходили упорные слухи, что она наконец собирается выйти в физический мир и выступить с речью на марше, который намечался на Национальной аллее в ближайшие выходные.

Одним словом, поклонники теперь сравнивали двадцатилетнюю Кассандру Белл с Ганди и Мартином Лютером Кингом, а противники – с террористами и злодеями всех времен и народов.

Организованные Байером и Керни взрывы на «Лаудон фарма» не лучшим образом повлияли на ее репутацию, и люди уже начали клясть хаденов и ее заодно за забастовку. Я просмотрел все ее недавние заявления и комментарии, чтобы узнать, что она думает о теракте.

Пока она отмалчивалась. Это была не самая хорошая тактика для средств массовой информации. Но, с другой стороны, лучше промолчать, чем сморозить какую-нибудь глупость.

По зрелом размышлении казалось очень странным, что мы с Кассандрой Белл никогда не встречались. Мы ведь с ней были самыми известными молодыми хаденами. Хотя она свою славу начала зарабатывать примерно в тот же период, когда я пытался отделаться от своей и наконец обрести хотя бы иллюзию частной жизни.

«И потом, если быть честным, – сказал я себе, – ты ведь из правящего класса. А она радикалка».

Что правда, то правда. Благодаря моему отцу и его положению я находился в физическом мире больше, чем большинство молодых хаденов. В то время как Кассандра Белл в нем никогда не появлялась и была известна только своим именем.

Я решил на время оставить Кассандру Белл и переключиться на Джея Керни, взорвавшего себя от имени Карла Байера. Проверка его клиентского списка подтвердила слова Ванн: Байер действительно был клиентом Керни, и за двадцать один месяц они встречались трижды. Последний раз – одиннадцать месяцев назад. Согласно заметкам Керни, они занимались парасейлингом.

Но кроме этих лаконичных заметок о характере их встреч, я не нашел ничего, что указывало бы на какую-то связь этих двоих. Конечно, три встречи за два года подтверждали их отношения, но не более того.

Как только стало известно, что теракт совершили Байер и Керни, ФБР мгновенно получило доступ к малейшим подробностям их жизни. Я зашел в секретную базу, где хранились личные сообщения и платежные документы. Хотел узнать, как часто они общались, будь то личная переписка или обрывки какой-то финансовой информации, что подтвердило бы, что эти двое взаимодействовали любым, заслуживающим внимания образом.

Я не нашел почти ничего. Сообщения каждый раз касались только сеансов интегрирования и обсуждения возможных действий во время них, а также вопросов цены и прочих банальностей. Точно так же их финансовые записи совпадали только тогда, когда Байер платил Керни за сеанс.

Отсутствие какого-либо следа, разумеется, еще не означало, что эта парочка не встречалась для обсуждения теракта. Даже если они встречались, то сделали все, чтобы об этом никто не узнал, ведь не идиоты же они. Но куда здесь двигаться дальше, пока мне было совершенно непонятно.

Я немного отступил от стены изображений и кусков текста, которую сам сконструировал, чтобы лучше рассмотреть и ее, и все вычерченные на ней связи. Многим моя схема наверняка показалась бы лишь хаотичным нагромождением фотографий и новостных лент.

Меня же она успокаивала. На данный момент здесь была собрана вся известная мне информация по этому делу, наглядно выделены все связи, которые я мог спокойно рассмотреть, вместо того чтобы лихорадочно распутывать их в голове.

«Что дальше?» – словно наяву услышал я голос Ванн и невольно улыбнулся.

Итак, первое. Налицо два очевидных связующих звена. Лукас Хаббард, с которым связаны Николас Белл, Сэм Шварц и мой отец и с которым Джим Бухолд спорил по вопросу, имеющему отношение к их общему бизнесу.

И Кассандра Белл, с которой связаны Николас Белл, Байер и Керни и к которой Бухолд настроен враждебно, а Хаббард, возможно, если судить по его спору с Бухолдом, наоборот, благожелательно.

Из чего следует – продолжать заниматься обоими, особенно Кассандрой Белл. Она единственная из списка, с кем я не знаком лично. Организовать встречу как можно скорее.

Второе. Байер и Керни. Их связь на схеме выглядит неубедительно. Копать глубже.

Третье. Джонни Сани. Выяснить, что он делал в Дуарти и знал ли его кто-нибудь там. Есть ли какая-то связь между ним и «Городом надежды»?

Четвертое. Два персонажа, никак не вписывающиеся в этот клубок, – мой папа и Бренда Риз. Я совершенно не сомневался в том, что отец не замешан ни в чем дурном, несмотря на его будущее сенаторство. В любом случае, если бы я даже захотел собирать на него сведения, это был бы существенный конфликт интересов.

Что до Бренды Риз, то стоило перекинуться с ней парой слов и понять, знает ли она что-нибудь полезное.

И наконец, пятое. Николас Белл, который сказал, что работал во время их встречи с Джонни Сани, однако появился там, чтобы с ним интегрироваться, несмотря на то что это было невозможно, потому что они оба были интеграторами и гарнитура была фальшивая.

Что же там на самом деле происходило?

И почему Джонни Сани покончил с собой?

Именно последние два вопроса заставили меня вытащить из головы все эти данные и сотворить эту сложную схему, не прояснившую ровным счетом ничего.

Глава 13

Тихий свист сообщения эхом прокатился по пещере. Я узнал сигнал: такой деликатный вызов обычно приходил, только если человек бодрствовал. Хадены, как и любые другие люди, терпеть не могли просыпаться от случайных звонков посреди ночи. Я открыл окно, чтобы посмотреть на визитера. Это был Тони.

Я ответил на вызов, но оставил только аудиосвязь.

– Поздновато ты.

– Срочная работа, – ответил Тони. – Я как чувствовал, что ты лукавил, когда говорил, что хочешь спать.

– Я не лукавил. Просто не смог заснуть.

– Что делаешь? – спросил Тони.

– Пытаюсь разобраться в целой куче дерьма, о которой, к сожалению, не могу тебе рассказать. А ты?

– В данный момент компилирую код. О котором могу тебе рассказать, но боюсь смертельно наскучить.

– Ерунда! Я весь внимание.

– Буду считать это вызовом, – сказал Тони, и на информационном табло выскочила кнопка. – Это код от двери. Заходи.

Он приглашал меня в свое лиминальное пространство или, по крайней мере, в его открытую часть.

Я решился не сразу. Большинство хаденов ревностно охраняли свой персональный мир. Тони явно предлагал мне дружбу. Для этого мы были слишком мало знакомы.

Но потом я подумал, что слишком все усложняю, и нажал кнопку. Она превратилась в дверной проем, и я шагнул в него.

Рабочая зона Тони представляла собой куб с высокими стенами, как в старой компьютерной игре, полностью черный, с обозначенными голубым неоном гранями, которые были расписаны геометрическими узорами.

– Только не говори – сам угадаю, – сказал я. – Ты фанат «Трона»¹⁴.

– С первой попытки, – подтвердил Тони.

Он стоял за рабочим столом, над которым висела клавиатура, также очерченная неоновыми линиями. Рядом парил экран с кодом и слабо пульсирующей панелью инструментов, напоминавшей о том, сколько времени осталось до того, как код будет скомпилирован. Выше медленно вращался клубок нитей, соединенных явно произвольным образом.

Я тут же узнал их.

– Нейронная сеть, – сказал я.

– И снова с первой попытки, – отозвался Тони; себя он изобразил, как и большинство людей, в виде своей физической оболочки, только более стройным, подтянутым и стильно одетым. – Если хочешь по-настоящему впечатлить меня, назови изготовителя и модель.

– Не имею ни малейшего понятия, – признался я.

– Дилетант, – снисходительно сказал Тони. – «Санта-Ана системс ДаВинчи», седьмая модель. Это их последняя по времени версия. Я как раз пишу для нее патч.

– А мне вообще можно на это смотреть? – спросил я, показывая на строчки кода, видимые на экране. – Мне казалось, подобные вещи должны быть засекреченными.

– Так и есть, – ответил Тони. – Только без обид, но ты не кажешься мне крутым кодером, а значит, «ДаВинчи» для тебя не что иное, как просто искусно заплетенные спагетти.

¹⁴ Компьютерная игра.

– Именно так.

– Тогда мне бояться нечего, – объявил Тони. – И в любом случае ты здесь все равно ничего не сможешь записать. – Это было правдой – в личных лиминальных пространствах возможность записи у гостей отключалась по умолчанию.

– Вот ведь какая странная штука, – задумчиво пробормотал я, глядя на модель нейронной сети, висящую у Тони над головой.

– Нейронные сети в целом или «ДаВинчи» в частности? – спросил Тони. – Потому что, между нами говоря, эти D7 просто сущий геморрой. Архитектура у них дурацкая.

– Я обо всех сетях, – сказал я и снова посмотрел вверх. – О том, что у каждого из нас в черепе есть такая.

– Не просто в черепе, – поправил Тони, – а в мозгах. Прямо внутри, и тестирует нейронную активность со скоростью пара тысяч раз в секунду. Если ее тебе имплантировали, вынуть уже нельзя, сам знаешь. Мозг в конце концов приспособливается к ней. Попытаешься извлечь – станешь калекой. Ну, то есть еще хуже, чем сейчас.

– Очень ободряющая мысль.

– Если тебе нужны по-настоящему ободряющие мысли, подумай лучше о софте, – сказал Тони. – Ведь именно софт управляет сетями, а он сплошь и рядом глючный. – Он показал на экран с кодом. – Представляешь, в последнем апдейте программы эти орлы из «Санта-Аны» случайно зашили перестимуляцию желчного пузыря у полупроцента операторов.

– Как такое могло случиться?

– Непредвиденный конфликт между D7 и нейронными сигналами мозга. Такое бывает чаще, чем следовало бы. Конечно, сначала весь софт испытывают на компьютерных моделях мозга и только потом загружают его в клиентов, но ведь каждый реальный мозг уникален, тем более у хаденов, когда вирус по-разному перекраивает мозговую структуру. Поэтому неожиданности случаются сплошь и рядом. Мой патч должен устранить эту конкретную проблему, до того как появятся камни в желчном пузыре. Или, по крайней мере, если появятся, чтобы это не было как-то связано с нейронной сетью.

– Замечательно, – сказал я. – Слушая тебя, я так радуюсь, что в моей голове не «Санта-Ана».

– Ну, если честно, то косяки ведь не только у них. Вот у тебя что там?

– «Рэйтеон».

– Ух ты! – воскликнул Тони. – Какой раритет. Они ушли из бизнеса нейросетей еще десять лет назад.

– Мне это знать не обязательно, – ответил я.

– Нет, ты послушай. Их теперь Хаббард обслуживает, – сообщил Тони.

– Не понял? – оторопев на секунду, спросил я.

– «Хаббард технолоджиз». Первая компания Лукаса Хаббарда, еще до «Акселеранта». Хаббард сам сети не делает – их производит другая компания «Акселеранта», но он зарабатывает кучу денег на том, что поддерживает системы компаний, ушедших с рынка после первого бума на нейронные сети. Если верить их корпоративному пиару, Лукас лично написал много первых кодов и патчей.

– Ясно, – пробормотал я.

Известие о том, что Хаббард вторгся в мою голову еще и в самом прямом смысле, слегка выбило меня из колеи.

– Я тоже работал на Хаббарда, – сказал Тони. – Всего пару месяцев назад. Так что поверь мне – проблем там тоже хватает.

– Мне стоит о них знать?

– Тебя в последнее время спазмы толстой кишки не мучили?

– Нет, – содрогнулся я.

– Тогда и волноваться не о чем.

– Чудесно.

– Я работал с ними со всеми, – сказал Тони. – Со всеми сетями. На самом деле самый большой вопрос – это не искажение сетей, а их защита.

– То есть кто-то может попросту хакнуть нейронную сеть? – спросил я.

– Ну да.

– Никогда про такое не слышал.

– Для этого есть причины, – сказал Тони. – Прежде всего, архитектуру нейронных сетей умышленно делают очень сложной, чтобы их было трудно программировать и чтобы в них было трудно проникнуть извне. То, что D7 – настоящий геморрой, не ошибка в программе, а ее функция. После первой версии каждая новая сеть делается сложнее предыдущей. И еще одна причина: людей вроде меня нанимают специально, чтобы убедиться в ее безопасности. Половина моих контрактов – это работа для белых хакеров, которые ищут уязвимые места в сети.

– И что ты делаешь, когда находишь их?

– Я? Составляю отчет. С сетями первого поколения хакеры даже шантажом не гнушались. Загоняли своим жертвам в мозг жуткие кровавые картинки или «Как тесен мир»¹⁵ на бесконечном повторе, до тех пор пока несчастные не соглашались заплатить, лишь бы это прекратилось.

– Отстой, – поморщился я.

Тони пожал плечами:

– Да бараны они тупые, честно тебе скажу. Компьютер внутри башки? Неужели они правда не задумывались, чем это может обернуться? По-настоящему засуетились и стали писать патчи, только когда какой-то хакер с Украины начал награждать людей аритмией просто ради спортивного интереса. Самое что ни на есть умышленное убийство – ради хохмы.

– Я очень рад, что этот косяк устранили, – признался я.

– Ну, пока устранили.

Код наконец скомпилировался, и Тони взмахом руки запустил его. Сеть наверху запульсировала. Это было не просто красивое изображение, а модель самой настоящей нейронной сети.

– Что значит «пока»? – встревожился я.

– Сам подумай, Крис, – сказал Тони и показал на мою голову. – Фактически здесь у тебя устаревшая система. Сейчас ее обслуживание финансируется из бюджета НИЗ. Когда с понедельника вступит в силу Абрамс—Кеттеринг, они больше не будут платить за техподдержку, после того как закончатся текущие контракты. Знаешь, «Санта-Ана» и «Хаббард» ведь выпускают обновления и корректировки не от щедрот своих добрых корпоративных сердец. Им за это платят. А когда прекратят, должен найтись какой-то другой источник, иначе обновления перестанут выходить.

– И мы все будем в заднице, – добавил я.

– Не все, – поправил Тони. – У меня все будет нормально, потому что эта хрень – моя работа и я могу хакнуть свою собственную сеть. И у тебя все будет нормально, потому что ты всегда можешь нанять кого-то вроде меня, чтобы поддерживать свою сеть. У наших соседей все будет нормально, потому что я люблю их и не допущу, чтобы кто-то спамил их мозги против их воли. Зажиточные хадены наверняка смогут заплатить за ежемесячную подписку обновлений, которую, по крайней мере, «Санта-Ана» точно планирует делать, насколько мне известно. А вот кого точно поимеют, так это бедных хаденов. Они либо вообще не получают обновлений и сразу станут уязвимыми для вирусов и хакеров, либо будут вынуждены пользоваться чем-

¹⁵ Песня из одноименного фильма киностудии «Дисней».

то вроде апдейта, только с кучей рекламы. И каждое утро, проснувшись, не смогут ничего делать, пока не просмотрят штук шесть гребаных роликов, расхваливающих новых трилов, питательный порошок или мешки для испражнений.

– Иначе говоря, спам, – заключил я.

– Если сам согласился, то уже не спам. У них просто не будет выбора.

– Жесть.

– Дело не только в апдейтах, – сказал Тони. – Возьмем «Агору». Большинство из нас думают о ней как о некоем магическом пространстве, свободно парящем где-то там. – он махнул куда-то руками. – На самом деле она находится в серверном парке НИЗ на окраине Гейтерсберга.

– Но ее-то точно на плаху не положат, – заметил я. – Иначе начнется паника.

– Да, на «Агору» средства не урезали, – подтвердил Тони. – Но я знаю, что НИЗ ведут переговоры с потенциальными покупателями. – он показал на нейронную сеть. – «Санта-Ана» уже сделала предложение о покупке, «Акселерант» тоже, а еще «Дженерал моторс» и почти все компании Кремниевой долины. – Он пожал плечами. – Кто бы в конце концов ни купил эти сервера, возможно, будет вынужден пообещать оставить «Агору» неизменной лет на десять или около того, но мы-то знаем цену этим обещаниям. Наверняка появится месячная абонентская плата за доступ. Я не знаю, как в «Агору» можно напихать рекламы, но уверен, что рано или поздно способ найдется.

– Ты, похоже, много об этом думал, – сказал я, помолчав несколько секунд.

Тони с улыбкой отвел глаза, махнул рукой:

– Извини. Просто это мой любимый конек. Вообще-то, обычно я не такой занудный.

– Да все нормально, – заверил я. – Хорошо, что ты об этом задумываешься.

– Ну, тут ведь есть и побочный эффект. Когда все эти госконтракты схлопнутся, моя жизнь малость осложнится. Так что я социально активный вовсе не от душевной широты. Просто поесть люблю. Ну, или, по крайней мере, люблю, чтобы в меня загружали питательно сбалансированные жидкости. Хадены собираются выйти на марш на этой неделе, чтобы показать всем, что наш мир скоро полетит в тартарары, а всей остальной Америке на это наплевать.

– Тем не менее в забастовке ты не участвовал, – сказал я.

– Я человек непоследовательный. А может, попросту трус. Или барыга, желающий захватить побольше, пока не иссяк денежный источник. Я понимаю, как важна забастовка. Но себя в ней не вижу.

– А как насчет марша на Национальной аллее? – спросил я.

– О, туда я пойду обязательно, – ответил Тони и ухмыльнулся. – Думаю, мы все пойдем.

А ты?

– Я наверняка буду там работать.

– Ну да. Жаркая у тебя неделька выдалась.

– Не без того.

– Тебя как будто в омут бросили, а там выплывай как хочешь, – задумчиво произнес Тони, глядя на код. – Не лучшее ты время выбрал для начала карьеры.

Я улыбнулся и снова посмотрел на пульсирующую нейронную сеть, обдумывая одну мысль.

– Эй, Тони?

– Да? – ответил он.

– Ты говорил, какой-то хакер вызывал у людей сердечные приступы.

– Ну, на самом деле аритмию, но этого хватило, чтобы расшевелить правительство, – сказал Тони. – А что?

– Может хакер засунуть в голову человеку мысли о самоубийстве?

Тони нахмурился, помолчал немного, потом спросил:

– Мы говорим об общем состоянии депрессии, приводящем к суицидальным мыслям, или о каких-то конкретных мыслях типа: «Хватану-ка я сегодня пулю»?

– И о том и о другом.

– Да, депрессию можно вызвать через нейронную сеть. Это вопрос управления химией мозга, что нейронные сети уже делают, – Тони показал на модель сети над головой, – хотя обычно и ненамеренно. Патч, который я сейчас пишу, как раз и должен не допустить подобных манипуляций.

– А конкретные мысли?

– Скорее всего, нет. Если речь идет о мыслях, что зарождаются в собственном мозгу человека. Генерировать образы и шум, которые идут извне, проще простого. Мы оба занимаемся этим прямо сейчас. Вот эта комната – взаимно согласованная иллюзия. Но напрямую манипулировать сознанием, чтобы кто-то начал думать так, как тебе надо, а потом еще и совершил связанное с этим действие, очень сложно.

– Сложно или невозможно? – спросил я.

– Я никогда не говорю «невозможно», – ответил Тони. – Но когда в данном случае я говорю «сложно», то имею в виду, что это еще никому не удавалось, насколько мне известно. Я даже не представляю, как к этому подступиться, даже если бы захотел, чего никогда не случится.

– Потому что это не этично? – подсказал я.

– Да, черт возьми! А еще потому, что, если додумаюсь я, кто-нибудь другой тоже додумается, ведь всегда найдется кто-то умнее, для кого вопросы этики будут не важны. И вот тогда начнется настоящая жесть. И поверить в свободную волю будет достаточно сложно.

– Значит, действительно трудно, – подытожил я, – но в принципе возможно.

– Очень и очень трудно, – нехотя допустил Тони. – Но теоретически возможно, мы же, на минуточку, живем в век квантовой физики. Слушай, Крис, а почему ты спрашиваешь? У меня такое ощущение, что это не просто праздное любопытство.

– Как выглядит твой распорядок дня? – вместо ответа спросил я.

Тони кивнул в сторону сети наверху:

– А вот как. Написал патч, проверил – работает как надо. Сейчас еще немного подчищу – это займет примерно час – и отправлю заказчику, потом свободен.

– Ты когда-нибудь работал на федеральное правительство?

– Крис, я живу в Вашингтоне, – сказал Тони. – Конечно, я работал на правительство. У меня есть код поставщика и все, что надо.

– А допуск к секретным материалам есть?

– Да, мне случалось делать конфиденциальную работу, – ответил Тони. – А того ли она уровня, о котором ты, как мне кажется, думаешь, нам придется с тобой выяснить.

– Тогда у меня, возможно, есть для тебя работа.

– Связанная с нейронными сетями?

– Да, – сказал я. – И с софтом, и с железом.

– Когда надо приступить?

– Вероятно, завтра, – ответил я. – Скажем, в девять утра.

– Значит, договорились, – улыбнулся Тони. – А сейчас я, пожалуй, все-таки закончу то, что делал, а потом хотя бы попытаюсь заснуть.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. Не каждый день новый сосед приносит работу. Поэтому отныне ты официально – мой любимый сосед.

– Я никому об этом не скажу, – пообещал я.

– Наоборот, обязательно скажи. Может, это подстегнет здоровую конкуренцию. Мне только на пользу. Хоть поработаю.

Глава 14

– Только не говорите Тринх, что я вам это сказал, – попросил капитан Дэвидсон, показывая на пятерых хаденов в обезьяннике, – но я буду безмерно рад, если ФБР избавит нас от этих кретинов.

Пятеро хаденов, а вернее, их трилы яростно сверкали глазами на меня, Ванн и Дэвидсона с другой стороны решетки. Не было бы преувеличением сказать, что они именно «сверкали глазами», потому что головы трилов у всех пятерых явно делались по индивидуальному заказу, на что указывали лица и мимика. А вот сами лица, совершенно очевидно, не принадлежали владельцам этих трилов, если только владельцы не были вылитыми копиями Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Патрика Генри, Томаса Пейна и Александра Гамильтона. Кроме того, трилы были облачены в костюмы колониальной эпохи с претензией на историческую достоверность. Все это напоминало воплощенную в жизнь диораму Первого континентального конгресса из курса начальной школы.

Конечно, трилы были всего лишь трилами. Управляющие ими хадены могли находиться в любой точке страны. Но когда хадена арестовывали в образе его трила, а он при этом отсоединялся, это расценивалось как сопротивление при аресте и бегство с места преступления. За это хадены могли благодарить одну молодую богатую девицу, которая еще на заре появления трилов неосторожно сбила механическим телом старушку, после чего в панике отсоединилась от трила и в результате потратила три года жизни и пару сотен тысяч мамочкиных денег на попытки выпутаться из этого, по сути, стандартного дорожного происшествия. В конце концов девушка добавила к списку своих преступлений еще и ложь под присягой и подкуп должностных лиц. Лучше бы она просто согласилась на общественные работы.

Вот почему наши деятели эпохи колониализма только терпеливо ждали и сердито глядели сквозь пиксели.

– За что вас задержали, Джордж? – спросил я Вашингтона.

Дэвидсон позвал нас разобраться с самыми разными задержанными хаденами, которые сидели в камерах участка. Это была первая партия.

– За то, что я осуществлял право, гарантированное нам Второй поправкой к конституции, – ответил Вашингтон; его настоящее имя было Уэйд Своуп, из Миллтауна, штат Монтана, – эта информация выскочила в моем поле зрения. – Здесь, в округе Колумбия, царит диктатура, людей лишают законного права носить оружие.

Ванн повернулась к Дэвидсону:

– Признаться, я просто в шоке оттого, что людей с оружием посадили в тюрьму.

– Ну да, посадили, – подтвердил Дэвидсон. – Наш отец-основатель все верно сказал о праве на ношение оружия, которое в данном конкретном случае оказалось снайперскими винтовками по одной на брата. Только вот он упустил одну маленькую подробность о том, как его маленькая группа борцов за независимость завалилась в кафе – между прочим, частное владение – и учинила там скандал, а когда их попросили свалить оттуда, они начали размахивать своими ружьишками. У нас есть запись с камер кафе, не говоря уже о записях на мобильных телефонах всех, кто там был.

– Мы здесь для того, чтобы обеспечивать охрану марша, – заявил Томас Джефферсон, он же Гэри Хайт из Арлингтона, штат Виргиния. – Согласно конституции, мы – ополчение и будем защищать наш народ.

– Может, вы и ополчение, – сказал я, – но я не думаю, что, когда кто-то трясет заряженным оружием в переполненном кафе, это в точности означает «хорошо регулируемое»¹⁶.

¹⁶ Во Второй поправке к конституции США говорится о том, что «хорошо регулируемое ополчение необходимо для бес-

– Кому какое дело, что ты думаешь? – гневно спросил Патрик Генри, он же Альберт Бокс из Юкайи, Калифорния. – Ты заодно с ними. С теми, кто нас угнетает. – Он указал на меня. – Ты – штрейкбрехер и предатель.

Я догадался, что Генри/Бокс понятия не имеет о том, кто я на самом деле, хотя неизвестно, изменилось бы его мнение в обратном случае. Я взглянул на Ванн и Дэвидсона и сказал:

– «Угнетают нас» – в смысле, всех хаденов или только вас, недоумков, которые вздумали размахивать оружием в кофейне? Знаете, мне хотелось бы понять глубину моего предательства.

– Знаете, что меня смущает, Шейн? – спросил Дэвидсон прежде, чем кто-нибудь из арестованных успел мне ответить.

– Поделитесь, – попросил я.

– С одной стороны, эти типы, – капитан махнул рукой в сторону колониальных хаденов, – типичные полоумные консерваторы, помешанные на Второй поправке и шляпе своего Янки Дудля. Но с другой – они считают себя охраной на марше протеста против сокращения правительственных льгот. А это, как по мне, уже либерализм.

– Да, загадка, – согласился я.

– Не знаю, не знаю, – сказал Дэвидсон. – Может, дело вовсе не в политике? Может, эти парни обычные засранцы?

– Самое простое объяснение, как правило, самое верное, – заметил я.

– У нас есть право на свободу собраний... – явно накручивая себя, начал Вашингтон/Своуп.

– О господи, только не это, – вздохнула Ванн. – Не хватало мне еще в это гребаное утро слушать твою унылую патристическую муть.

Остолбеневший от удивления Вашингтон/Своуп запнулся на полуслове.

– Уже лучше, – похвалила его Ванн и наклонилась к решетке. – В общем, так. Ваши трилы здесь, а физические тела в разных штатах. То есть вы – проблема ФБР. Значит, моя проблема. А я вижу перед собой пятерых мудаков, одетых как изнанка двухдолларовой купюры, называющих себя ополченцами и размахивающих ружьями в чертовом джорджтаунском кафетерии в нарушение раздела восемнадцать Уголовного кодекса Соединенных Штатов, глав двадцать шесть, сорок три и сто два.

Я быстренько надергал перечисленные главы восемнадцатого раздела и заметил, что сорок третья посвящена «выдаче себя за другое лицо». Наивно было бы предполагать, что кто-нибудь сможет принять Своупа за настоящего Джорджа Вашингтона, но я также знал, что лучше помалкивать.

– Поэтому у меня такое предложение, – продолжала Ванн. – Вот вам два варианта на выбор. Первый – я не завожу федерального дела, а вы отводите своих трилов в камеру хранения полицейского участка, где отключаете их, и мы вынимаем из них батареи. У вас будет три дня на то, чтобы организовать отправку трилов и ваших драгоценных винтовок обратно к вам, в противном случае мы будем считать, что вы пожертвовали их столичной полиции. Второй вариант – я таки завожу федеральное дело. В этом случае ваши трилы и оружие подлежат конфискации, ко всем вам домой приходят представители правоохранительных органов, чтобы выкатить вас в ближайшую тюрьму предварительного заключения для хаденов, которая, возможно, не так уж близко от ваших порогов. После этого вы начнете весело тратить все деньги всех членов вашей семьи, какие они только смогли заработать, на адвокатов, потому что вдобавок к тем трем главам восемнадцатого раздела, о которых я вас уже уведомила, я намерена подкинуть для обвинительного заключения столько пунктов, на сколько хватит моей фантазии.

– Чушь, – заявил Томас Пейн, он же Норм Монтгомери, из Йорка, штат Пенсильвания.

– Может, чушь, а может, и нет, – заметила Ванн. – Но как бы то ни было, я, мать вашу, точно гарантирую, что огребете вы по полной. Что доставит мне огромное удовольствие, потому что из-за вас, уродов, я сейчас трачу свое драгоценное время. Итак, пора выбирать. Дверь номер один или дверь номер два. Выбирайте с умом. И если не выберете за десять секунд, это будет дверь номер два. Я жду.

Через семь секунд отцы-основатели выбрали дверь номер один, и Дэвидсон громко позвал конвойных, чтобы отвести их по одному зараз в хранилище вещественных доказательств.

После этого мы перешли к следующей камере для арестованных, где сидела девушка-хаден, ударившая какую-то прохожую за то, что она назвала ее «жестянкой».

– Приготовьтесь к следующим четырем дням, – сказала Ванн, когда мы вышли из здания второго участка. – Еще куча задержанных трилов ждет нас в первом, третьем и шестом участках. Когда разберемся с ними, вернемся сюда, во второй, и начнем все заново. И так снова и снова, пока этот марш наконец не закончится и все хадены не разъедутся по домам. Так что попросите свою сиделку поставить вам капельницу с кофе.

– А как же Джонни Сани и «Лаудон фарма»? – спросил я.

– «Лаудон фарма» забрал отдел по борьбе с терроризмом, – ответила Ванн. – Мы пока к ней только подбираемся. Джонни Сани лежит в нашем морге и никуда не денется. И то и другое наверняка может подождать до понедельника. Если только у вас не появилось новых идей.

– Вроде бы есть кое-что, – осторожно признался я. – Наверное.

– Наверное? У нас сейчас нет времени на ваше «наверное». Нас еще ждет целая очередь трилов, с которыми надо что-то делать.

– Я хочу, чтобы кое-кто посмотрел на нейронную сеть Джонни Сани.

– Наши эксперты уже изучают ее, – напомнила Ванн.

– Я хочу, чтобы на нее посмотрел человек, который хорошо в них разбирается, – сказал я. – Тот, кто работает с ними каждый день.

– У вас есть кто-то на примете?

– Мой новый сосед.

Ванн полезла в карман жакета за электронной сигаретой:

– Не рано ли вы занялись протекциями?

– Не в этом дело, – разозлился я. – У Джонни Сани был коэффициент интеллекта восемьдесят. Он никак не мог заполучить в голову интеграторскую нейронную сеть. Кто-то ее поставил ему, использовал парня, а потом как-то вынудил перерезать собственную глотку. Думаю, в программе этой сети нашлось бы много интересного.

– Например, то, что вынудило его перерезать себе глотку? – спросила Ванн.

– Наверное.

– Ох уж эти ваши «наверное», – сказала Ванн и затянулась сигаретой.

– Тони все время пишет программы для нейронных сетей, – убеждал я ее. – А еще его нанимают компании для тестирования защиты сетей и поиска неисправностей. Он точно знает, что искать. Или хотя бы сможет заметить что-нибудь крайне необычное.

– Упомянутый Тони и есть ваш новый сосед?

– Да, – подтвердил я. – Он уже делал конфиденциальную работу для правительства. Имеет код поставщика и все такое.

– Дорого берет?

– А это важно?

– Разумеется, важно, – перенимая у меня эстафету раздражения, проворчала Ванн. – Одному из нас придется писать отчет обо всех наших сторонних тратах. И если отчет не понравится, будет много крика. Достанется и мне, и вам.

– Думаю, оно будет того стоить.

– Ладно, пусть занимается, – еще раз затянувшись, решила Ванн. – Если начальство начнет возбужать, я скажу, что это связано с «Лаудон фарма».

– И они заплатят, – заверил я.

– Не исключено.

– Точно заплатят, ведь там обязательно что-то обнаружится, – уверенно заявил я и рассказал Ванн про свой ночной мозговой штурм.

– И часто вы этим занимаетесь? – спросила она, когда я закончил. – В смысле, швыряете всякие штуки в пространство, а потом соединяете их линиями?

– Когда не могу заснуть? Да, часто.

– Вам надо поискать другие ночные забавы, – посоветовала Ванн.

– Я даже не собираюсь это обсуждать.

Ванн криво усмехнулась, затянулась в последний раз и убрала сигарету в карман.

– Вообще-то, за Хаббарда я бы не стала браться, пока у нас не появится достаточно улики против него. А когда они появятся, я бы хотела застать его врасплох. Конечно, можно допросить Кассандру Белл, но парни из отдела борьбы с терроризмом после событий на «Лаудон фарма» наверняка уже засунули ей микроскоп в толстую кишку, чтобы все проверить, так что с нами она, может, и не захочет разговаривать, а даже если захочет, им едва ли понравятся наши раскопки на их деланке. А как звали ту женщину-интегратора, которую использовал Шварц?

– Бренда Риз.

– Сегодня постучусь к ней и послушаю, что там загремит внутри, – пообещала Ванн.

– Я пойду с вами? – спросил я.

– Нет. Раз уж вы, кажется, сами тут составили для себя план работ, вам надлежит отправиться в Калифорнию и отследить денежный перевод, а потом навестить тот «Город надежды» и узнать, что из всего этого можно выжать. Надеюсь, так вы утолите свою жажду деятельности.

– А как насчет Тони? – спросил я.

– Дайте мне его данные, я сама ему все объясню и сегодня же проведу в морг, – сказала Ванн. – Если он окажется треплом, все расходы я вычту с вас.

– Он не трепло, обещаю.

– Ему же лучше, если так. Мне совсем не хочется грохнуть его, а потом подставлять вас за убийство.

– Что-то это мне напоминает, – заметил я.

– Моя угроза кого-то убить вам о чем-то напомнила? – удивленно спросила она. – Мы не так долго знакомы, Шейн.

– Вчера вечером я встретился с детективом Тринх.

– Неужели?

– Ну да. Среди прочего она поведала мне о том, что вы довели свою бывшую напарницу до попытки самоубийства.

– Надо же, – сказала Ванн. – Что она вам еще рассказала?

– Что у вас завышенные требования к своим сослуживцам, но не к себе; что вы небрежны и даже немного опасны, когда дело доходит до протокола, и что у вас есть пагубные пристрастия, которые и привели или в огромной степени поспособствовали тому, что вы ушли из интеграторов.

– А она сказала вам, что я еще жарю маленьких щенят на огне? – поинтересовалась Ванн.

– Нет. Но, наверное, имела в виду.

– Сами как думаете?

– Думаю, маленьких щенят вы не жарите, – признался я.

Ванн улыбнулась:

– Я о том, что Тринх действительно сказала.

– Мы с вами работаем третий день, – начал я. – Сначала вы гоняете меня и в хвост и в гриву, против чего я, кстати, не возражаю, а потом вдруг учиняете такую хрень, как здесь сегодня, когда разрешаете кучке засранцев с ружьями преспокойно свалить, вместо того чтобы предъявить им обвинение в нападении. Если бы они обратились к адвокатам, ваша угроза припаять им сорок третью главу не украсила бы ваше личное дело.

– Заметили, значит.

– Заметил, – подтвердил я. – Так что это я могу расценивать как «небрежность». Также я заметил, что вы много курите, а когда мы с вами разговариваем после шести вечера, вы всегда оказываетесь в баре и ищете, кого бы склеить. Насколько я могу судить, на вашу работу это не влияет, а свое свободное время вы вправе проводить, как захотите. Поэтому мне на самом деле все равно, хотя я и считаю, что травить свои легкие инсектицидом в общем и целом скверная идея.

– Вы полагаете, все это имеет какое-то отношение к моему интеграторству?

– Не имею ни малейшего представления, – сказал я. – У меня не возникло чувства, будто вы так уж сильно торопитесь поведать мне о своем прошлом, из чего напрашивается вывод, что тогда произошло нечто по-настоящему хреновое. Но это ведь ваше дело – рассказывать или нет. То же самое касается ваших тёрок с Тринх, ведь совершенно очевидно, что она точит на вас зуб.

– Весьма образное выражение, – заметила Ванн.

– Из всего, что сказала Тринх, меня беспокоит только одно, – добавил я. – Она считает, что вы не сможете держать себя в руках, непременно съедете с катушек и меня потянете за собой.

– А сами как думаете?

– Спросите меня об этом после марша, – посоветовал я. – Может, тогда я и смогу ответить.

Ванн снова улыбнулась.

– Послушайте, – сказал я, – если вы пообещаете, что не съедете с катушек и не потянете меня за собой, я вам поверю. Но не давайте обещания, если не сможете его выполнить. Если не можете обещать, ничего страшного. Просто мне надо знать заранее, вот и все.

Ванн медлила с ответом, пристально глядя на меня.

– Слушайте, – наконец сказала она, – когда эти выходные закончатся, мы с вами завалимся куда-нибудь, я возьму пива, а вы – что захотите, и расскажу, почему я больше не интегратор, почему моя напарница пустила себе пулю в живот и почему эта засранка Тринх точит на меня зуб.

– Жду с нетерпением, – пообещал я.

– А пока скажу вам, Шейн, что съезжать с катушек я не собираюсь. Обещаю.

– Я вам верю.

– Вот и чудесно, – подытожила Ванн и достала телефон, чтобы узнать время. – С этим разобрались, теперь можно и поработать. У нас еще два участка.

– Я думал, что отправлюсь в Калифорнию, – напомнил я.

– Там до девяти утра никого не будет, – сказала Ванн. – До этого есть пара часов. Так что давайте попробуем разогнать по домам еще кучку смутьянов. Один из трилов в первом участке задержан за пьяный дебош. Мне не терпится узнать, как он умудрился это устроить.

Глава 15

Я огляделся и понял, что нахожусь в хранилище вещдоков в управлении ФБР Лос-Анджелеса. На меня смотрела агент ФБР.

– Агент Шейн? – спросила она.

– Он самый, – ответил я и попробовал встать, что, как вскоре выяснилось, оказалось не так-то просто. – Не могу двинуться с места, – добавил я через минуту.

– А, вы об этом? Наш действующий резервный трил сейчас используется одним из наших местных агентов, потому что ее обычный отправлен в ремонт, – деловито сообщила агент. – Мы дали вам наш единственный доступный трил. Он пробыл на складе какое-то время.

– «Какое-то время» – это сколько? – запустив диагностику, спросил я.

– Думаю, года четыре. Нет, пять. Да, скорее, пять.

– Вы позволяете мне использовать трил, который хранится как вещественное доказательство? А вам не кажется, что это, мягко говоря, нарушение прав собственности?

– О, то дело уже закрыто, – сообщила агент. – Хозяин трила умер в нашем следственном изоляторе.

– Как это случилось?

– Его пырнули заточкой.

– Хадена пырнули заточкой? Сурово.

– Это был плохой человек.

– Послушайте, э-э... – Я понял, что не знаю ее имени.

– Агент Изабель Ибаньес, – любезно подсказала она.

– Послушайте, агент Ибаньес, я не хочу показаться неблагодарным, но я только что получил результат диагностики этого трила. Его ноги не работают. Совсем. Судя по всему, им нанесен значительный ущерб.

– Наверное, это потому, что в трила попали из дробовика, – предположила агент.

– Из дробовика, – повторил я.

– Во время перестрелки с агентами ФБР, – уточнила Ибаньес.

– Похоже, хозяин трила и правда был плохим человеком.

– Еще каким плохим.

– Надеюсь, вы понимаете, что трил с обездвиженными ногами станет серьезным препятствием в той работе, которую я должен сегодня здесь выполнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.